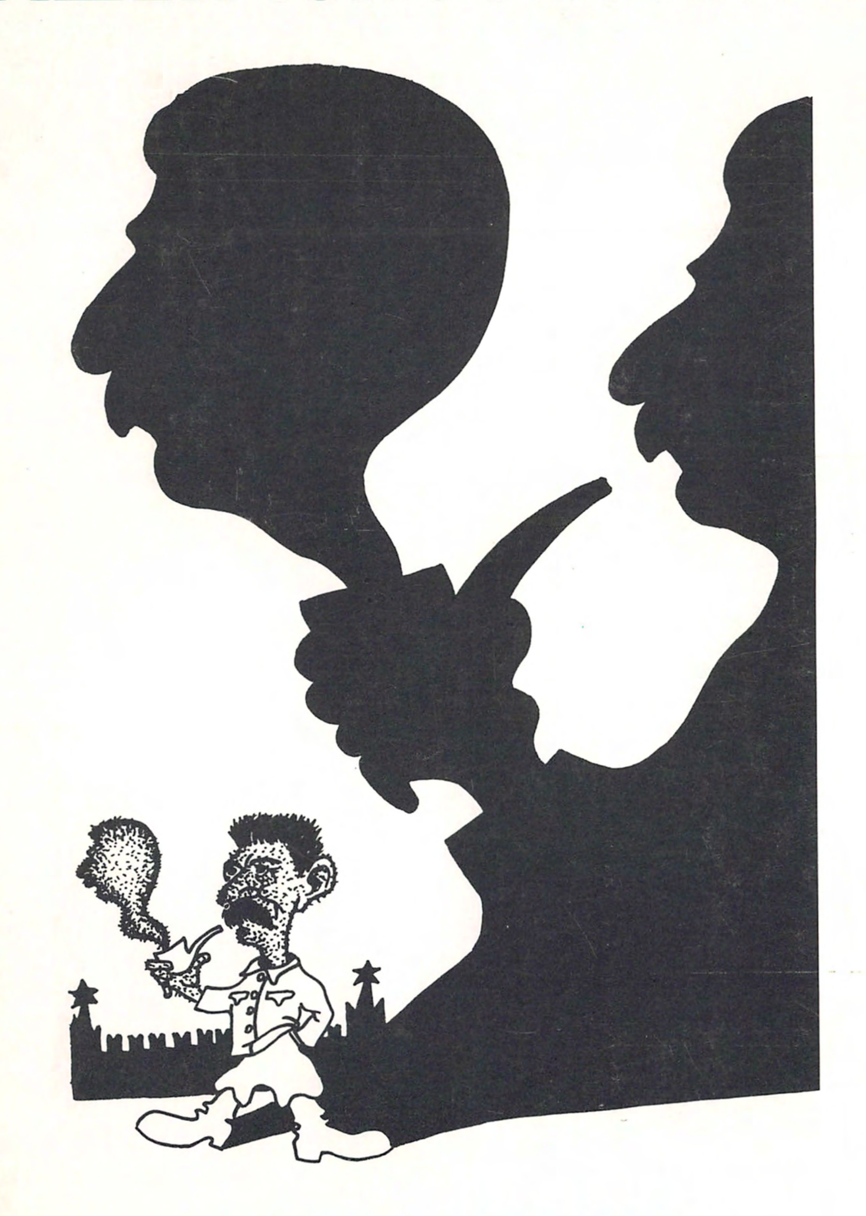
АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

НАШЕЙ ЮНОСТИ ПОЛЕТ

L'AGE D'HOMME

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ НАШЕЙ ЮНОСТИ ПОЛЕТ L'AGE D'HOMME

НАШЕЙ ЮНОСТИ ПОЛЕТ

Александр Зиновьев

НАШЕЙ ЮНОСТИ ПОЛЕТ

литературно-социологический очерк сталинизма

L'AGE D'HOMME

ЭТО БЫЛО

Мы страницы листали,
И с шершавых страниц
Слово грозное "Сталин"
Повергало нас ниц.
И от вечного страха
Только гимны о нем,
Встать не смея из праха,
Пели мы день за днем.

НАМЕРЕНИЕ

Название этой книги взято из слов песни, которую советские люди пели в сталинские времена /"Сталин - наша слава боевая. Сталин - нашей юности полет. С песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет"/. Пел и я эту песню вместе со всеми, несмотря на то, что ненависть лично к Сталину и ко всему тому, что тогда связывалось с его именем, была всепоглощающей страстью моей юности. Я пел эту песню и не чувствовал в ней фальши. Я чувствовал в ней что-то другое, гораздо более страшное, чем фальшь, а именно: всесокрушающий ураган великой истории. В этой книге я хочу рассказать немного о том, как осознавался и ощущался этот исторический ураган некоторыми представителями моего поколения, вовлеченными в него, - о том, чем был сталинизм для нас. Слово "сталинизм" употребляют во многих различных значениях. Для меня сталинизм - не слово, подлежащее определению, а общеизвестный эмпирический факт, подлежащий изучению и осмыслению. Это - эпоха становления, формирования нового, коммунистического общества. Это - юность реального коммунизма. В эту эпоху происходило формирование социального строя страны,

ее экономики, формы власти и управления, идеологии, культуры, а также объединение многочисленных народов в единое государство, короче говоря - происходило формирование всех основных явлений коммунистического общества как целого.
Временные рамки этой эпохи можно определять по-разному. Началом можно считать окончание гражданской войны, избрание Сталина Генеральным Секретарем ЦК, смерть Ленина. Концом можно считать смерть Сталина, разоблачительный доклад Хрущева, окончание войны с Германией, XIX съезд партии. Для меня важно следующее: эта эпоха связана с деятельностью Сталина и его сообщников, а временные рамки должны быть определены так, чтобы в них вошли все основные события эпохи и основные деяния Сталина и сталинистов.

ЭТО СТАЛО

Нет уж тех поколений.
В прах повержен кумир.
Приподнялся с коленей
Перепуганный мир.
Уж ничем не рискуем
Мы безвинно. И вот
Коллективно смакуем
Во весь рот анекдот.

СТАЛИНСКАЯ ЭПОХА

Сталинская эпоха ушла в прошлое, осужденная, осмеянная, оплеванная и окарикатуренная, но не понятая. А между тем все то, что вырвалось наружу в хрущевское время, было накоплено, выстрадано и обдумано в сталинское время. Все то, что стало буднями советской жизни в брежневское время, вызрело в сталинское время. Сталинская эпоха была юностью советского общества, периодом превращения его в зрелый социальный организм. И хотя бы уже потому она заслуживает нечто большего, чем осуждения: она заслуживает понимания.
Понимание не есть оправдание. Можно понять, не оправдывая. Можно оправдать, не понимая. Оправдание есть явление моральное, понимание - гносеологическое. С точки зрения понимания, причины настоящего лежат в прошлом. С точки зрения оправдания или осуждения никакой связи между прошлым и настоящим нет. Настоящее не оправдывает прошлое. Прошлое не повинно в

настоящем. Нельзя осуждать или оправдывать прошлое с точки зрения настоящего. Нельзя осуждать или оправдывать настоящее с точки зрения прошлого. Рассматривать историю в категориях оправдания и осуждения - значит исключать всякую возможность ее понимания.

Стало привычным штампом рассматривать сталинскую эпоху как эпоху преступную. Это - грубое смешение понятий. Понятие преступности есть понятие юридическое или моральное, но не историческое и не социологическое. Оно по самому смыслу своему неприменимо к историческим эпохам, к обществам, к целым народам. Рабовладельческое общество и феодальное общество не были преступными, хотя многое, происходившее в них, можно рассматривать как преступления. Сталинская эпоха была страшной и трагической эпохой. В ней совершались бесчисленные преступления. Но сама она как целое не была преступлением. И не является преступным общество, сложившееся в эту эпоху, каким бы плохим оно ни было на самом деле. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что в тех исторических условиях сталинизм был закономерным продуктом Великой Революции и единственным способом для нового общества выжить и отстоять свое право на существование. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что она навеки похоронила надежды на идеологический земной рай, построив этот рай на самом деле. Она обнажила подлинную страшную сущность многовековой мечты человечества.

После короткой и ожесточенной вспышки интереса к сталинской эпохе и ее разоблачительства наступило равнодушие к ней. Есть много причин, порождающих в совокупности эту тенденцию к забвению своего недавнего прошлого. Среди них - радость избавления и страх повторения. Этот страх напрасен. Такая эпоха неповторима: общественный организм, как и любой другой живой высокоразвитый организм, переживает юность лишь однажды. А избавление иллюзорно. Сталинская эпоха в самом существенном своем содержании вошла в нашу плоть и кровь навечно, - она породила нашу сегодняшнюю реальность и носителей ее. Она породила будущее. Так что уклониться от внимания к ней и от ее беспощадной объективной оценки все равно не удастся.

На Западе выходят бесчисленные книги о гитлеровской Германии, Гитлере и его соратниках. А ведь гитлеровская Германия просуществовала всего несколько лет, потерпев сокрушительное поражение. Сталин же и его соратники одержали блистательную историческую победу, построив новый тип общества со всеми его атрибутами, и в колоссальной степени усилили мировую тенденцию к коммунистическому социальному устройству. Есть советский анекдот, в котором Гитлер рассматривается как мелкий бандит сталинской эпохи. Этот анекдот соответствует сути дела.

Гитлеровская Германия - эпизод в истории, сталинская эпоха - великий перелом всей истории. И несмотря на это внимание к сталинской эпохе и сталинизму здесь ничтожно. Что это означает? Страх реальности? Боязнь признать историческое творчество "низшей расы"? Самомнение? Да и в Советском Союзе положение не лучше. Советская наука и идеология уже не способны воздать должное сталинской эпохе. Они обречены на полуосуждение и полуоправдание ее. Историческое же величие эпохи состоит не в ложной чистоте и мелких воображаемых ошибках, а в том реальном океане страданий, крови, грязи, лжи, насилия и прочих мерзостей, через которые пришлось пройти стране. Потому лишь жертвы и враги сталинизма еще способны защитить его историческое достоинство. Но скоро и их не останется в живых. Останутся лишь равнодушные да бездарные спекулянты за счет уже безопасного прошлого.

Понять историческую эпоху такого масштаба, как сталинская, - это не значит описать последовательность множества ее событий и их видимую причинно-следственную связь. Это значит понять сущность того нового общественного организма, который созревал в эту эпоху. Отмечу в этой связи некоторые характерные свойства известных мне сочинений о Сталине, сталинизме и сталинской эпохе. В этих сочинениях обычно выделяется один какой-то аспект исторического процесса /чаще - аспект борьбы Сталина за личную власть и репрессий/, раздувается сверх меры, целостность этого процесса испаряется, и невольно получается односторонне-ложная его картина. Историческая эпоха, далее, рассматривается со стороны /как она представляется западному наблюдателю/ или сверху /как она представляется с точки зрения деятельности партий, групп и отдельных личностей/. И потому невольно получается поверхностное и чисто фактологическое описание. Основное в этой эпохе, т.е. все то, что происходило в массе населения и послужило базисом для всех видимых сверху и со стороны явлений, т.е. основной глубинный поток истории почти не принимается во внимание или учитывается в ничтожной мере. Потому сталинизм представляется как обман и насилие, тогда как в основе он был добровольным творчеством многомиллионных масс людей, лишь организумемых в единый поток посредством обмана и насилия.

Другая характерная слабость упомянутых сочинений - смешение словесной формы и объективной сущности эпохи. Реальность лишь частично и к тому же в превращенной форме отражается в словесном потоке своего времени. Не всегда речи деятелей эпохи, программы партий, резолюции съездов, газетные статьи и книги адекватно отражают глубинное течение истории. Иногда бурное кипение страстей происходит в стороне от главного течения и на мелком месте, а мощное скрытое течение остается незамеченным на

поверхности. Преувеличение роли словесной формы истории и игнорирование ее неадекватности скрытой сущности процесса имели следствием то, что второстепенные личности и события занимают больше внимания людей, чем реально первостепенные, их роль сильно преувеличивается в ущерб исторической правде. Характерный пример этого - непомерное раздувание интеллекта Троцкого и умаление такового Сталина, объяснение победы сталинизма над троцкизмом личными отрицательными качествами Сталина и его сподвижников. А между тем с точки зрения существа исторического процесса /т.е. глядя на него снизу, из глубины/ победа сталинизма была закономерным следствием того, что именно Сталин и сталинисты наиболее адекватно выражали сущность потребностей той эпохи и ее объективные тенденции. Троцкий и подобные ему кажутся гениями лишь с точки зрения словесной пены истории. Если они и гении, то гении болтовни, а не реального дела. С точки зрения понимания существа эпохи все они суть жалкие карлики в сравнении со Сталиным. Масштабы исторической личности определяются не умением долго и красноречиво болтать, а именно степенью адекватности тому движению массы, на роль руководителя которой ее вытолкнули обстоятельства. Масштабы исторической личности определяются, далее, не способностью понимать объективную сущность происходящих событий и объективные тенденции исторического процесса в данное время, а тем, насколько его личная деятельность совпадает с объективными закономерностями нарождающегося общества и насколько она способствует реализации его объективных тенденций. Интеллект исторического деятеля мало что общего имеет с интеллектом ученого социолога и ученого историка, изучающих эпоху этого исторического деятеля и его роль в ней. Исторический деятель может быть гением в своей области, не имея ни малейшего представления о средствах познания, которыми оперируют ученые и с которыми знакомы даже начинающие студенты. Ворошилов и Буденный, например, понимали в происходящем с научной точки зрения не больше, чем лошади, на которых они принимали военные парады. Но они были хорошими помощниками Сталина и исправно служили его делу. Сталин сам понимал с научной точки зрения в происходящем немногим больше их, но именно он был историческим гением, а они были ничтожествами в сравнении с ним. И он был таковым не благодаря тому, что был чуточку образованнее и умнее их в качестве студента некоей науки, а благодаря своему умению сыграть роль, заданную ему историей. Великие исторические деятели не столько творят историю, сколько вытворяют истории, история же сама творит их по образу своему и подобию.

ПЕРВОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Пройдет еще немного лет.
И смысл утратят наши страсти.
И хладнокровные умы
Разложат нашу жизнь на части.
На них наклеят для удобств
Классификаторские метки.
И, словно в школьный аттестат,
Проставят должные отметки.
Устанут даже правдецы
От обличительных истерий.
И истолкуют как прогресс
Все наши прошлые потери.
У самых чутких из людей
Не затрепещет сердце боле
Из-за известной им со слов,
Испытанной не ими боли.
Все так и будет. А пока
Продолжим начатое дело.
Костьми поляжем за канал.
Под пулемет подставим тело.
Недоедим. И недоспим.
Конечно, недолюбим тоже.
И все, что встанет на пути,
Своим движеньем уничтожим.

Я

Это произошло в 1939 году. На семинаре в институте я "сорвался" - рассказал о том, что на самом деле творилось в колхозах. Меня "прорабатывали" на комсомольском собрании, потребовали, чтобы я признал свои ошибки. Я упорствовал. Меня исключили из комсомола, а затем и из института. Мои бывшие школьные друзья решили проявить обо мне заботу - выяснить причины моего срыва и помочь мне. По инициативе комсорга школы они устроили вечеринку, на которой спровоцировали меня на откровенный разговор. Я уже покатился по наклонной плоскости и не стал сдерживаться: выложил им всю свою антисталинскую концепцию.
Уже на следующий день в наш вечно залитый водой подвал спустился молодой человек. Я сразу понял, что это за мной, - я был уверен, что друзья напишут донос на Лубянку, и меня арестуют. На Лубянке со мной беседовал пожилой человек в военной форме, но без

знаков различия. На столе у него лежало письмо моих друзей: я узнал почерк. После разговора пожилой чекист велел молодому отвести меня куда-то. Мы уже вышли на улицу. В это время моего сопровождающего почему-то позвали обратно. "Подожди меня здесь, - сказал он, - я через минуту вернусь". Но я не стал ждать его. Я ушел, сам не зная куда. Домой решил не возвращаться. Ночевал на вокзале. Утром влез в какой-то поезд. Километрах в ста от Москвы меня выбросил из вагона проводник. Так началась моя жизнь тайного антисталиниста. Кое-что из нее я припомню в дальнейшем. Хотите - верьте, хотите - нет, а то "Пророчество", которое вы только что прочитали, я сочинил еще тогда, в тысяча девятьсот тридцать девятом году. Я в те годы сочинил и многое другое. Но ничего не сохранил. И правильно сделал, иначе я не сохранил бы свою шкуру.

Я был антисталинистом вплоть до хрущевского доклада. Антисталинистская пропаганда была делом моей жизни. Я не горжусь этим и не считаю себя исключительной личностью. Я встречал других антисталинистов, которые были таковыми с большим риском. Некоторые из них погибли. Некоторые уцелели, но забыли о своей прошлой деятельности. Никто из нас в те времена не считал себя героем. А теперь героями себя изображают те, кто был на самом деле сталинистом. Наша позиция была естественной мальчишеской реакцией на факты нашей жизни. Как-то я встретил довоенного знакомого, отсидевшего в лагерях больше пятнадцати лет за "попытку покушения на Сталина". На мой пошлый вопрос "Ну как?" он ответил, что "дураков учить надо". Моя антисталинистская пропаганда была примитивной и спорадической. По настроению и в подходящей ситуации. Психологически я чувствовал себя выше окружающих, - я видел и понимал многое такое, чего /как казалось мне/ не видели и не понимали они. Я ощущал себя потенциальным, а порою и актуальным борцом против режима, - это была инерция революции, направленная теперь против результатов самой революции.

Мой антисталинизм был порожден нестерпимо тяжелыми условиями жизни людей, в среде которых я рос. Моя личная ненависть к Сталину была лишь персонификацией моего протеста против этих условий. Но я очень рано стал размышлять о причинах этой чудовищной /как казалось мне тогда/ несправедливости. К концу школы я уже был уверен в том, что причины зла коренятся в самом социализме /коммунизме/. Моя личная ненависть к Сталину стала уступать место чисто интеллектуальному любопытству - желанию понять скрытые механизмы социалистического общества, порождающие все те отрицательные явления, на которые я уже насмотрелся достаточно много. Для меня сталинизм еще оставался воплощением и олицетворением реального коммунизма. Я тогда еще не знал, что это - всего лишь юность нового общества. Когда я это

понял /это случилось в конце войны/, я вообще перестал относиться к Сталину и его соратникам как к людям, вернее - на смену ненависти пришло презрение.

К этому времени я отчетливо осознал еще одно обстоятельство, сыгравшее важную роль в моем отношении к Сталину и сталинизму: я понял, что мое чувство превосходства над окружающими было самообольщением. Я имел сотни бесед с людьми самого различного возраста и положения. И самыми осведомленными о дефектах нашей жизни среди них были сотрудники Органов государственной безопасности, партийные чиновники, провокаторы и стукачи. Главное, понял я, не знание фактов, а отношение к ним. Сталинизм постепенно стал превращаться из моего личного врага в объект изучения.

Но вот умер Сталин. Для меня - сдох: он был мой враг. Но что случилось со мной? Я, обезумевший, метался по Москве, пил стаканами водку во всех попадающихся на пути забегаловках и не пьянел. Теперь, спустя тридцать лет, я понял, что случилось тогда: исчез мой враг, делавший мою жизнь осмысленной, окончилась моя Великая Тайна борца против сталинизма. Начиналась будничная жизнь рядового советского гражданина, в меру критичного по отношению к существующему строю, но в общем и целом приниимающего его и сотрудничающего с властями в его сохранении.

После хрущевского доклада мой антисталинизм вообще утратил смысл. Все наперебой начали критиковать Сталина и его соратников. Все вдруг стали "жертвами культа". Меня это раздражало. Однажды при обсуждении диссертации одного сотрудника нашего учреждения, обругавшего /как это стало модно/ Сталина, среди прочих выступил и я и сказал, что "мертвого льва может лягнуть даже осел". Меня вызвали на Лубянку и сказали, что мое поведение не соответствует генеральной линии партии на данном этапе, что я ошибаюсь, воображая, будто "сталинские времена" кончились, и что если я не прекращу свои просталинские заявления, они /т.е. Органы/ будут вынуждены принять в отношении меня суровые меры.

Будучи не в силах принять сей жизненный парадокс, я запил пуще прежнего. Я был в этом не одинок. Точно так же поступали многие уцелевшие антисталинисты, потерявшие предмет своей ненависти, и немногие нераскаявшиеся сталинисты, потерявшие предмет своей любви. Мы вместе с ними опустились на самое дно человеческого бытия. Мы не чувствовали вражды друг к другу, ибо все мы были обломками великой эпохи и ее ничтожного крушения. В одно из таких падений в помойку человеческого бытия я встретил этого человека. На мой вопрос, что он думает по поводу хрущевского доклада, он сказал: "Великан Истории поскользнулся на арбузной корке и сломал себе хребет". Он имел в виду сталинизм.

ОН

Когда я, дрожа от холода и мерзостности внутреннего состояния, очнулся в новом вытрезвителе нашего района, на койке рядом сидело сине-фиолетовое, колючее, с желто-красными подтеками существо.
- Хорош, - сказал я вместо приветствия.
- А ты, думаешь, лучше? - миролюбиво ответило существо. - Красавчиками мы выходим только из морга.
Выполнив положенные в таких случаях формальности и прослушав часовую лекцию о моральном облике строителей коммунизма, мы покинули вытрезвитель со здоровым намерением "надраться" снова.
- Первый раз здесь, - сказал Он, с изумлением разглядывая дорические колонны и увенчанный скульптурами ударников труда фронтон нашего нового вытрезвителя. - Дворец, а не помойка для отбросов общества!
- Подарок трудящимся нашего района к годовщине /не помню, какой по счету/ Великого Октября, как сообщила наша пресса. По числу пьяно-коек превосходит все прочие вместе взятые. И с новыми, научно обоснованными методами вытрезвления. В старых вытрезвителях пьяниц опускают в холодную ванну ногами, держа за волосы, если таковые есть, или за уши, если волосы отсутствуют. А здесь опускают в ледяную ванну, причем - головой, держа пьяницу за пятки. Так что мы вроде Ахиллесы теперь.
- Которые, как доказала логика, не могут догнать даже черепаху.
- А собираемся Америку догнать и перегнать. Кроме того, здесь повышают морально-политический уровень пьяниц настолько, что они после этого ничего другого, кроме коммунизма, строить уже не способны.
Идти на работу было бессмысленно: туда все равно сообщат о наших похождениях. Мы решили "закрепить знакомство".
- Я инженер, - сказал Он, - в инвалидной артели "Детская игрушка". Странное выражение "детские игрушки". Можно подумать,что есть какие-то другие, недетские игрушки. Не обожествляйте слово "инженер". Мои функции как инженера сводятся к тому, что я подписываю бумажки, смысла которых не понимаю. Держат меня там только потому, что я ветеран войны и имел три ранения. Одно тяжелое. Числюсь инвалидом. Получаю пенсию. На пенсию живу, а зарплату пропиваю.
Потом мы встречались с ним чуть ли не каждый день. Он оказался бывшим антисталинистом, причем - раскаявшимся.
- Раскаявшийся сталинист, - сказал Он, - есть нечто совершенно заурядное. Но раскаявшийся антисталинист, согласитесь, это есть нечто из ряда вон выходящее.
Мы много разговаривали. Теперь трудно различить, что говорил Он и что говорил я. Наше принципиальное понимание прошлого и

отношение к нему совпадали, а на авторство идей и приоритет мы не претендовали. Так что я лишь с целью удобства описания буду приписывать все мысли, прошедшие тогда через мою собственную голову, Ему. Разумеется, лишь те, что вспомнятся сейчас. И в той языковой форме, в какой я могу сформулировать их сейчас.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Легко быть моральным, сидя в комфорте и безопасности, - говорил Он. Не доноси! Не подавай руку стукачу! Не голосуй! Не одобряй! Протестуй!... А ты попробуй, следуй этим прекрасным советам на деле! Думаете, страх наказания? Есть, конечно. Но главное тут - другое. Дайте мне самого кристально чистого человека, и я докажу, что он в своей жизни подлостей совершил не меньше, чем самый отъявленный подлец. Гляньте туда! Видите? Хулиганы пристают к девушке. А прохожие? Ноль внимания. А ведь мужчины. Сильные. Вон тот одной левой может раскидать десяток таких хлюпиков. Думаете, заступится за девчонку? Нет! А небось, кристально чист. Совесть спокойная. Вот в том-то и дело. Я сам дважды был жертвой доносов. А разве я лучше моих доносчиков? Вот вчера у нас было партийное собрание. Разбирали персональное дело одного парня. Дело пустяковое. Но нашлись желающие раздуть. И раздули. Райком партии раздул еще больше. Ну и понесли парня со страшной силой. Из партии исключили. Единогласно. И я голосовал тоже. А что прикажешь делать? Защищать? Я с ним в близких отношениях не был. Парень этот сам дерьмо порядочное. И проступок все-таки был. Ради чего защищать? Ради некоей справедливости? Вот в этом-то и загвоздка! Мы все считали и считаем наказание справедливым. И сам этот парень тоже. Кстати сказать, мы и пить вчера начали с ними вместе. Он - с горя. Мы - из сочувствия к горю. Повод был подходящий.

Что справедливо, и что - нет, - вот в чем суть дела. Я много думал на эту тему, времени для раздумий было больше чем достаточно. И знаешь, что я надумал? Никакой справедливости и несправедливости вообще нет! Есть лишь сознание справедливости или несправедливости происходящего. Со - зна - ни - е! Понимаешь? То есть наша субъективная оценка происходящего, и только. А мы отрываем в своем воображении содержание нашего сознания от самого факта сознания и получаем пустышку: справедливость как таковая! И эта пустышка терзает души миллионов людей много столетий подряд. Террор этой пустышки посильнее и пострашнее сталинского.

Есть правила и для субъективных оценок, знаю. Но они общезначимы лишь в рамках данной общности людей, в рамках

принятых в ней представлений, понятий, норм. Мы, осуждая того парня, действовали в рамках наших представлений о справедливости, в рамках принятых нами и одобряемых норм на этот счет. И жертва эти нормы и представления принимает тоже.

А в те времена, думаешь, по-другому было? Сознание справедливости происходящего владело подавляющим большинством участников событий, - вот чего не могут понять нынешние разоблачители ужасов сталинского периода. Без этого ни за что не поймешь, почему было возможно в таких масштабах манипулировать людьми и почему люди позволяли это делать с собою. Конечно, случаи нарушения справедливости были. Например, расстреляли высокого начальника из Органов, который сам перед этим тысячи людей подвел под расстрел. Расстреляли военачальника - героя Гражданской войны, который командовал войсками, жестоко подавившими крестьянский бунт. Но в общем и целом эта эпоха прошла с поразительным самосознанием справедливости всех ее ужасов. Это теперь, с новыми мерками справедливости и несправедливости мы обрушиваемся на наше прошлое как на чудовищное нарушение справедливости. Но в таком случае вся прошлая история есть несправедливость.

ВИНА

То же самое в отношении вины и невиновности. Это есть лишь другая сторона той же проблемы справедливости. Теперь проблема виновности и невиновности кажется очень простой. И мы переносим нынешние критерии на прошлое, забывая о том, что произошли по крайней мере два таких изменения: 1/ сыграли свою роль и отпали многие поступки, которые были существенны в сталинское время; 2/ в стране выработались практически действующая система юридических норм и норм другого рода, которой еще не было в сталинское время. И люди в то время ощущали себя виновными или невиновными в иной системе норм и представлений об этом, чем сейчас. Например, руководитель стройки, который не выполнил задание в заданные сроки по вполне объективным причинам /например, из-за погоды/, ощущал себя, однако, виновным. И вышестоящие органы рассматривали его как виновного. Родственники, сослуживцы и друзья тоже. Одни из участников дела переживали судьбу арестованного начальника как несчастье, другие радовались этому. Но ни у кого не было сомнения в его виновности. Я принимал участие в одной такой стройке за Полярным Кругом. Начальник соседней стройки обрек на гибель пятьдесят тысяч человек ради незначительного успеха. Его наградили орденом. Начальник нашей стройки "пожалел" людей: угробил не пятьдесят

тысяч, а всего десять. Его расстреляли за "вредительство". Первый не испытывал чувства вины за гибель людей. Второй ощущал себя вредителем. Я не встретил тогда ни одного человека, кто воспринимал бы происходившее как вину первого и как невиновность второго.

Я сам прошел через все это. На студенческой вечеринке я наговорил лишнего о Сталине. Я никогда не был принципиальным врагом нашего строя, Сталина, политики тех времен. Просто случилось так, что высказал вслух то, что накопилось в душе. И это тоже нормальное явление. Тогда многие срывались. На меня написали донос. Я знал, что донос будет, и это тоже было общим правилом. И не видел в этом ничего особенного. Я знал, что сделал глупость, и чувствовал себя виноватым. Я считал справедливым и донос, в котором я не сомневался, и наказание за мою вину, которое я ожидал. Если теперь посмотреть на этот случай, то все будет выглядеть иначе. Доносчики будут выглядеть как безнравственные подонки. А они на самом деле были честными комсомольцами и хорошими товарищами. Я буду выглядеть героем, которого предали товарищи, а власти несправедливо наказали. А я не был героем. Я был преступником, ибо я и окружающие ощущали меня таковым. И это было в строгом соответствии с неписаными нормами тех дней и с неписаной интерпретацией писаных норм.

ДОНОС

- Надо различать, - говорил Он, - донос как отдельное действие, совершенное конкретным человеком, и донос как массовое явление. В первом случае он подлежит моральной оценке, а во втором - социологической. Во втором случае мы обязаны прежде всего говорить о его причинах и о роли в обществе, о его целесообразности или нецелесообразности, социальной оправданности или неоправданности. И лишь после этого и на этой основе можно подумать и о моральном аспекте проблемы. В том, что касается доносов сталинского периода, моральный аспект вообще лишен смысла.

Смотри сам. Новый строй только что народился. Очень еще непрочен. Буквально висит на волоске. Врагов не счесть. Реальных врагов, а не воображаемых, между прочим. Что ты думаешь, все население так сразу и приняло новый строй, а власти лишь выдумывали врагов?! Малограмотное руководство. Никакого понимания сути новых общественных отношений. Никакого понимания человеческой психологии. Никакой уверенности ни в чем. Все вслепую и наощупь. Не будь массового доносительства в это время, кто знает, уцелел ли бы сам строй. Но широкие массы

населения сами проявили инициативу и доносили. Для них доносительство было формой участия в великой революции и охраной ее завоеваний. Донос был в основе добровoлен и не воспринимался как донос. Лишь на этой основе он превратился в нечто принудительное и морально порицаемое ханжами и лицемерами. И роль доноса с точки зрения влияния на ход событий в стране была не та, что теперь, - грандиознее и ощутимее. Я имею в виду не некое совпадение каждого конкретного доноса и действий властей в отношении доносимого, а соотношение массы доносов как некоего целого и поведения властей тоже как целого. Масса доносов отражалась в судьбе масс людей.
Теперь отпала потребность в доносе как социальном массовом явлении. Одновременно отпали породившие его условия. На место доноса сталинского периода пришел донос как элемент профессиональной деятельности определенной организации, - т.е. как заурядное явление, порицаемое на моральном уровне. Конечно, нет четкой границы между этими эпохами. И в сталинское время была мешанина из доноса как формы революционной самодеятельности миллионных масс населения и доноса в его привычном полицейско-жандармском смысле. Тот первый донос на меня был детищем великой революции. Зато второй раз я пал жертвой доноса в его банальном, совсем нереволюционном значении. Этот второй донос был уже не во имя революции, а во имя личного положения в новом обществе, которое уже родилось в результате революции и было глубоко враждебно ей.

В ЗАЩИТУ ЭПОХИ

- Если хотите знать основу сталинизма и его успехов, - говорил Он, - проделайте хотя бы самое примитивное социологическое исследование. Выберите характерный район с населением хотя бы в один миллион. И изучите его хотя бы по таким показателям. Численность населения, его социальный состав, профессии, имущественное положение, образованность, культура, число репрессированных, передвижения людей /куда люди покидали район и откуда появлялись в нем вновь/. Изучите, что стало с теми, кто покинул район. Сделать это надо по годам, а иногда - по месяцам. ибо история неслась с ураганной скоростью. Знаю, трудно получить данные. Но все же что-то возможно получить. И группа грамотных социологов могла бы дать достаточно полную картину. И вы бы тогда увидели, что репрессии в ту эпоху играли не такую уж огромную роль, какую вы им приписываете теперь. И роль их в значительной мере была не такой, как кажется теперь. Вы бы тогда увидели, что главным в эту эпоху было нечто иное, позитивное, а не

негативное. Вы смотрите на эту эпоху глазами репрессированных. Но репрессированный вырывался из нормальной жизни общества. Тут собирались люди самого различного сорта, причем - далеко не всегда лучшие люди общества. Хотя в лагерях люди гибли, но постепенно они там накапливались, - люди из разных слоев, эпох, поколений. Хотя репрессии и концлагеря были обычным делом той эпохи, они не были моделью общества в целом. Общество отражалось в них, поставляя в них своих представителей, но сами они существовали по жутким законам таких объединений людей, вырванных из исторического процесса.Можно на эту эпоху смотреть и глазами уцелевших и преуспевших, а их было много больше, чем репрессированных. А кто подсчитает число тех, кто в какой-то мере преуспел, причем - подсчитает это также в ряде поколений? Странно, почему советские идеологи не сделают этого?

РЕПРЕССИИ

- О том, что кого-то где-то арестовали,- говорил Он, - мы слышали постоянно, не говоря уж о сенсационных арестах на высшем уровне. Но не думайте, что вся наша жизнь была заполнена этим.

В нашем доме арестовали инженера, который жил вдвоем с женой в двадцатиметровой комнате. Мы его считали богачом: у нас была десятиметровая комната на пятерых. Наша семья не рассчитывала на эту комнату. Мы рассчитывали на комнату тех жильцов, которые получат комнату арестованных /жену его тоже арестовали/. Но совершенно неожиданно комнату арестованных отдали нам. Что творилось в доме, невозможно описать. Соседи, претендовавшие на комнату, лили нам в кастрюли керосин и прочую гадость. Приходилось все запирать. А что нам оставалось делать? Не в нашей власти было оставить инженера с женой на свободе. Если бы мы в знак протеста отказались от комнаты, нас самих арестовали бы. Мы не могли отказаться. Но мы и не хотели это делать. И в этом было наше соучастие в репрессиях: нам все-таки тоже кое-что перепало. После этого мои родители портрет Сталина на стенку повесили на самом видном месте. Несколько лет агитаторы нам твердили о том, что советская власть проявила о нас заботу. Нечто подобное происходило в тысячах точек общества.

Сам факт массовых репрессий очевиден и общеизвестен. Проблема в том, почему они стали возможны, почему люди, которых считают теперь преступниками, могли совершать их безнаказанно? А потому что это было делом не безнравственных и жестоких одиночек, а многомиллионных масс населения, наделенных всеми мыслимыми добродетелями. Это было наше общее дело - совместное дело жертв и палачей.

ПОЧЕМУ

Почему я стал антисталинистом? Обстоятельства сложились так, что меня постепенно и помимо моей воли вынудили на действия и мысли, которые в конце концов и навязали мне антисталинистские убеждения и роль антисталиниста. Например, нам так назойливо твердили о том, что мы своими "прекрасными жилищными условиями" /комната в двадцать квадратных метров на пять человек/ обязаны советской власти и лично товарищу Сталину, что можно было во что угодно свихнуться. Однажды я не выдержал и ехидно заметил, что мы действительно этими "прекрасными жилищными условиями" обязаны лично Сталину. С этого момента во мне зародилась ненависть к Сталину. Такого рода случаев, укрепивших мою ненависть, были сотни.

А потом начала действовать более глубокая причина, которую я осознал отчетливо только теперь: протест против того общественного устройства, которое складывалось в сталинское время и которое, как казалось мне, противоречило идеалам революции. Я возлагал вину за это "отступление" от идеалов революции на Сталина и сталинистов. Конечно, это общество складывалось и благодаря их усилиям. Но не только их. Оно явилось результатом творчества всего населения страны. И сталинизм, как это ни странно на первый взгляд, сам означал борьбу против своего собственного творения. Но эту тонкую диалектику я постиг много лет спустя, когда мой антисталинизм утратил смысл.

СТАЛИНИЗМ

Хочу подробнее развить высказанную ранее мысль. В сталинское время создавалось общество, которое мы сейчас имеем в стране. Во главе этого строительства стояли Сталин и его сообщники. Во многом это общество отвечало идеалам строителей, во многом - нет. Во многом оно строилось само вопреки идеалам и в противоположность им. И строители прилагали усилия, чтобы этих нежелаемых явлений не было. Они полагали, что в их власти не допустить их. И в этом отношении они боролись против создаваемого ими общества. Многое в том, что делалось, можно отнести к строительным лесам, а не к самому строящемуся зданию. Но леса воспринимались как неотъемлемая часть здания, порою - даже как главная. Порою казалось, что здание рухнет без этих лесов. К тому же общество - не дом. Тут не всегда можно разделить строительные леса и само строящееся в них здание. Сейчас многое прояснилось. Многое понято как леса и отброшено. Так что же во всем этом есть сталинизм - само новое общество, созданное под

руководством Сталина и его сообщников, исторические методы его построения, строительные леса, борьба против отдельных явлений строящегося общества?
Сообщники Сталина, - кто это? Кучка партийных руководителей, аппарат партии и органов государственной безопасности? Общество строили миллионы людей. Они были участниками процесса. Они были помощниками палачей, палачами и жертвами палачей. Они были и объектом, и субъектом строительства. Они были власть и сфера приложения власти. Создание нового общества было прежде всего организацией населения в стандартные коллективы, организация жизни коллективов по образцам, которые впервые изобретались в гигантском массовом процессе путем экспериментов, проб, ошибок. Создание нового общества - воспитание людей, выведение человека, который сам, без подсказки властей и без насилия становился носителем новых общественных отношений. Процесс этот проходил в борьбе многочисленных сил и тенденций. Среди них отмечу две системы власти, порождавшие друг друга, но одновременно враждебные друг другу, - систему вождизма и народовластия, с одной стороны, и систему партийно-государственного бюрократического аппарата, с другой. Что есть сталинизм? Их единство? Или только система вождизма, система личной власти? Или все более укрепляющаяся система формальной власти государственного аппарата?
Я мог бы взять другие аспекты жизни этого периода и показать, что он был чрезвычайно сложен и противоречив. Различные группы людей, рассуждающих теперь о сталинизме, связывают с ним только один какой-то аспект общества в этот период. Но с такими односторонними подходами не поймешь этот период и то, что в нем родилось, - его результат. Сталинизм - это не нечто, подобное гитлеризму в Германии. Сходство есть. Но различие существеннее. Сталинская эпоха в ее самых существенных свойствах вошла в структуру нового общества и в психологию нового человека. Отброшено лишь то, что было связано с процессом строительства, с историческими условиями, с неопытностью, с наследием революции и прошлого... Что считать сталинизмом, - то, что осталось, или то, что отброшено? Есть проблемы словесные. И есть проблемы существенные, а именно: проблемы понимания эпохи и ее продукта, причем - всестороннего понимания. И без поверхностных аналогий. Фашизм - явление мимолетное и бесперспективное. Коммунизм приходит на века.
Для меня сталинизм есть целая эпоха, а не только форма власти и управления. Вот вам еще один аспект этой эпохи, о котором никто ничего не говорит. В это время начала складываться новая социальная структура общества, новые формы неравенства. Сталинизм был попыткой остановить этот неумолимый процесс.

Отсюда - особо жестокие репрессии в отношении представителей нарождающихся господствующих классов. Неспособность остановить этот процесс - вот основная причина поражения сталинизма как формы власти и ухода его со сцены истории.

Посмотрите, что происходило! Сталин и его сообщники при поддержке определенных кругов населения разгромили "ленинскую гвардию", т.е. тех деятелей революции и те слои населения, которые были активными участниками революции и гражданской войны. Таким образом, сталинисты действовали как контрреволюционеры, - они остановили революционный период. Но приступив к мирному строительству, они сами выступили одновременно и как носители духа революции.

Или возьмите, к примеру, коллективизацию. Чего только о ней ни наговорили! Ошибка! Преступление! Бессмысленная жестокость!... И ни слова о ее великой исторической роли. Я-то это пережил. Да и ты тоже. Мы-то знаем, что это такое было. Недавно прочитал я статейку. Автор поступает так. Берет продукцию с приусадебных участков, находящихся в частном владении, и делит на общую их площадь. Затем берет продукцию колхозов и делит на площадь колхозных земель. И , естественно, получает, что первая цифра превосходит вторую, - намек на то, что частное хозяйство продуктивнее колхозного. Но это - грубая ошибка. Надо полученные в обоих случаях цифры разделить на величины затрат усилий людей соответственно на приусадебных участках и колхозных землях. И тогда первая величина продуктивности будет много ниже второй. Вот глубочайшая причина, почему теперь крестьян силой не заставишь отказаться от колхозов и вернуться к единоличному хозяйству. Сколько миллионов людей охотно бросило тупую и изнурительную крестьянскую жизнь и ринулось в города и на стройки?! А ведь это - тоже дело сталинизма!

То было время великого /великое - не обязательно хорошо/ социального творчества. Многие исторические открытия делались на наших глазах. И мы сами принимали в них участие в качестве материала творчества и в качестве творцов. Интересное это явление - историческое творчество масс людей. Проходят годы, и ученые начинают ломать голову над какими-то историческими явлениями, пытаясь разгадать их тайну. А для участников этих явлений никаких тайн нет. Для них все очевидно. Все происходит на их глазах. Но зато они еще не знают того, во что со временем вырастет их примитивное и неприглядное начинание. Им не ведомо то, что их жалкое дело рождает великий феномен истории, который со временем станет таинственным для мудрецов. Впрочем, лишь для мудрецов. Чтобы эти мудрецы выглядели именно мудрецами, а не беспомощными идиотами.

Вот возьмите эту форму рабского труда, которая приобрела такой

размах в Советском Союзе и стала необходимым элементом жизни, - посылку миллионов людей из городов в деревни, на стройки, в отдаленные районы. Пропаганда рассматривает ее как начало "подлинно коммунистического отношения к труду", как признак будущего райского коммунизма. Я согласен с тем, что это - признак коммунизма. Только уже наступившего. И далеко не райского. Как эта форма зародилась? Очень просто. В результате политики коллективизации и индустриализации деревни опустели. А война вообще почти полностью истребила деревенское мужское население - деревенские парни и мужики погибали на фронте в первую очередь. Они были на самом низу армейской иерархии, выполняли самую опасную и самую черновую военную работу. Положение в деревне стало катастрофическим. И это угрожало катастрофой всей стране. Выход был один: послать людей из городов в деревни. Так и сделали. Часть направили насовсем. А основную массу - на сезонные работы.

Обратите внимание: другого выхода не было! Либо гибель, либо делать таким-то единственно доступным путем. Вот вам одна из особенностей исторического творчества: необходимость. Необходимость в смысле насущной потребности и возможности реализовать ее таким путем. История подобна реке: она течет туда, куда можно течь. Она течет в "социальные" дыры. Она течет в силу законов тяготения. А когда опыт удался, люди, от которых зависела судьба масс народа и страны, сделали определенные выводы: 1/ можно без катастрофического ущерба для экономики страны посылать миллионы людей из городов туда, куда нужно; 2/ можно этих людей использовать как дешевую рабочую силу там, где не хватает людей и куда люди добровольно не поедут; 3/ это даже удобно, так как эти люди нужны и в городах, и ими можно манипулировать в масштабах государства; 4/ можно эти мероприятия использовать как мощное средство коммунистического воспитания людей.

РЕАЛЬНОСТЬ И УТОПИЯ

Эпоха сталинизма была воплощением в жизнь сказки, утопии. Но воплощение это произошло в такой форме, что сказка превратилась в объект для насмешек. И дело не в том, что реальность оказалась хуже сказки, - во многом она оказалась лучше, - а в том, что жизнь пошла в непредвиденном направлении, и сказка утратила смысл.

Коммунистическая утопия создавалась при том условии, что не принимались во внимание многие существенные факторы человеческой жизни: распадение человечества на расы, нации, племена, страны и другие общности и объединения; усложнение

системы хозяйства и культуры; иерархия социальных позиций;наличие всякого рода соблазнов /вещи, слава, власть, развлечения/; возможности делания карьеры и другие. Утопия предполагала лишь сравнительно небольшие объединения более или менее однородных индивидов, со скромным трудовым бытом и с примитивным разделением функций. Утопия создавалась для самых низших слоев населения и самого низшего уровня организации жизни общества.

Люди верили в коммунистическую утопию, не подозревая о том, что отвлекаются от упомянутых выше социальных факторов. В самом деле, почему бы людям не заботиться друг о друге? Почему бы не жить в мире и дружбе? Почему бы не распределять трудовые усилия и жизненные блага по справедливости? Почему бы не воздавать людям почести по их способностям, достоинствам, реальным заслугам? Почему бы...? Почему бы...? И абстрактно рассуждая /т.е. не принимая во внимание все те неустранимые обстоятельства, которые объясняют, почему все это невозможно или возможно в такой форме, какая не имеет ничего общего с мечтой/, все это вроде бы возможно. Но абстрактная возможность еще не есть возможность реальная.

Коммунистическая утопия осуществима в реальности лишь в той мере, в какой упомянутые выше факторы отсутствуют в реальности. Но для какого рода человеческих объединений это возможно? Как много таких объединений? Какова их роль среди прочего человечества? А главное - в каких масштабах, в какой форме и как долго коммунистическая утопия может просуществовать в таких объединениях реально? В нашей стране экспериментов на этот счет было достаточно. Кое-что в них было удачным, кое-что нет. Кое-что вошло в нашу нынешнюю жизнь. Кое-что исчезло как нежизнеспособное. То, что у нас есть, есть результат поисков наиболее жизнеспособных вариантов организации жизни в условиях, предсказанных в утопии.

О ДИАЛЕКТИКЕ

В России серьезно отнеслись к диалектике. И она прочно вошла в нашу идеологию. И в этом наше преимущество перед Западом. Западная идеология антидиалектична. Даже Германия, где диалектика была открыта, отвергла ее. И это было одной из слабостей германского способа мышления, одной из причин поражения Германии в войне. А Сталин был диалектик. Пусть в примитивной и карикатурной форме, но все-таки диалектик. Вот, возьми сталинские репрессии в отношении командного состава Красной Армии. Общепринятое мнение: Сталин ослабил армию, и

это было причиной поражения в начале войны. И Гитлер, помогая Сталину устранять "лучших" военачальников, думал, что ослабляет советскую армию. Да, в какой-то мере это ослабило Красную Армию и способствовало поражениям в начале войны. Но только ли это? И это ли главное? Мы-то с тобой знаем, каким был командный состав нашей армии до чистки. Не будь чистки, мы не имели бы таких поражений в начале войны, но мы проиграли бы войну. Сталин /инстинктивно или сознательно, не могу судить/ поступал правильно, намереваясь обновить командный состав армии. Я ведь тоже был предназначен для этого обновления. У нас целая рота была ребят со средним и высшим образованием, нас готовили в офицеры. Сталин не учел инерции огромного общества и не успел провести обновление командного состава армии до войны. Пришлось это делать в ходе войны. Но одно из условий нашей победы - именно это обновление, т.е. повышение образовательного и интеллектуального уровня командного состава. Вот тебе классический пример диалектики.
Все, что сейчас говорят критики нашей истории и нашего общества, пронизано чудовищной антидиалектичностью, непростительной в наш век буйства науки. Кстати, после Сталина началось некоторое ослабление диалектичности нашей идеологии. Появились бесчисленные умники, уличающие Сталина в вульгаризации марксизма. А сами эти умники занимаются тем же, только в потоке безудержного словоблудия.

СОУЧАСТИЕ

- Великая эпоха ушла в прошлое, осужденная, но не понятая, - твердил я себе, словно в бреду. И в бреду тоже. Я прожил лучшую часть жизни в эту эпоху. В ней есть доля и моего участия. В нее вложена моя душа. Я не хочу ее оправдывать, - не бывает преступных эпох. Бывают трагические эпохи, в которые совершается много преступлений. Но трагедия не есть преступление. Я не хочу оправдываться сам, - совесть моя чиста. Я - сын своего времени. Верный сын. Я работал до кровяных мозолей, заранее зная, что не получу за свой труд ничего. Я голодал. Я мерз. Меня ели вши. Я постоянно ожидал ареста. Я добровольцем ходил в разведку. Я добровольцем оставался прикрыть отступающих товарищей. Я впереди роты шел в атаку. Я работал там, куда меня посылали. Я делал то, что меня заставляли. Меня обходили наградами и чинами. Я никогда не жил в хорошей квартире, не носил красивых вещей, не ел пищу и не пил вин, о которых читал в книгах. Мой опыт в отношении женщин достоин насмешки. Меня никто не обманывал и не запугивал, я делал все сам, добровольно. Я никогда не верил в

марксистские сказки о земном рае. Знал, что происходило в нашей реальности. И все же я рад, что жил в ту эпоху и жил так, как прожил. Если бы мне предложили повторить жизнь, я бы выбрал прожитую мною в ту эпоху жизнь из всех возможных.

Великая эпоха ушла в прошлое, осужденная, но не понятая. Я тоже когда-то хотел принять участие в ее разоблачении и осуждении. Я имел что сказать. Я имел моральное право на осуждение. Но вот прошло время, и я понял, что эта эпоха заслуживает понимания. И защиты. Не оправдания, повторяю, а защиты. Защиты от поверхностности и мелкости осуждений. В условиях, когда все спекулируют на разоблачениях эпохи и ее продукта /т.е. общества, которое сложилось в эту эпоху/, самый сильный и справедливый суд есть защита. И я буду защищать тебя, породившая меня и рожденная мною эпоха!

Сталинизм вырос не из насилия надо мною, хотя я был врагом его и сопротивлялся ему, а из моей собственной души и моих собственных добровольных усилий. Я ненавидел то, что создавал. Но я жаждал создавать именно это. Вот загадка феномена сталинизма. И я сам хочу в ней разобраться. Я знаю, что мои слова иррациональны. Но ведь человеческая история вообще иррациональна. Рациональна только человеческая глупость и заблуждения.

Я рассказал о своем смятенном состоянии Ему. - Это нормально, - сказал Он. - Защитники коммунизма уже не способны понять и тем более защитить сталинскую эпоху. Они боятся скомпрометировать себя такой защитой. Они признали эту эпоху черным провалом в светлой истории коммунизма. И никогда не признают ее единственным ярким пятном в серой истории коммунизма. Потому защищать эту эпоху придется нам, антисталинистам.

СТАЛИНИСТ И АНТИСТАЛИНИСТ

Выражение "сталинист" весьма неопределенно. Этим словом называют человека, лично преданного Сталину, активного проводника сталинской политики, представителя сталинской эпохи,принимающего ее идеологически, руководителя сталинского периода... Но сталинист - это также и социально-психологический тип, наиболее адекватный той эпохе. Такой человек может ненавидеть Сталина и его банду, может заниматься антисталинской пропагандой, но быть характерным представителем именно этой критикуемой им эпохи. Сталинская эпоха породила огромное число человеческих экземпляров, гнуснее которых трудно вообразить себе что-либо. Но она же породила и их антиподов, т.е. людей самоотверженных, абсолютно честных и чистых, искренних, готовых

на любые трудности и жертвы ради своего народа, ради светлых идеалов коммунизма, ради Партии и Вождя. Именно из таких настоящих сталинистов выходили настоящие антисталинисты. Их протест вызывала не идея нового общества как таковая, а ее грубая материальная форма. Они психологически не могли примириться с тем, что великая революция идет в грязи и крови, что несут ее негодяи и ничтожества, не достойные имени человека. Потому, между прочим, мы не можем принять и надвигающийся "либерализм": он означает конец не только революции, но и всех связанных с нею надежд и иллюзий. Нам нет места в будущем. Мы - дети прошлого. Нам остаются только воспоминания и разъедающие душу сомнения.

А Хрущев, между прочим, своим разоблачительным докладом нанес огромный ущерб делу коммунизма. Ущерб прежде всего психологический. Нужны десятилетия, чтобы кое-что восстановить в отношении людей к идеям и делам коммунизма. Взрослых уже не исправишь. Надо с новых поколений начинать все заново. С детей...

Мы суть характерный продукт революции, - ее самый лучший и чистый продукт, но продукт двойственный - продукт легенды революции и ее реальности. Мы впитали в себя легенду революции, но восстали против ее реальности. И теперь мы защищаем не Сталина и сталинизм, а наше собственное участие в той эпохе.

Мы - люди коммунистического общества. И если бы нам пришлось выбирать, где прожить жизнь, мы выбрали бы то же наше общество в то же самое время. Мы боролись против этого общества, но - как члены его. Мы продукт его, рожденный для борьбы с ним. Но в нем. И для него.

Мы были врагами этого общества. Но почему? Потому что мы и есть настоящие коммунисты. Мы - коллективисты. Мы были готовы на самопожертвование ради коллектива. Мы отдавали ему все силы и чувства. И именно потому, что мы - идеальные члены этого общества, мы суть враги его.

Мы в свое время выразили протест против сталинизма, поскольку заметили в жизни нечто такое, что не соответствовало нашим идеалам революции и представлениям о идеальном коммунизме. Потом мы изменили свое понимание революции и рожденного ею общества. Но уже не могли изменить своей психологии.

Ну, а что дальше? В послесталинском обществе, повторяю, нам места нет. Нам вообще нет нигде места. Мы - прошлое.

ВОЖДЬ И МАССЫ

Считается, что Гитлер обладал гипнотическим воздействием на массы. Но Сталин перед массами вообще не появлялся и редко выступал публично, а его "гипнотическое воздействие" было не меньше. Дело тут не в некоей личной способности вождя, а в самой массе - в ее способности в данной ситуации к "самогипнозу". Если масса избрала кого-то в качестве такого "гипнотизера", последний может делать что угодно, - говорить, молчать, вопить, шептать, шепелявить, говорить с акцентом... И все будет иметь эффект. Лишь постфактум кажется, что избранник сам пробился "вверх" и совратил массу. На деле же его массы сами выталкивают на эту роль и вынуждают играть историческую роль. Именно роль. Именно играть. Он становится адекватным вытолкнувшей его массе. Сталин был воплощенное "Мы".

Есть определенные общие правила выталкивания людей в вожди. Одно из этих правил на первый взгляд кажется фиктивным. Но оно на самом деле в высшей степени действенно. Это - презрение к людям. Сталин с самого начала знал цену людям, понимал, какая это мразь - народные массы, знал, что разговоры о высоком уровне сознательности как условии коммунизма суть вздор. Сталин обращался с людьми адекватно их реальной ценности. Его репрессии принесли ему больше божеского почитания, чем ежегодные копеечные снижения цен на продукты питания. Сталин знал, кто мы, а мы знали, что он это знает. Мы в глубине души признавали адекватность происходящего нашей реальной человеческой натуре. Странно, но это было наиболее мощным выражением нашей претензии возвыситься до божественного уровня. Мы были богами в своей ничтожности. Найди объяснение этому факту, и ты поймешь все остальное.

СИЛА УБЕЖДЕНИЯ

- Обратите внимание на пропаганду сталинских времен, - говорил Он. - Сейчас она кажется верхом идиотизма. Теперь все удивляются, как могла такая пропаганда кого-то в чем-то убедить. При этом забывают о том /а может быть - не знают об этом/, что состояние убежденности и дело убеждения суть отношения между людьми. Хорошо убеждать того, кто хочет быть убежденным в том, в чем его убеждают. И тогда качество и форма убеждения не играют роли. Лишь бы убеждение соответствовало умонастроениям убеждаемых. В сталинское время совпадение на этот счет было беспрецедентным.

Если людей и обманывали успешно, то прежде всего благодаря тому, что люди хотели быть обманутыми. Насильно никого ни в чем не убедишь. Убеждение в основе своей есть дело добровольное. Сила убеждения - сила желания убеждаемых быть убежденными.

НЕНАВИСТЬ

Если бы ты знал, как я Его ненавидел! Но ненависть моя была какая-то странная. Если бы Он сказал мне "Умри!", я бы умер. То же самое было со мной в штрафном батальоне. Наш политрук был жуткий дурак и редкостная сволочь. Сколько неприятностей он мне причинил, страшно вспомнить. А в бою я прикрыл его своим телом. И вытащил с поля боя его, тяжело раненного, сам истекая кровью. Ни на какую награду я не рассчитывал. Он не знал, кто спас ему жизнь. А меня после госпиталя сунули в другую часть, тоже штрафную. Что это такое? Страх начальства? Желание выслужиться? Раболепство и холуйство? Вздор! Чисто обывательское объяснение очень глубокого и серьезного человеческого качества: чувства коллективизма, способности самопожертвования ради коллектива и других его членов, в особенности таких, которые олицетворяют собою целое. Вот в чем самая глубокая основа психологии коммунизма. После революции чувство коллективизма буквально расцвело в миллионах душ, в особенности - в душах молодых людей, прошедших советскую довоенную школу. А Сталин был символом и воплощением этого нашего чувства принадлежности к целому, к братству, к единой семье народов. И мы одновременно ненавидели его, ибо чувствовали себя обманутыми. Мираж всеобщей любви и братства таял на наших глазах.

Я и сейчас не чувствую никакой симпатии к Сталину. Но когда я слышу или читаю, что другие говорят и пишут о нем, я прихожу в бешенство. Например, обычным является объяснение деятельности Сталина и сталинистов ненасытной жаждой власти. Это значит ровным счетом ничего не понять как в существе эпохи, так и в психологии ее носителей и творцов. Сталин и сталинисты не просто заботились об удовлетворении своих страстей, они служили историческому процессу и исполняли объективно навязанную им роль. Жажда власти была не причиной, а следствием. И в массе сталинистов она ничуть не превышала обычные человеческие нормы, и по крайней мере часто отсутствовала вообще.

Хрущев говорил, что Сталин в начале войны растерялся, даже плакал, устранился от дел, считал "дело Ленина" погибшим. Ну и что?! Человеческие состояния - не прямая линия. Даже в заурядных ситуациях имеют место эмоциональные колебания между двумя

крайностями. А тут - тем более. Важно то, что Сталин в конце концов одолел свои колебания и затем всю войну был тверд.
Какой-то маршал, высмеивая Сталина, писал, что вместо анализа обстановки на фронте Сталин приказал устроить салют в честь какой-то победы. Идиот тут не Сталин, а этот маршал. Как руководитель страны в ситуации войны Сталин в данном случае был сверхмудр. Эти салюты сделали для победы в тысячу раз больше, чем анализы военной обстановки. Эти анализы, вообще-то говоря, не требовали большого военного гения. Ситуация была примитивно ясна.
Можно быть гуманным по отношению к нескольким людям. А как быть гуманным по отношению к миллионам людей, страдающих не по вине отдельных лиц и партий, а из-за хода неумолимой Истории? Я не вижу иного выхода: сократить число актуально страдающих людей и не дать вырасти числу потенциальных страдальцев. Хватит лицемерить! Если ты придумаешь иной выход, дай мне знать. Я ставлю поллитра!
И вообще, хватит болтать. Предоставим это дело ученым. Наша проблема - дожить, раз уж мы почему-то уцелели. Уйти бесшумно. И предоставить потомкам заблуждаться так, как им хочется.
А что касается конца сталинизма, то он не был убит извне. Он покончил с собой сам. Хрущевский переворот был последней великой акцией сталинизма - самоубийством. Уйдя с исторической сцены, сталинизм оставил после себя великое наследство: нового человека с адекватной ему социальной организацией или новую социальную организацию с адекватным ей человеком.

Ответь, спустился ты с Небес?
Иль выполз как исчадье Ада?
Родился ты зачатья без
Или ты есть порока чадо?
Нет, я не ангел и не бес.
Узри во мне земного гада,
Что мир построил вроде ада,
На землю рай спустив с небес.

ВЛАСТЬ

Один из пунктов моего мальчишеского антисталинизма заключался в следующем риторическом вопросе: кто дал Сталину право распоряжаться мною?! На него следователь на Лубянке дал мне такой риторический ответ: народ! Я рассмеялся: мол, я такой демагогией сыт по горло. "Ты, сопляк, - спокойно сказал следователь, - не знаешь еще, что такое народ и что такое власть. И

запомни: выражение "враг народа" - не пустышка для пропаганды и не абстрактное обобщение, а точное и содержательное понятие, отражающее сущность эпохи. Тот, кто восстает против Сталина, восстает против народа. Он есть враг народа. Мы, Органы, лишь выражаем волю народа. Врагов народа мы караем. Ты еще молод и глуп. Таких мы воспитываем. И защищаем от гнева народа".

Потом, скрываясь от Органов и скитаясь по стране, я присматривался к власти и к народу. Мне достаточно было всего несколько месяцев, чтобы понять, как прав был тот мой первый следователь. Когда меня после хрущевского доклада пригласили на Лубянку "для дружеской беседы", я между прочим поинтересовался, где тот следователь /по странному совпадению со мной беседовали в том же самом кабинете!/. Мне ответили, что его расстреляли как закоренелого "культиста" и как одного из ближайших подручных Берии. "Жаль, - сказал я, - он бы правильно истолковал мое поведение". Мои собеседники понимающе переглянулись: они сочли меня "чокнутым".

Еще в 1939 году я заметил, что более или менее среднее и типичное советское учреждение можно рассматривать как все общество в миниатюре и что общество в целом есть объединение не просто людей, а таких учреждений - своего рода первичных коллективов или клеточек. Я заметил, далее, что даже средне-простое учреждение /клеточка/ имеет очень сложное строение в смысле различия положения людей, их функций и взаимоотношений. Нужна целая наука, чтобы достаточно полно и точно описать это. И еще более грандиозная наука нужна для того, чтобы описать строение и функционирование общества в целом. Мне потребовалось несколько десятков листов, чтобы изобразить строение первичного коллектива в различных разрезах, - еще тогда я понял, что нужно многоплоскостное описание, которое в принципе нельзя свести к одноплоскостной схеме. А при попытке описать строение сравнительно небольшого района /с населением меньше миллиона/ я понял, что требуется специальное образование, - нужна логика, математика, социология и многое другое.

Но и без специального образования я тогда с абсолютной ясностью понял одно: противоставление народа и власти в нашем обществе лишено смысла, что власть здесь есть прежде всего организация всего населения /народа/ в единое целое.

Возьмем учреждение, в котором я тогда работал. Оно делилось на отделы, те - на отделения, последние - на группы. На всех уровнях свои заведующие и заместители, а также другие должностные лица; свои партийные, комсомольские и профсоюзные бюро или парторги, комсорги и профорги, а также масса других общественных должностей и функций. Я произведу упрощение и возьму учреждение как целое. Оно имело дирекцию, партийную организацию с

партийным бюро; соответственно - комсомольскую организацию с комсомольским бюро; местком; редколлегию стенной газеты и многое другое. Члены партии - далеко не худшие члены коллектива, а пожалуй - лучшие. Почти все молодые люди - комсомольцы. Все сотрудники - члены профсоюза. Партийное бюро контролировало работу прочих общественных организаций. Председатель месткома и секретарь комсомольской организации были членами партбюро. Директор и по крайней мере еще один из руководящих работников - тоже. Партийное бюро контролировало работу дирекции и вообще жизнь всего учреждения.Само оно контролировалось районным комитетом партии. Вместе с тем, руководителем учреждения был директор. Он был ставленником партии здесь - назначался как кандидатура районного и областного комитета партии, а по деловой линии - как человек,подчиняющийся тресту, затем - управлению, наконец - министерству /наркомату/. Как член партии и член партбюро он был под контролем секретаря партбюро. Но последний подчинялся ему как директору. Комсомольское бюро жило под контролем не только партбюро, но и райкома комсомола; местком контролировался районным советом профсоюзов. Все учреждение входило в систему управления, ведущую по одной линии к министерству, по другой - к райкому партии, по третьей - к районному совету, по четвертой - к областным организациям.

То, что я сказал, есть лишь крайне упрощенное описание реальности. В реальности же имела место густая сеть власти и управления, которая постепенно охватывала и вовлекала в себя почти все население. Хотя район наш был маленький, все равно на районном уровне приходилось иметь дело с сотнями разнообразных учреждений. Когда я подумал о масштабах области, причем с развитой промышленностью и крупными городами, мне стало страшновато. А если взять всю страну?! Из людей, так или иначе вовлеченных в эту сеть власти, опутывающую общество во многих разрезах, можно было бы создать многомиллионное государство.

Сейчас такая сеть есть обычное и привычное дело. А в те времена она только еще складывалась, изобреталась. Человеческий материал, доставшийся от прошлого, был неадекватен этой системе по психологии, образованию, культуре, профессиональной подготовке и опыту. Постоянно складывались мафиозные группки. Склоки. Коррупция. Жульничество. Сама эта система нуждалась в строгом контроле со стороны еще какой-то системы власти, независимой от нее и стоящей над ней. Такой системой сверхвласти и явился сталинизм, сталинское народовластие.

Вот опять-таки крайне упрощенная схема сталинской системы управления и власти. На самом верху - сам вождь с ближайшими помощниками. На самом низу - широкие народные массы. Органы государственной безопасности как инструмент сверхвласти и как

механизм, связующий вождя и массы. Органы государственной безопасности пользовались высшим доверием народных масс. Им верили безусловно. Им помогали. Сотрудничество с ними считали почетным долгом. Они и были несмотря ни на что самой честной и справедливой организацией в стране. Это кажется диким, но это факт. Народные массы вовлекались в эту сталинскую систему через особого рода активистов, штатных осведомителей, добровольных помощников. Друзья, написавшие на меня донос, искренне хотели мне помочь. Активисты были обычно людьми, имевшими сравнительно невысокое социальное положение, а порою - самое низкое. Часто это были бескорыстные энтузиасты. Но постепенно этот низовой актив перерастал в мафии, терроризировавшие всех сотрудников учреждений и задававшие тон во всем. В нашем учреждении было десятка два таких активистов, которые фактически держали под своим неусыпным надзором все учреждение. Некоторые из них имели руководящие посты и выбирались в партбюро и прочие органы. Но большинство были рядовыми сотрудниками, имевшими жалкую зарплату и скверные бытовые условия. Интересно, что они имели поддержку в коллективе и сверху. И в этом была их сила.

Как работали Органы в смысле репрессий, общеизвестно. Но почему-то выпала из поля внимания та гигантская работа, которую они проделали по очистке общества от всякого рода мрази и по воспитанию масс людей. Я утверждаю с полной ответственностью за свои слова: новое общество с его системой организации и управления было бы невозможно без Органов и без той роли, какую они сыграли в сталинские времена.

Сейчас уже забылось то, что Органов государственной безопасности в широких массах "простых" людей не боялись. Их боготворили как органы высшей справедливости. К ним обращались со своими нуждами как к последней инстанции. Если возникали какие-то конфликты с начальством и местными властями, люди грозились обратиться за помощью в Органы, и это часто помогало им. И обращались на самом деле. И на самом деле Органы помогали разрешать проблемы самого различного рода. Пусть это делалось умышленно, чтобы укрепить легенду Органов. Пусть это обман, лицемерие и прочее. Но это делалось на самом деле и завоевывало Органам беспрецедентную репутацию в массах населения. В нашем подвале, например, сгнил пол. Мы писали жалобы по все инстанции. Писали Буденному, Ворошилову и даже самому Сталину. Не помогло. Тогда кому-то пришла в голову мысль написать письмо в Органы. Эффект был немедленный. Пол нам сразу починили. И разъяснили, что враги народа, засевшие в некоторых учреждениях, умышленно не пропустили наши письма к вождям, чтобы вызвать недовольство населения. Забавно, уже много лет спустя после войны, когда я стал профессором и автором многих книг, переведенных на

западные языки, я предпринял попытку получить однокомнатную квартиру. В институте организовали письмо за подписью директора, секретаря партбюро и председателя месткома в Моссовет с просьбой улучшить жилищные условия "выдающемуся ученому с мировым именем" /тогда это признавалось за мною официально/. Друзья из аппарата ЦК организовали письмо в Моссовет с такой же просьбой от одного из секретарей ЦК!!! И никакого эффекта. В просьбе отказали! Но не было бы счастья, да несчастье помогло. В это время в КГБ были получены на меня материалы, согласно которым выходило, что я - агент ЦРУ. Поскольку я занимал довольно видное положение в науке, и ряд моих друзей работали в аппарате ЦК и КГБ, мое дело разбирали совместно представители КГБ и ЦК. Выяснилось, что я агентом ЦРУ все-таки не являюсь, а просто совершил ряд неосторожных поступков. В разговоре с офицером КГБ я мельком упомянул о своих жилищных трудностях. Он куда-то позвонил и попросил разобраться с моей проблемой. На другой же день я получил однокомнатную квартиру. Письмо секретаря ЦК не помогло, а звонок офицера КГБ сработал немедленно.

Культ личности. Сейчас в нем усматривают только личное тщеславие Сталина. Но культ вождей был изобретен не Сталиным.Были культы Троцкого и Зиновьева. Кстати сказать - совершенно незаслуженные. Был культ Бухарина. Я уж не говорю о культе Ленина. Культ Сталина был последним из них. И был он в данном случае необходимым элементом народовластия. Сталинисты помогали ему. Но рос он снизу. И нужен был как средство непосредственного контакта вождя с массами. В тех условиях вождь вместе с народом противостоял нарождающейся сети власти, о которой я говорил выше.

Тут имело место живое историческое противоречие. Сталинизм способствовал созданию новой сети власти, вырастал на ее основе, но вместе с тем он противостоял ей, боролся против нее, стремился сдержать ее рост и рост ее силы. Миллионы шакалов устремились в эту сеть власти. И не будь сталинской сверхвласти, они сожрали бы все общество с потрохами, разворовали бы все, развалили бы... Когда эта сеть власти приобрела более или менее приличный вид, сталинизм как форма власти изжил себя и был отброшен. Народовластие кончилось. И власть на деле перешла в руки "законной" партийно-государственной системы.

Хотя сталинская сверхвласть пришла в конфликт с той сетью власти, которая естественным образом вырастала из условий жизни в коллективах нового общества и из необходимости объединения их в целое общество, создавалась она под контролем сталинской сверхвласти и под ее защитой. И она в массе была тоже народной как по составу людей, так и по их уровню и способу жизни. Для большинства из них это была такая же бедная жизнь, как и для

прочего населения. И это была трудовая жизнь, причем - в толще прочего населения. Для многих из них это была тяжелая обязанность по настоянию коллективов и вышестоящей власти, обязанность временная и рискованная. Люди менялись во всех постах власти с неслыханной быстротой. Еще не умели руководить.Коррупция. Бытовое разложение. Невозможность решить проблемы, которые хотелось решить. Мне пришлось некоторое время поработать в небольшом колхозе. Все мужчины деревни побывали на руководящих постах, а затем - в тюрьмах. Почти все бабы побывали бригадирами, звеньевыми, учетчиками, кладовщиками... И так было повсюду. По крайней мере психологически это была оргия самовластия, нарушавшая всякую меру и нуждавшаяся в ограничении.

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Одной из величайших заслуг сталинизма и одним из условий, подготовивших его уничтожение, является культурная революция.
Я уже говорил, что человеческий материал не соответствовал потребностям нового общества, - оно нуждалось в миллионах образованных и профессионально подготовленных людей. И оно получило возможность эту потребность удовлетворить в первую очередь. Тут мы видим другой в высшей степени интересный парадокс истории: самым доступным для нового общества оказалось то, что было самым труднодоступным для прошлой истории, - образование и культура. Оказалось, что гораздо легче дать людям хорошее образование и открыть им доступ к вершинам культуры, чем дать им приличное жилье, одежду, пищу. Доступ к образованию и культуре был самой мощной компенсацией за бытовое убожество. Люди переносили такие бытовые трудности, о которых теперь страшно вспоминать /и в реальность которых теперь уже не верят/, лишь бы получить образование и приобщиться к культуре. Тяга миллионов людей к этому была настолько сильной, что ее не могла остановить никакая сила в мире. Всякая попытка вернуть страну в дореволюционное состояние воспринималась как страшная угроза этому завоеванию революции. Быт играл при этом роль второстепенную. И казалось, что образование и культура автоматически принесут бытовые улучшения. И это происходило на самом деле для многих, что вселяло надежды на будущее.

КОЛЛЕКТИВИЗМ

Назову еще один важнейший результат революции, привлекший на сторону нового общества широкие народные массы: образование коллективов, благодаря которым люди приобщились к публичной социальной жизни и ощутили заботу общества. Условия жизни и работы людей внутри советских коллективов - предмет особого разговора. Я определенно узнал тогда одно: люди познали достоинства такой жизни, и вернуть их в прошлое было уже невозможно. Я тогда много бродил по стране. Как бы плохо ни было в колхозах, большинство крестьян уже не хотело от них отказываться. Тяга людей к коллективной жизни /причем - без хозяев, с активным участием в этой жизни/ была неслыханной ранее нигде и никогда. Демонстрации и бесчисленные собрания всякого рода были делом добровольным. На демонстрации ходили целыми семьями, порою - даже с младенцами и инвалидами. Несмотря ни на что иллюзия того, что власть в стране принадлежит "народу", была всеподавляющей иллюзией тех лет. И явления коллективистской жизни, которые были внове для подавляющего большинства людей, воспринимались тогда как показатель народовластия. Они и были таковыми на самом деле. Народные массы заняли нижние этажи социальной сцены и приняли участие в социальном спектакле не только в качестве зрителей, но и в качестве актеров. Но и актеры на верхних этажах сцены и на более заметных и важных ролях тогда тоже выходили из народа. На нижних уровнях сцены разыгрывались в миниатюре все те же спектакли, какие разыгрывались в масштабах всей страны.

Сейчас я говорю обо всем этом как о прошлом, т.е. спокойно и даже с некоторой симпатией. Тогда я наблюдал этот процесс формирования власти, оргию власти, буйство народовластия со страхом, с безнадежным отчаянием. Я сам постоянно ощущал на самом себе тираническую власть людей, как будто бы лишенных всякой власти, - власть коллектива на самом низу социальной иерархии. Функции мои были самые примитивные: мальчик на побегушках, уборка мусора, чистка машин начальства. Зарплата - мизер. Койка в общежитии. В нашей комнате жило двадцать человек. Койки были двухэтажные. Моя койка - у самой двери, рядом - уборная. И холод. Я стремился приспособиться к коллективу. Научился ругаться матом, пить самогон и денатурат, играть в карты, драться. Но мое образование и культура так или иначе давали себя знать. Я получил кличку "Студент". Коллектив следил за каждым моим шагом. Я чувствовал недоверие к себе. Стукачи вызывали меня на откровенности. Комсорг питал ко мне антипатию: я однажды неосторожно посмеялся над ним. Комсорг высказал парторгу подозрения насчет меня. Парторг посоветовал покопаться в моем

прошлом. Мне еще не было восемнадцати, а я, оказывается, уже имел прошлое. И коллектив должен был его разоблачить.
Но комсорг не успел разоблачить меня: потребовалось выделить от учреждения несколько "добровольцев" на отдаленную сибирскую стройку. Меня, естественно, включили в их число. В первую же ночь я сбежал из эшелона.

ЛЮБОВЬ

В те времена еще встречалось явление, называемое в старой литературе словами "первая любовь". Это сейчас люди втягиваются в жизнь так, что как-то незаметно минуют это мучительное и, вместе с тем, сладостное состояние. Я жил в ту страшную эпоху и испытывал первую любовь.
После того бегства из эшелона я устроился работать на маленьком полустанке вдали от населенных пунктов. На полустанке было два домика и сарай. В сарае жили мы - рабочие. Рабочие все, кроме меня, были женщинами. Мне они казались старухами, хотя самой старшей из них не было и сорока. Я спал, разумеется, отдельно - в углу, где сваливали орудия труда. Спали на соломе, покрытой тряпьем. У меня и тряпья своего не было. Бабы одолжили мне какую-то вонючую вшивую рвань. В одном из домиков жил командовавший нами бригадир с семьей. В другом - начальник полустанка с семьей. У начальника была старая, измученная заботами жена и пятеро детей. Старшая дочь была моего возраста. Она и стала моей первой любовью.
Не могу сказать, была она красива или нет. Для меня такой проблемы тогда вообще не было. Было чистое и неодолимое чувство, отодвигающее в сторону все прочие критерии. Это тоже было характерно для той эпохи. Мы сначала влюблялись, причем - раз и навсегда, и лишь потом разглядывали, в кого именно мы влюблялись. А я свою первую любовь даже разглядеть не успел: пришлось снова убегать.
Наша любовь была любовью в самом высшем и чистом смысле. Мы сидели на бревнах или гуляли по окрестностям до рассвета, не прикасаясь друг к другу даже руками. Для меня было достаточно одного только того, что она рядом со мной. Это - тоже черта той эпохи.
Мы телами обнаженными
Не касалися друг друга.
Даже с собственными женами
Говорили: "друг", "подруга".
Мы говорили о будущем, но не о нашем лично, а о будущем всей страны, всего народа. Оно нам представлялось сказочно прекрасным.

Все люди будут иметь свою отдельную койку с чистыми простынями, - фантазировали мы. - Все будут получать трехразовое питание. Одежда будет чистая и без заплат. Каждую неделю будут показывать кинофильм... Короче говоря, мы мечтали как о сказочном богатстве о том, что потом стало будничным явлением убогой советской жизни. Поразительно, обретя некоторый минимум житейских благ, который нам казался верхом мечтаний, советские люди утратили надежды на райское будущее. Лишь много лет спустя я понял, что это есть общее правило общественной психологии: рост благополучия порождает рост недовольства своим положениеим и неверие в будущее общество изобилия. Именно улучшение жизни в послевоенное время убило идеологическую сказку коммунизма, а не чудовищная бедность тех лет.

Наша взаимная любовь казалась настолько сильной, что я решил полностью довериться своей невесте и рассказать ей о своих злоключениях. Я так и сделал. Она ничего не сказала. Мы посидели еще немного и разошлись. А утром чуть свет явились пьяный бригадир и пьяный же начальник. Они избили меня. Сунули в подпол, где хранилась зимой картошка. Начальник сообщил обо мне на ближайшую станцию. Там обещали прислать человека за мной. Но мне повезло: жена начальника выпустила меня, сунула краюху хлеба, сказала: "Беги!". Я вскочил на товарный поезд, замедливший ход, и покинул свою первую любовь, так и не коснувшись ее рукою. Где она теперь? Что с ней стало?

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Во время своих скитаний я встречал десятки людей, вступавших в конфликт с обществом и законом. Они ухитрялись годами жить припеваючи. Но во мне было что-то такое, что сразу настораживало окружающих, - во мне сразу замечали чужого. Однажды я устроился работать в артель, которая была прикрытием для шайки жуликов и бандитов. Работал я вполне добросовестно. Через неделю меня позвал глава банды /заведующий артелью/, дал немного денег и велел убираться подальше. "Тебя все равно найдут, - сказал он, - а заодно и нам пришьют политику". А ведь я ни словом не обмолвился о "политике".

Отчаявшись уйти от преследования, я вернулся домой, - туда, где жил и учился ранее и где был "прописан". Это был инстинктивно правильный шаг: именно там меня не искали. Вскоре я ушел добровольцем в армию. Ушел не от преследования, - я решил больше не скрываться, - а от голода и грязи. И от одиночества.

Мне и на сей раз повезло. Сразу же после подписания договора о ненападении с Германией страна стала готовиться к войне с

Германией. В армию призвали выпускников средних школ и техникумов, студентов первых курсов институтов, выпускников институтов, не служивших ранее в армии, уголовников, осужденных на малые сроки или находившихся под судом. В военкомате, куда я обратился с просьбой взять в армию, все документы заполнили с моих слов, а паспорт сочли потерянным.

В воинские части нас везли в товарных вагонах. Спали мы на голых досках. Кормились непропеченым хлебом и кашей. И это длилось чуть ли не целый месяц. На какой-то станции на Урале уголовники нашего вагона обчистили винно-водочный магазин и устроили попойку, в которую "по доброте душевной" /т.е. за хлеб и кашу/ вовлекли всех остальных. Мы упились, конечно, и потеряли контроль над собой. После похабных разговоров перешли на "политику". Один парень, обливаясь горючими слезами, признался, что он был стукачом в техникуме и что дал согласие быть стукачом здесь, в эшелоне. Он просил побить его и выбросить из вагона. Наступило гнетущее молчание. При дележе каши и хлеба /этим занимались, конечно, уголовники/ признавшийся стукач получил удвоенную порцию. В конце пути стукач под большим секретом признался кому-то, что он наврал насчет своего стукачества, так как очень страдал от голода. Уголовники, узнав об этом, избили его до полусмерти и ночью выбросили из вагона на полном ходу. Начальству доложили, что он дизертировал. Мы помалкивали. Впереди была полная беспросветность.

ЭПИТАФИЯ СТУКАЧУ

При жизни он на всех стучал.
И мир покинул, не раскаясь.
Что делать, коли жизнь такая:
Донос - начало всех начал.
И вот в могиле он лежит.
Ведь и стукач подвластен смерти.
Хотите - нет, хотите - верьте:
Он каждой клеточкой дрожит.
Доступна всем наука та.
А вдруг ему какой чистюля
Вдогонку преподнес пилюлю:
Донос на Небо накатал?!

ПАМЯТЬ

Однажды Он не пришел на условленную встречу. После этого я Его уже никогда не встречал. Наступило одиночество. Я метался по городу в поисках людей. Но они все куда-то исчезли. Им было не до меня, у них были свои заботы. "Вернись, - взывал я к прошлому, - я пойду на любые муки, приму любую несправедливость, только вернись! Люди! Остановитесь! Опомнитесь! Неужели вы не видите, что вы теряете, от чего отрекаетесь и что получаете взамен?! Неужели вы сменяете всеразрушающий и всесозидающий ураган истории на унылую трясину благополучия и безопасности?!". Но никто не слушал меня. Все спешили бежать назад. Им казалось, что они смело рвутся вперед, в атаку. А они в панике бежали назад. Если бы я мог грудью броситься на сеющий панику и смерть пулемет времени, дать опомниться бегущим, заставить их остановиться и снова ринуться вперед!...

Чтобы как-то одолеть одиночество, я решил описать мою ничтожную и великую, безобразную и прекрасную эпоху. И обнаружил, что сделать это невозможно. Вспоминались только отдельные детали и эпизоды, а целое расплывалось в неопределенные эмоции. Ладно, - решил я, - начну с отдельных эпизодов и постепенно опишу целое. Другого же пути все равно нет?! Так я написал повесть об одном эпизоде из своей жизни - повесть о предательстве. Но она меня почему-то не удовлетворила, и я ее уничтожил. Теперь, много лет спустя, я вижу, что правильно сделал. Целое никогда не складывается из отдельных эпизодов. Оно лишь распадается на эпизоды, оставаясь при этом единым и неповторимым. Оно исчезает, оставив после себя, как развалины, отдельные эпизоды. И если хочешь его описать, бери его сразу и целиком, а не постепенно и по кусочкам. А как это сделать? Очень просто, - мне показалось, что это сказал Он. Я, обрадованный, оглянулся. Никого. Конечно, просто, - согласился я. - Забыть!

Но попробуй, забудь хотя бы этот день! Мороз под тридцать. На нас ботинки с обмотками, бывшие в употреблении, вытертые шинельки. Шапки. Но уши опускать нам запретили: надо закаляться. Мы учимся преодолевать штурмовую полосу. Это - цепь препятствий, которые вроде бы должны быть на пути нашей наступающей армии в будущей войне, - проволочные заграждения, ров, забор, бревно... Мы должны научиться преодолевать эту полосу за несколько минут. Сейчас мы тратим времени раз в пять больше. Нас гоняют снова и снова. Мы выбиваемся из сил. И преодолеваем полосу еще медленнее. Сержанты и старшина сердятся. Грозятся гонять нас целые сутки без перерыва, пока... - Пока мы не протянем ноги, - говорю я своему соседу по нарам, с которым мы сдружились еще в эшелоне. - Бессмысленное выматывание сил. Какой идиот это все

выдумал?! - Потише, - говорит мой друг, - а то услышит кто-нибудь, беды не оберешься. Знаешь новый лозунг: тяжело в ученье - легко в бою? Вот они и стараются. Как говорится, заставь дурака Богу молиться, он рад лоб расшибить. - Надо технику изучать, - шепчу я, - новые виды оружия. Новая война будет войной самолетов, танков, пушек, автоматов, а не штыков и шашек. - Тише, - шепчет Друг. - Видишь, тот тип к нам приглядывается и прислушивается? Будь поосторожнее с ним. Не нравится он мне. Похоже, стукач. - Плевать на стукачей, - шепчу я. - Сколько можно терпеть?! Мы же не враги. Мы же хотим как лучше! Мы же тоже о будущем завоеваний революции заботимся! - Не наше дело знать, что лучше и что хуже, - шепчет он. - Замри! Видишь, к нам начальство направляется? Вон тот маленький с красной толстой мордой - особняк. Не советую попадаться ему на пути. Тут все перед ним трясутся, включая самого командира полка.

Раздается команда сержанта. Мы снова один за другим бросаемся преодолевать штурмовую полосу. Теперь мы стараемся: на нас смотрит высокое начальство. И мы преодолеваем ее за время, только вдвое больше положенного. Потом нас построили. Командир роты сказал, что мы - молодцы, и что он благодарит нас за службу. "Служим Советскому Союзу!" - рявкнули мы не очень громко и стройно.

Командиры ушли. "Ничего, постепенно втянутся, - донеслись до нас обрывки из разговора. - Через полгода настоящими бойцами будут".

А после отбоя меня поднял дневальный. "Живо в штаб! - шепнул он испуганно. - В Особый отдел!".

Но лучше я припомню кое-что из той самой повести. Я, конечно, не могу ее восстановить в том виде, как я ее тогда писал, - все живые краски того времени исчезли навсегда, осталась лишь серая, однообразная схема.

ПЕРИОД

В этот период, как и во все предыдущие и последующие, страна жила напряженной и содержательной жизнью. Был совершен еще один рекордный перелет. Правда, перелет не удался, и самолет упал в тайге, не долетев до цели тысячу километров. Но он упал дальше всех в мире, вписав тем самым новую славную страницу в героическую историю страны и покрыв себя неувядаемой славой. Был прорыт еще один километр канала. Была разоблачена еще одна группа врагов народа. Вождь внес очередной вклад в сокровищницу идей марксизма-ленинизма.

МЕСТО

Сибирь. Маленький поселок в трехстах километрах от ближайшего маленького городка. Не ищите этот городок на географических картах. Он возник совсем недавно и еще не достиг размеров, позволяющих быть отмеченным точкой на карте местного значения. Энский Краснознаменный Туркестанский полк Энской дважды Краснознаменной Тамбовской дивизии. Орден "Красное Знамя" полк получил за участие в подавлении восстания тамбовских крестьян, а звание "Туркестанский" - за участие в подавлении восстания туркестанских крестьян.

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ

Главное действующее лицо описываемых событий - старший лейтенант Егоров. Почему, спросите, какой-то ничтожный старший лейтенант удостоин такого внимания, что ему посвящается целая повесть? Да потому, что старший лейтенант Егоров есть не рядовой старший лейтенант, каких полно в полку, а начальник Особого отдела полка, короче - особняк. Ясно?! А полковой особняк Егоров заслуживает не какой-то коротенькой повестушки, а может быть целого полновесного романа. Сомневаюсь, что кто-то рискнет оспаривать это утверждение.
Старшему лейтенанту Егорову, вообще-то говоря, по возрасту, по срокам службы, по заслугам и по опыту давно следовало бы быть особняком дивизии. Но произошло чрезвычайное происшествие /чепе/: из полка дизертировал солдат. Солдат пропал бесследно. Скорее всего, его засосало в трясину или волки сожрали. Но дело не в этом, а в том, что хорошо налаженная система осведомителей не смогла вовремя распознать намерения дизертира и предупредить чепе. Потом произошло другое чепе, которое, с одной стороны, ухудшило положение особняка Егорова, а с другой - немного улучшило. Происшествие вот какое. Солдат первого года службы пускал себе в глаза крошки грифеля химического карандаша, от чего зрение ухудшилось, и солдата уже собрались демобилизовать. Но Егорову пришла в голову идея исследовать поры кожи вокруг глаз. В порах обнаружили следы химического карандаша. Солдата осудили на десять лет. Егорову сделали замечание за то, что опять-таки не предупредил чепе. Но объявили благодарность за то, что разоблачил преступника. И теперь Егорову во что бы то ни стало нужно было такое чепе, в котором он одновременно проявил бы себя в роли разоблачителя и профилактика. Только такое заранее предупрежденное и, вместе с тем, разоблаченное чепе могло

позволить Егорову получить очередной чин капитана государственной безопасности и возвыситься до особняка дивизии. И вот уже несколько месяцев Егоров ломал голову над этой проблемой. Он чувствовал, что ожидаемое новое пополнение полка, полностью состоящее из ребят со средним образованием и даже с незаконченным высшим, даст ему этот шанс. Но сам этот шанс не придет. Его надо организовать. А это с "академиками" /как презрительно заранее называли новичков малограмотные сержанты, старшины и младшие офицеры/ не так-то просто. Тут надо мозгами шевелить!

СИСТЕМА ЕГОРОВА

Старший лейтенант Егоров имел свою собственную систему осведомительства, которую он со временем собирался изложить в особой докладной записке вышестоящему начальству. Он рассчитывал заслужить за это поощрение и перебраться если не в самую Москву, то во всяком случае поближе к цивилизации. Вся его прошлая служба проходила на Дальнем Востоке, в Средней Азии, в Сибири. Хотя он ко всякой глуши уже давно привык, он все-таки мечтал вырваться из нее к свету, к культуре, к более сытной и комфортабельной жизни.

Вот некоторые постулаты системы Егорова. Осведомители разделяются на явных и скрываемых в пропорции один к пяти. Это значит, что на одного осведомителя, относительно которого все знают, что он - стукач, приходится пять осведомителей, которых не так-то просто распознать. Тайных осведомителей целесообразно отбирать из военнослужащих, которые могут ходить на свидание с особняком, незаметно для окружающих или не вызывая у них подозрений. Таковы, например, участники самодеятельности, спортсмены, почтальоны. Роль явных осведомителей - отвлекать внимание от тайных и участвовать в нужных провокационных операциях. Сделать осведомителя явным очень просто. Для этого достаточно, например, пару раз вызвать его в Особый отдел прямо с занятий, а после его вызова вызвать того, на кого он принес донос. Явных осведомителей целесообразно выбирать среди глупых военнослужащих, а тайных - среди наиболее умных и образованных.

Среди тайных осведомителей следует иметь таких, которые пользуются уважением товарищей и считаются критически настроенными. Это - наиболее ценные кадры. Приобрести их труднее всего. Зато если удалось заиметь такого осведомителя, можешь спать спокойно. Он работает за десятерых и сам предвидит все возможные чепе. Правда, он склонен обычно к фантазии. Но этот недостаток

легко исправим. Те два неприятных чепе произошли потому, что такой осведомитель /он был единственным в роте/ демобилизовался, отслужив свой срок, а нового на его место не удалось найти до сих пор. Егоров в этом отношении возлагал большие надежды на ожидаемое пополнение из "академиков".
Егоров по опыту знал, что ни в коем случае нельзя обычного тайного стукача превращать в такого критически настроенного индивида. Критическая настроенность должна быть естественной. Ее нельзя сыграть. Товарищи сразу замечают подделку, и агент превращается в явного стукача. Он не раз проделывал этот эксперимент. И каждый раз терпел фиаско.

ПСЕВДОНИМЫ

Егоров любил русскую историю и русскую литературу. И из них выбирал клички для своих осведомителей: Иван Грозный, Малюта Скуратов, Князь Пожарский, Распутин, Декабрист, Радищев, Онегин, Печорин, Алеко, Мцыри, Каштанка, Карамазов, - вот, к примеру, перечень кличек. Поскольку годы шли, Иваны Грозные, Скуратовы, Пожарские, Онегины и прочие демобилизовывались и на их место приходили новые агенты, приходилось выкапывать из русской истории и литературы новые имена: повторение кличек вносило бы путаницу в "документацию", которую Егоров тщательно хранил с первых дней своей службы. Потому Егоров вынужден был все более тщательно изучать русскую историю и литературу. И продвинулся в этом настолько далеко, что почувствовал превосходство над своими сослуживцами. Это усилило его стремление вырваться из сибирской глуши к свету европейской цивилизации.
Сейчас Егоров ломал голову над кличками для будущих агентов из "академиков". Задача не такая уж простая - требовалось более десяти известных имен из дореволюционной истории России и русской литературы. У него было мелькнула мысль покуситься на советский период, но он прогнал ее прочь: это было слишком рискованно. Если бы его конкурент из соседнего полка пронюхал про это, так и зачах бы Егоров на должности полкового особняка где-нибудь в Якутии или, в лучшем случае, Бурят-Монголии.
Итак, что же осталось в нашей славной истории? Неужели он уже исчерпал ее полностью?! А в литературе? Неужели наша великая русская литература оказалась на самом деле такой бедной, что он уже не способен выкопать в ней несколько новых персонажей?! Не может того быть! Мазепа? Но он - украинец. Бирон? Немец! Барклай де Толли? Швед или француз! Обломов? Был. И Дубровский был. И Скобелев был. Ага! Нашел! Князь Курбский! Но он предатель. Вряд ли кто из наших советских ребят примет такой псевдоним. Они же

комсомольцы! После таких мучительных раздумий Егоров наконец нашел с десяток подходящих псевдонимов для своих будущих помощников: Кудеяр /был такой разбойник во времена Ивана Грозного/, Багратион /хотя и грузин, но служил в русской армии/, боярыня Морозова, патриарх Никон, Кюхельбекер /хотя и немец, но друг Пушкина и декабрист/, Фамусов /интересно, как он раньше это имя не использовал?!/, Пиковая Дама /опять в свое время прошляпил!/, Челкаш, Базаров, Неточка Незванова...

МЕТОДЫ ВЕРБОВКИ

Неискушенные люди полагают, что вербовка осведомителей есть дело пустяковое: вызвал, предложил, дал псевдоним, назначил способ встреч, и все! Но старший лейтенант Егоров по опыту знал, что это далеко не так. Во-первых, не все годятся в осведомители. Во-вторых, из тех, кто годится, лишь немногие сразу соглашаются. В большинстве случаев приходится кандидатов на чем-то ловить и вынуждать к согласию. Порою приходится основательно повозиться с намеченной "жертвой", прежде чем она капитулирует. Это в особенности относится к критически настроенным личностям. Егоров любил, когда намеченный кандидат сопротивляется, любил обламывать его и в конце концов добиваться своего. Он смотрел на дело вербовки не как на чисто профессиональное, а как на важный элемент в коммунистическом воспитании молодежи. Обломать строптивого кандидата для Егорова, старого коммуниста, означало приобщить еще одного человека к великому делу строительства нового общества, которому он посвятил свою жизнь, отдавал все свои силы и способности.

Свои методы вербовки Егоров разделял на три группы: 1/ информационные; 2/ провокационные; 3/ морально-психические. Информационные методы заключались в том, что Егоров узнавал о намеченном кандидате что-либо компрометирующее /"Нам все известно, от нас ничего не скроешь!"/ и действовал по принципу: или будем наказывать, или искупай свою вину тем, что помогай нам! Провокационные методы были сложнее. В этом случае Егоров заставлял подходящих лиц спровоцировать намеченного им кандидата на высказывания или на поступки, которые позволили бы его затем шантажировать угрозой наказания. Приходил он, например, на плац, где старшины и сержанты выколачивали "гражданский дух" из новобранцев. Подзывал старшину, кивал ему на интересующего его парня и просил "поработать" с ним. Старшине такая просьба не впервой. И через пару дней жертва демонстративно отказывается в сотый раз заправлять койку,

ложиться в грязь, ползти под колючей проволокой. А это - невыполнение приказания. Трибунал. Измученный и запуганный парень соглашается на все.
Морально-психические методы являются гордостью Егорова. Большинство из них он изобрел сам и держит в строжайшем секрете от сослуживцев. Например, он вызывает к себе кандидата и спрашивает, не хочет ли он поступить в училище Органов государственной безопасности. Замученный трудной солдатской службой, новичок в восторге. Он согласен куда угодно, лишь бы подальше отсюда. А тут - училище, после которого он сам будет уполномоченным, а затем - начальником Особого отдела воинской части! Только круглый дурак откажется от этого. Конечно, он согласен. Егоров дает ему лист бумаги и ручку: пиши, мол, заявление. Но, разумеется, придется подождать, пока заявление дойдет до Москвы. А пока для тренировки поработаешь здесь. Вот подпиши эту бумажку. Какой псевдоним хочешь? Допустим, Малюта Скуратов. Или - Чацкий. Хочешь - Пестель? Прекрасно! Будь Пестелем!
Но самый любимый прием Егорова - романтика революции и гражданской войны. Вызывает он, к примеру, кандидата к себе домой. Чаем угощает. А сам начинает вспоминать боевые эпизоды, в которых он якобы принимал участие. Гимнастерку снимет. Шрамы показывает. Вроде бы от пуль и сабельных ударов, хотя на самом деле Егоров ни в каких боях не участвовал, а шрамы заимел от чирьев, от вырезанного аппендицита, от пьяной драки в молодости /бутылкой битой порезался/. Но неискушенному новичку видится лихая атака Первой конной Буденного, сверкающие клинки, громовое "ура". Конечно, ради завоеваний революции он готов выполнить любое задание Партии и Правительства. "Молодец, - говорит Егоров, - мы тебе доверяем. Потому получай особое задание. Вот бумажку подпиши. Псевдоним... допустим - Граф Ростов! Хороший псевдоним. Граф, как-никак".

МЕЧТЫ

Мечта подняться до дивизии не давала Егорову покоя. И как об этом не мёчтать?! Взять хотя бы квартиру. Хоть перед ним весь полк трепещет, включая самого командира, а живет он с семьей в малюсенькой квартирке. Всего две комнатушки - десять метров и шесть. И кухонька четыре метра. У других офицеров, конечно, и того хуже. Но какое ему дело до них. Он не кто-нибудь, а особняк! Зато в дивизии полагается квартира в два раза больше. А паек?! Сейчас он получает паек как командир батальона. Еле-еле хватает на троих. Хорошо еще в полковой столовой подкармливается. Все экономия. А

в дивизии?! Паек командира полка! Это уже что-то значит! И с обмундированием куда лучше. И путевки в санатории. Да и работа легче. Ответственнее, конечно, но интереснее. Почетнее. Одним словом, есть о чем помечтать.
Но чтобы скакнуть на дивизию, надо себя проявить, - то проклятое чепе загладить и бдительность проявить. А попробуй теперь, прояви. Раньше куда легче было. Но теперь, после тех "чисток" есть распоряжение: командный состав пока оставить в покое, передышку дать. Так что надо с сержантами, старшинами и рядовыми работать. Лучше с рядовыми. Что же такое придумать, чтобы?!...

ДОНОСЫ

Все постройки военного городка были наспех сколоченными бараками, больше похожими на сараи и склады, чем на казармы. Барак, где помещался штаб полка, отличался от прочих только тем, что портрет вождя над входом был побольше размером, да несколько окон были зарешечены. Среди них - окно Особого отдела. Егоров заперся в своем "кабинете", открыл "сейф" /обшитый жестью шкаф с огромным амбарным замком/ и углубился в изучение "документов", т.е. доносов своих осведомителей. Доносы были строго расклассифицированы, причем - во многих планах /по темам, именам доносчиков, именам жертв, годам, мерам.../. На ящичках были специальные знаки, так что Егоров мог в считанные минуты найти любой нужный ему "документ", заглянув в специальные справочные "книги".
Егоров любил просматривать свои "документы", накопленные годами. За этими скупыми сообщениями, часто неграмотными и нелепыми, порою интеллигентными и изящными, написанными на обрывках измятой бумаги /на листах, вырванных из школьных тетрадей, на полях вырванных из книг страниц, на газетных обрывках.../, он видел лица, события, судьбы. За этими "документиками" шла настоящая жизнь. И какая жизнь! Дай эти "документики" какому-нибудь писателю! Какие книги мог бы написать! Оценит ли кто-нибудь его, Егорова, многолетний подвиг, выразившийся в этих "документиках"?! А сколько таких Егоровых в стране?! Конечно, таких способных, умных и деловых, как он, не так уж много. Но все же и другие что-то имеют. Собрать бы такие "материальчики" со всей страны вместе! Страшно подумать, что получилось бы! Вот она - наша подлинная история, вот в этих "материальчиках" и "документиках"!
Вот доносы новичков. Иванов дважды пообедал, воспользовавшись тем, что командиры еще не запомнили лица вновь прибывших бойцов. Петров поленился ночью выйти в туалет и помочился в

сапоги Сидорова. Николаев симулирует моченедержание, рассчитывая попасть в санчасть и отоспаться. Доносы солдат второго года службы серьезнее. Куликов украл портянки у... Сергеев был в самовольной отлучке... Гварджеладзе ударил по физиономии Нестеренко, обозвав его стукачом... Верно, Нестеренко - осведомитель, причем - явный. А вот сообщение Уткина. Обстоятельное. На нескольких страницах. Этим осведомителем Егоров гордился: он сообщал об умонастроениях товарищей. Сначала много выдумывал от себя. Теоретизировал. Егорову пришлось немало поработать с ним, прежде чем из него вышел образцовый осведомитель. Сообщения его стали короче, четче, деловитее, без ненужного фантазирования. Да!... Вот сейчас бы ему такого паренька! Они вместе мигом бы сделали хорошее "дельце"!
Самый обширный раздел "документиков" и "материальчиков" составляли доносы "политические". Перейдя к этому разделу, Егоров согнал с лица мечтательную улыбку, посерьезнел, подтянулся, проверил, заперта ли дверь, выглянул в зарешеченное окно /не подглядывает ли кто?/. Да! Это было уже не просто воспитание, исправление, обламывание, предупреждение. Это была жестокая, непримиримая классовая борьба. Тут был реальный враг. Враг затаившийся, но коварный, готовый в трудную минуту показать свои клыки и когти. Впереди - война. И не проведи Органы кропотливую работу по разоблачению этого скрытого врага, мы получили бы удар ножом в спину революции. Придумав такую красивую фразу, Егоров с удовлетворением отметил, что и "мы не лаптем щи хлебаем".

СОВЕЩАНИЕ В ДИВИЗИИ

В связи с ожидаемым пополнением в штабе дивизии состоялось чрезвычайное совещание. Сначала командир дивизии сообщил о том, какое именно пополнение ожидается: все призывники на этот раз имеют среднее образование, а часть из них - незаконченное высшее и даже высшее образование. Есть даже с учеными степенями и званиями! Такого еще не было за всю историю нашей страны и Красной Армии. О чем это говорит, товарищи? Потом речь держал комиссар дивизии, т.е. заместитель по политической части. Он разъяснил, о чем именно говорит этот факт: о правильности генеральной линии партии, о мудрости Великого Вождя, о возросшей мощи и о многом другом, о чем все знали и без речи комиссара. Потом выступил начальник штаба и рассказал о распределении призывников по подразделениям дивизии. Столько-то останется в штабе дивизии, столько-то получит политотдел дивизии, столько-то

будет распределено по полкам - в штабы, в помощь политработникам, в самодеятельность. Народ поступает грамотный и талантливый. И надо это всемерно использовать, чтобы дивизия на предстоящем смотре боевой и политической подготовки армии заняла почетное место. Дивизия имеет все возможности выйти на первое место... Но из основной массы призывников есть приказ создать особое учебное подразделение, чтобы через год они все стали сержантами, а через два года - младшими лейтенантами. Решено создать такое подразделение в Туркестанском полку. Так что на командование полка возлагается особая ответственность...

Потом было совещание в Особом отделе дивизии. "Ну, Егоров, - сказал в заключение дивизионный особняк, - теперь все зависит от тебя. Выдержишь испытание, представим к награде и очередному званию и переведем в дивизию. Не выдержишь - пеняй на себя!". Всю обратную дорогу в полк Егоров думал о доверии, какое ему оказало руководство: дивизионный особняк, пожимая ему руку на прощание, так и сказал, что призывников направляют в их полк потому, что никому другому из полковых особняков, кроме него, с таким ответственным делом не справиться. И Егоров почувствовал уверенность, что он это доверие оправдает. "Во-первых, - сказал он себе, - не боги горшки обжигают. А во-вторых, и эти "академики" тоже люди. А люди везде и всегда люди. А образованные люди ничем не лучше малограмотных. А то и похуже. Главное, Егоров, спокойствие. Никакой паники. Никакой спешки. Сначала приглядись к людям, дай им обжиться, привыкнуть. Пусть почувствуют, что такое суровая воинская служба. Пусть снимут розовые очки. И тогда..."

ПРИБЫТИЕ "АКАДЕМИКОВ"

Когда призывников грузили в эшелон в Москве, было еще тепло. Никто из них не знал, где им придется служить и какой предстоит путь. И все явились одетые по-летнему. Впрочем, в то время для большинства молодых людей не было особой разницы в сезонной одежде. Так что если бы их заранее предупредили о том, что им предстоит, лишь немногие смогли бы оказаться благоразумными. Пока эшелон медленно тащился по необъятным просторам Заволжья и Сибири, наступила суровая зима. Призывники основательно намерзлись еще в вагонах. И наголодались тоже. Потом их тридцать километров гнали пешком от городка до расположения дивизии. Многие поморозили ноги, руки, носы, щеки. На время карантина ребят поселили в здании клуба. Спали они на соломе, без одеял, одетые. В клубе было холодно, а на улице - мороз. И две недели

ребята не высовывали носа на улицу, выбегая лишь в нужник неподалеку от клуба. Ночью же они оправлялись где попало, вызывая гнев у старшин и старослужащих солдат. Когда в конце концов им выдали обмундирование и построили перед клубом на улице, никаких следов интеллигентности и культуры в их лицах и фигурах не осталось. Это были сине-фиолетовые, худые, согнутые в дугу доходяги с выступающими скулами, с горящими от голода и испуга глазами. Увидев это жуткое зрелище, Егоров окончательно уверовал в свой успех. С этими хлюпиками и слизняками вообще никаких хлопот не будет! Из них можно веревки вить!

Но он ошибся. Это была первая ошибка в его чекистской карьере: он не принял во внимание преимущества интеллекта, который лишь затаился за внешним убожеством, но не угас.

Через неделю молодость и нормальный армейский режим взяли свое. Ребята отошли. Повеселели. Стали немного походить на бойцов Красной Армии. Но это были уже не те бойцы, к каким привыкли командиры, политруки и особняки.

САЧКИ

Сачковать - значит уклоняться от боевой и политической учебы, работы или наряда, причем - успешно. Сачок - тот, кто регулярно сачкует. Сачки существовали и существуют во всех армиях мира. Существовали они в нашей Красной Армии и до этого. Существовали в умеренных количествах, достаточных для армейского юмора и не нарушающих нормального течения армейской жизни. Но такого количества сачков и таких изощренных методов сачкования, какие обнаружили "академики", история человечества еще не знала. Малограмотное полковое начальство, привыкшее иметь дело с примитивными сачками, пришло в состояние полной растерянности. Сверхопытный старшина учебной роты, состоящей сплошь из "академиков", порою не мог наскрести пятнадцать человек для очередного наряда из сотни с лишним рядовых роты. Егоров ночи не спал, обдумывая способы выведения на чистую воду сачков и распознания их коварных замыслов.

Сачковать можно за счет художественной самодеятельности, отдельных поручений начальства, болезней, блата... "Академики" оказались все прирожденными плясунами, певцами, музыкантами,художниками, хотя на поверку лишь немногие из них умели мало-мальски терпимо орать старые народные песни, пиликать на баяне и рисовать кривые неровные буквы на лозунгах. Если кого-то из них политрук посылал за почтой, на что требовался от силы час, посыльный исчезал по крайней мере на четыре часа. Его находили где-нибудь спящим за печкой. К обеду он являлся сам. И,

конечно, раньше всех. Блат "академики" умели заводить так, что видавшие виды старослужащие блатари только посвистывали от зависти. Они помогали политрукам готовить доклады и политинформации. Давали адресочки в Москве едущим в отпуск командирам. Получали из дому посылки и подкупали сержантов и старшин пряниками и конфетками, а офицеров - копченой колбасой. В отношении болезней они развернули такую активность, что в санчасти пришлось удвоить число коек. Они ухитрялись повышать себе температуру за сорок, терять голос, заводить понос неслыханной силы, натирать фантастические кровавые мозоли, вызывать чирьи, воспаление аппендицита, грыжу, дрожь в конечностях, желтуху и болезни, которым никто не знал названия. Командир полка хватался за голову и кричал на весь штаб, что его отдадут под трибунал из-за этих симулянтов. Зайдя в Особый отдел, он плюхнулся на стул и сказал упавшим голосом Егорову: "Выручай, брат, одна надежда на тебя!".
А что мог поделать несчастный Егоров?!

ПЕРВОЕ ЧЕПЕ

Вторая напасть, обрушившаяся на полк в связи с прибытием "академиков", были вечно голодные доходяги, штурмующие столовую, подъедающие объедки и тянущие все съедобное, что подвернется под руку. Пока командиры не запомнили лица молодых бойцов, в столовой каждый день обнаруживалась недостача нескольких десятков порций. Никакие наказания не могли отвадить доходяг от такого "шакальства". Они как тени бродили в районе столовой. Глаза их лихорадочно горели. Повара, рабочие по кухне, дежурные натыкались на них в самых неожиданных местах. Кончилось это наваждение тем, что "академики" обчистили хлеборезку, оставив весь полк без хлеба на целые сутки. Терпеть такое безобразие было уже невозможно. Пришлось установить у столовой четыре новых трехсменных поста. Егорова экстренно вызвали в дивизию. Дивизионный особняк, не подав Егорову руки, категорически заявил: "Три дня сроку! Или найдешь воров, или..." - Ну, негодяи, - думал Егоров по дороге домой, - теперь я вам покажу, что такое ЧеКа! Не хотели по-хорошему, пеняйте на себя!

СТУКАЧИ-НОВАТОРЫ

И что поразительнее всего, у Егорова не было недостатка в осведомителях. Скорее, их был избыток. В первые же дни после

прибытия "академиков" к нему в отдел заявился молодой боец, стройный, с тонким, одухотворенным лицом, большими умными глазами. Спросив разрешения войти, он представился: боец такой-то роты такой-то. Егоров про себя сразу же дал ему кличку "Интеллигент", впервые нарушив верность русской истории. Интеллигент доложил, что он в школе и в институте был осведомителем, что его кличка - "Интеллигент" /это совпадение ошеломило Егорова/, что в Москве ему было приказано доложиться по прибытии в полк. Через пару часов заявился другой боец и доложил, что он был осведомителем в техникуме, что ему было приказано... К концу дня пришел еще один. В течение недели пятнадцать бойцов с умными и одухотворенными лицами доложили о своем сотрудничестве с Органами и готовности продолжать его на новом месте. Егоров был в полной растерянности. Если эта орава интеллигентных стукачей начнет работать, у роты не останется времени и сил на боевую и политическую подготовку, а ему круглые сутки придется изучать длинные заумные доносы с непонятными терминами. Нет, так не пойдет. Придется пока этих "интеллигентов" законсервировать и самому выбрать пару надежных общеротных осведомителей и по два на каждый взвод.

Но выполнить свое намерение Егоров не успел: случилось чепе с хлеборезкой. И он вынужден был вызывать "интеллигентов", допрашивать их дотошнейшим образом о положении в роте, грозить, что если они не выяснят, кто ограбил хлеборезку, то пусть пеняют на себя. Но никто из осведомителей ничего путного сообщить не мог. Лишь один из них /тот, который пришел первым/ высказал предположение, что хлеборезку наверняка ограбили старослужащие. "Под шумок", воспользовавшись тем, что подозрение падет на "академиков". - Пощупайте тех, кто в ту ночь были рабочими по кухне, - предложил он Егорову. Сразу же после ухода "Интеллигента" Егоров приказал немедленно доставить к нему весь кухонный наряд. И первый же допрашиваемый "раскололся". Хлеб /с небольшими потерями/ вернули в хлеборезку. Чуть свет Егоров мчался в дивизию с докладом об успехе. - Вот башка, - думал он об Интеллигенте. - Вот кому в ЧеКа служить! Прирожденный чекист! Надо будет сделать его помощником. Да сказать, чтобы поосторожнее вел себя. А то является на виду у всех прямо в отдел. Мол, осведомитель такой-то явился с доносом! Неопытный еще. Сопляк.

Но и на сей раз Егоров ошибся. - Народ наш дошлый, - сказал Интеллигент Егорову, когда тот стал обдумывать, как им встречаться. - Если агент встречается с начальством осторожно и незаметно, это сразу бросается в глаза и вызывает подозрения. А если идешь открыто в спецчасть или на виду у всех подходишь к особняку, никто не подумает, что ты - осведомитель. Проверено!

ЗАБОТЫ

Постепенно жизнь полка вошла в привычную колею. Егоров создал сеть осведомителей по своей системе, законсервировав столичных стукачей для особо важных целей. Вернее, не законсервировал, а ограничил деятельность каждого одним доносом в месяц, распределив часть стукачей равномерно по взводам, а для других определив общеротные обязанности в строго определенной области, - политические настроения, отношение к воинской службе, уголовные проступки, симуляция и дизертирские настроения, прошлое. Прошлым бойцов Егоров интересовался и ранее, но мало.После случаев с разоблачением замаскировавшегося сына кулака в соседнем полку дивизии и сына белогвардейского офицера в соседней дивизии Егоров решил обратить на этот аспект работы особое внимание. Теперь, когда кадры осведомителей были у него в изобилии, причем - грамотные, он решил обязать всех осведомителей время от времени интересоваться прошлым бойцов, а одного толкового парня поставить на это дело специально. И его выбор пал на Интеллигента. - Эти"академики" хитрые, - думал Егоров. - С ними надо всегда быть начеку. У многих из них родители - интеллигенты и служащие: врачи, учителя, бухгалтера, заведующие магазинов и контор. А те, которые записаны как выходцы из рабочих и крестьян, являются ли на самом деле таковыми? Тот сын белогвардейского офицера тоже был по анкете сын рабочего. Комсомольцем считался. А на проверку вышло - контра! Да, надо на этот участок направить лучшие силы.Интеллигент тут в самый раз! На симуляцию тоже надо больше внимания уделить. В соседней дивизии уже было два случая членовредительства среди "академиков", попытка дизертирства и самоубийство. Он, Егоров, ни в коем случае не должен допустить ничего подобного. Иначе - конец. В той дивизии весь Особый отдел арестовали. И правильно сделали. Столько чепе за один месяц! И прямо под носом. И с такими штатами осведомителей! Нет, с этими "академиками" надо держать ухо востро! За ними не уследишь! Умные. Грамотные, мерзавцы! Интеллигенты! А почему не уследишь?! Надо уследить, значит уследим! И мы не лыком шиты. Симулянтов надо поручить Чацкому. Он парень толковый. И компанейский, что очень важно. Графа Ростова надо ориентировать на потенциальных дизертиров.Фамусова...

И все-таки во всем том, что делал Егоров, не хватало чего-то очень важного, и он это чувствовал. Чего? Чепе надо во что бы то ни стало предупреждать. Одной информации о возможных чепе мало. Опыт показывает, что многие из них /если не большинство/ случаются непредвиденно для самих преступников, импульсивно, бессознательно, непреднамеренно. Их в принципе невозможно

предупредить через осведомителей. Значит... Конечно, это же так ясно и просто! Надо эти чепе спровоцировать, но так,чтобы их можно было вовремя предупредить. Тогда и другим урок будет наглядный. Разоблачи Петров /это - особняк полка в соседней дивизии/ своего дизертира в тот самый момент, когда тот только еще собирался дизертировать, сам награду получил бы, а в полку после этого уже никто на такой шаг не решился бы. Лучший способ профилактики преступлений есть своевременное пресечение спровоцированных, а то и вообще мнимых преступлений. Органы фактически придерживались этого принципа в своей деятельности постоянно. Сумеют ли наши потомки, для которых мы строим новое общество, понять и оценить это?! Впрочем, это не существенно.Потомки никогда об этом не узнают. Попробуй, узнай! Поди, докажи!

Осмыслив для себя эту руководящую идею, Егоров принял твердое решение подготовить одно разоблачение преступного прошлого, одну антисоветскую агитацию, одну попытку членовредительства и одну попытку дизертирства. Спешить, конечно, не надо. Но и откладывать дело в долгий ящик нельзя: враг хитер, как бы не опередил!

ЖИВАЯ ДИАЛЕКТИКА

Вскоре пришли первые успехи - математик с высшим образованием симулировал сумасшествие, и Егоров его ловко разоблачил. Произошло это так. Командир отделения сержант Маюшкин объяснял бойцам баллистику /!/ полета пули. - Она, стерва, - говорил он, чертя в воздухе пальцем с грязным ногтем кривую линию, - летить вот так. Ясно? Летить и летить стерва. Вот так: бжжжжж... Летить, а сама, стерва, и так и сяк вокруг себя вертится. Вот так: бжжжжж... Ясно? Боец Шаргородский, повторить! Математик /это относилось к нему/ решил блеснуть университетскими познаниями и заработал "двойку". Это так потрясло вундеркинда-математика Шаргородского, что он уже к вечеру свихнулся, вообразив себя ефрейтором. Ночью он стал вскакивать с нар и командовать воображаемыми солдатами. Было решено отвезти его в госпиталь с перспективой демобилизации из армии с "белым билетом". Но Чацкий донес, что математик симулянт. Если бы он был настоящим сумасшедшим, то он вообразил бы себя либо великим математиком, либо генералом, на худой конец - старшиной. А то каким-то ефрейтором!... В рапорте в Особый отдел дивизии Егоров привел эту аргументацию Чацкого как свою собственную, заслужив тем самым похвалу. Математика увезли. Хотя он упорно стоял на том, что он -

ефрейтор, ему дали пять лет штрафного.
Успех Егорова был, однако, сведен к нулю, поскольку в это же время свихнулся крупный чин в штабе корпуса, причем - он тоже вообразил себя ефрейтором. Чтобы маленький человечек вообразил себя генералом, маршалом, Наполеоном, Ганнибалом, Александром Македонским, - таких случаев миллионы. Но чтобы двухметровый генерал вообразил себя ефрейтором, такого в истории человечества еще не было. Это противоречило всем законам медицины. Проблему элементарно просто решил Интеллигент: он напомнил Егорову, что звание ефрейтора ввели в армии совсем недавно, так что мания ефрейторства вполне естественна. Егоров это объяснение от высшего начальства утаил.
Пришла беда - открывай ворота, гласит русская пословица. Когда долбили яму для нового нужника, бывший учитель литературы подставил руку под кувалду, и ему расплющило два пальца. Умышленное членовредительство с целью уклонения от воинской службы было налицо. Позеленевший от гнева и страха Егоров ринулся на .место происшествия. Что было делать? Как спасти положение? И тут его выручил Интеллигент. Как только Егоров возник на месте созидаемого нужника, Интеллигент как старший в команде доложил ему, что боец такой-то совершил героический поступок, спасая товарища от... От чего, Интеллигент не успел еще придумать. Но это и не играло теперь роли. Спасительная формула была найдена. Так Егоров вторично столкнулся с одним из главных законов диалектики - с законом перехода в противоположность. На сей раз неудача обернулась удачей.

СЛУЖЕБНЫЕ БУДНИ

Мороз под тридцать. На бойцах - ботинки с обмотками, бывшие в употреблении вытертые шинельки. Бойцы учатся преодолевать штурмовую полосу, - цепь препятствий, которые якобы будут на пути нашей наступающей армии в будущей войне, - проволочные заграждения, ров, забор, бревно... - Смешно, - говорит Интеллигенту его сосед по строю и по нарам, с которым он сдружился еще в эшелоне, тоже бывший студент. - Представляешь, нам придется штурмовать вражеские укрепления, откуда строчат пулеметы, бьют минометы и пушки, а мы идем по бревну, расставив руки в стороны для равновесия. Мощное оружие! Враг при виде такого зрелища лопнет от хохота.
Бойцы должны научиться преодолевать штурмовую полосу, включая двести метров открытого пространства, которое надо переползать по-пластунски за считанные минуты. Сейчас они тратят времени раз

в пять больше. Их гоняют снова и снова. Они выбиваются из сил и преодолевают полосу еще медленнее. Сержанты сердятся, ругают бойцов последними словами. Они презирают "академиков" и стремятся доказать им свое превосходство. Грозятся гонять целые сутки без перерыва, пока... - Пока мы не протянем ноги, - говорит Студент. - Бессмысленное выматывание сил. Какой идиот это выдумал?! Будущая война будет войной самолетов, танков, автоматов, а не штыков и шашек. - Тише,- говорит Интеллигент, - а то услышат, беды не оберешься. Тяжело в ученье - легко в бою! Вот они и стараются. - Заставь дурака Богу молиться, - говорит Студент, - он рад лоб расшибить. - Тише,- шепчет Интеллигент. - Видишь, тот тип к нам приглядывается? Не нравится он мне. Похоже, стукач. - Плевать мне на стукачей, - шепчет Студент. - Сколько можно терпеть?! Мы же не враги. Мы же хотим как лучше. - Замри, - шепчет Интеллигент.- Видишь, высокое начальство движется! Тот маленький с красной толстой мордой - особняк. Тут перед ним все на цыпочках ходят.
Высокое начальство решило посмотреть, каковы успехи бойцов. И они снова один за другим бросаются преодолевать страшную штурмовую полосу. Теперь они стараются, ибо на них смотрит начальство. Потом их строят. Командир хвалит их, благодарит за службу. "Служим Советскому Союзу!" - рявкают они не очень громко и совсем не стройно. "Для начала терпимо, - говорят командиры между собою. - Через полгода настоящими бойцами будут".

ПОДОЗРЕНИЯ

На другой день бойцов погнали грузить дрова. Сачки отправились в клуб - в кружки художественной самодеятельности. Интеллигента вызвали в штаб, в секретный отдел, расположенный рядом с Особым отделом и соединенный с ним особой дверью. - Что за парень? - спросил Егоров о Студенте. - На вид хлипкий, а полосу преодолевает быстрее всех. - Хороший парень, - сказал Интеллигент. - Тоже бывший студент. Ершистый немного. На все смотрит еще через розовые очки. Но настоящий комсомолец. Хороший товарищ. Надежный. В беде не бросит. Когда мы ехали сюда, на меня набросились ребята из другого вагона - хотели отнять дрова, которые я нес для нашей "буржуйки". Так он один против десятерых дрался. Его побили, конечно. Но дрова я все-таки до вагона донес. Между прочим, в армию ушел добровольно. Мог иметь отсрочку: в их институте еще осталась бронь, но отказался.
Добровольно?! Тот замаскировавшийся сынок белогвардейского офицера тоже был добровольцем. Тут что-то кроется. - Вот что, -

сказал Егоров Интеллигенту. - Займись этим Студентом как следует. Что-то уж больно он старательный. Неспроста это. И к тому же доброволец.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Ночь. В казарме холодно. Солдаты спят, объединившись по двое, укрывшись двумя одеялами. Иногда дежурный наводит порядок - будит солдат и приказывает разъединиться. Спать по двое не положено. И шинелями укрываться не положено. Как только дежурный уходит, солдаты вновь нарушают порядок. Интеллигент шепотом разговаривает со Студентом после одной из таких побудок.
- У меня представление об армии сложилось по кинофильмам, - говорит Студент. - Думал, хоть тут нормальные человеческие условия есть. Оказывается, все вранье.
- Ты лучше помалкивай об этом. Тут стукачей полно. В штрафной попадешь - там еще хуже.
- Понимаю, не маленький. Я же знаю, с кем говорить можно.
- Тсс! Дежурный!... Спим!

МЕРА

Шли дни, недели. Егоров наконец-то упорядочил сеть своих осведомителей. Информация об "академиках" обильным потоком потекла в его кабинет с зарешеченным окном и обитой жестью дверью. Из симулянтов Егорова особенно заинтересовал один, собиравшийся вызвать искусственное бельмо на глазу с помощью линзы. Но у него не было линзы. Попросить, чтобы мать прислала из Москвы, - рискованно. Могут заподозрить неладное. - Надо будет эту линзу достать ему в городе, - подумал Егоров, - и через Чацкого передать. А потом поймать на месте преступления. С дизертирством тут сложнее: все знают, что не убежишь никуда, даже если разрешат. Скоро в городе будет армейский смотр художественной самодеятельности. Пусть Граф Ростов займется этим плясуном. Плясун, видать, уже подпорчен основательно. Можно устроить попытку "самоволки", а затянувшаяся "самоволка" сойдет за попытку дизертирства. Но как бы не переборщить. Тут надо знать меру. Если слишком много случаев такого рода, за это тоже по головке не погладят. Мол, как вы так людей воспитываете?! И завистники найдутся. Доносы пойдут. Клевета. У них за этим дело не станет. Начать надо с другого: с прошлого. Тут мы ни при чем - не мы родили. И не подкопаешься: факты вещь упрямая, как говорит товарищ Сталин.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Спросите любого, служившего в армии, и он вам ответит: нет чище, прочнее и душевнее дружбы, чем армейская дружба. Это и понятно. В армии люди вынуждаются на длительную совместную жизнь. Те чувства, которые "на гражданке" распределяются среди многих близких, здесь сосредотачиваются на одном человеке. Такая крепкая армейская дружба, как говорится, спаяла Интеллигента и Студента. Откровеннее и острее стали их задушевные разговоры.

- И это называется социализм, - резюмировал однажды Интеллигент свой рассказ о репрессиях в их институте.

- Ты, между прочим, меня призываешь к осторожности, - заметил Студент, - а сам иногда срываешься. Смотри, можно погореть из-за пустяка. Я обжегся раз, и больше не хочу.

- А что случилось?

- Сорвался в дружеской компании. Наговорил всяких глупостей. Друзья, конечно, донесли. Меня, конечно, забрали на Лубянку.

- Не может быть! Как же ты?!...

- Сбежал.

- Не загибай! Так не бывает.

- Они не поверили, что я сам все надумал. Решили найти тех, кто научил меня. Ну, и якобы выпустили, чтобы проследить моих сообщников, а я удрал.

- Куда?!

- Свет не без добрых людей. Работал, где придется. Потом догадался пойти в военкомат. И вот я здесь. Никому в голову не придет искать меня в армии, да еще в такой глуши.

- Здорово! Молодец! Я бы на твоем месте ни за что не рискнул на такое. Так покорно и ждал бы, когда посадят.

- Ну, давай спать. Смотри, никому ни звука!

- За кого ты меня принимаешь?! Могила!

СОМНЕНИЯ

Получив сообщение Интеллигента, Егоров не поверил ему.Фантазирует! Цену себе набивает! Выслужиться хочет! Чтобы человек скрылся от Органов - такое не бывает. И чтобы ему помогали другие?! Нет, Интеллигент явно загибает. Надо все тщательно проверить, чтобы не попасть впросак. Но если это действительно правда, то удача сама идет в руки Егорову. Такой случай нарочно не придумаешь. Вверху, конечно, могут. Но на уровне полка - ни за что. Если это правда, то перевод в дивизию Егорову гарантирован. А Интеллигента через годик вполне можно

будет направить в школу Органов. Этот парень далеко пойдет! Образованный. Что же, новая смена растет. У нас не те условия были. Но мы свой долг честно выполнили.

НА ПУШКУ

Среди приемов Егорова был один, уже проверенный в масштабах всей страны и всей ее истории: взять на пушку.Делается это так. Подозреваемый вызывается для "душевного разговора". Ты говоришь ему, что это не допрос, а задушевный разговор старого коммуниста со старым коммунистом, беспартийным большевиком, молодым товарищем, - в зависимости от возраста и положения допрашиваемого. Не забудь пошутить: мол, это пока не допрос /ничто так не располагает к откровенности, как здоровая шутка/. Помогает также такая шутка: садись, мол, Иванов; на стул садись, ха-ха-ха; пока на стул, ха-ха-ха! Затем говоришь, что задача Органов - не карать, а помогать. Караем мы закоренелых врагов. А наших людей... Ты же не враг, Иванов?... наших людей мы защищаем от врагов. Подозреваемый от такого дружеского, теплого обращения расслабляется. И ты ему в этот самый момент лепишь прямо в лоб: выкладывай, Иванов, сам все начистоту, от нас ничего не скроешь, нам все известно, но мы даем тебе возможность самому... Если подозреваемый делает изумленное лицо, - мол, он не понимает, о чем речь, - подкидываешь ему фактик. Пусть пустячный, но обязательно достоверный. И не забудь еще раз сказать, что от нас, от Органов, ничего не скроешь. Но на сей раз не так дружески, потверже. Сделай ударение на слове "Органы". Обычно подозреваемый сразу же капитулирует и начинает наговаривать на себя лишнее. Твоя задача - отделить истину от вранья и направить признание в нужное русло. А если подозреваемый упорствует /что бывает редко, но бывает/, излагай свои материальчики сполна. Тут промаха быть не может, проверено. Но если материальчики - клевета /что тоже бывает/, скажи с усмешечкой, что ты просто хотел проверить подозреваемого. Мол, время теперь - сам знаешь, какое. Кругом враги. Мы, Органы, должны быть всегда начеку. Но, между нами говоря, нет дыма без огня. Так что, Иванов, выбирай: или в дело пойдет этот материальчик /не будут же ответственные лица зря выдумывать/ или... Вот, бумага, карандаш. Пиши чистосердечно обо всем. О чем? Ты что, неграмотный? Ну, ладно, я тебе продиктую. Пиши!...
Обдумывая предстоящий разговор со Студентом, Егоров решил "пришить" ему намерение бежать в Японию и унести с собой военные секреты, касающиеся их воинской части. Что до Японии отсюда - пять тысяч километров, и главным образом - по необитаемым местам и через зону вечной мерзлоты, не помеха. Как

раз наоборот, именно такие обвинения действуют наиболее деморализующе. Тоже проверено.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Он приказал привести Студента среди ночи, - это тоже дает дополнительный эффект. Угостил чаем /это располагает к интимности/. - Хочу поговорить с тобой по душам, - начал Егоров. - Это не допрос. Пока не допрос. Пока - беседа старшего товарища с молодым. Ты же комсомолец! Так вот, выкладывай начистоту. Ты что, задумал нас за нос водить?! Неужели ты думаешь, что Органы можно обмануть? Откуда тебе известно, какие были намерения Органов, когда тебе позволили сюда прибыть?! Да, позволили! От нас ничего не скроешь. Никуда от нас не скроешься. Ну как, будем сами говорить, по-хорошему, или?...
И через полчаса Студент рассказал все. Сознался, что хотел бежать в Японию и сообщить военные секреты. - Ну это ты, брат, загнул малость, - рассмеялся довольный Егоров, наливая Студенту еще стакан чаю. - До Японии, знаешь, сколько отсюда? Да и какие тебе секреты известны?! И Егоров рассказал Студенту популярный в то время среди чекистов анекдот. У одного профессора, понимаешь ли, был друг чекист. Ха-ха-ха!... Приходит профессор к чекисту в гости и жалуется, что у него один студент очень плохо экзамен сдал. Ха-ха-ха! "Я попросил его ответить хотя бы, - говорит профессор, - кто написал "Евгения Онегина", а он ответил, что не он". Ха-ха-ха! Понимаешь? Говорит, не я! Ха-ха-ха! На другой день чекист встретил профессора. Ха-ха-ха!... "Все в порядке, профессор, - говорит чекист, - студент сознался: это он написал "Евгения Онегина". Ха-ха-ха!... Ха-ха-ха!... Насмеявшись до слез, Егоров отпустил Студента. - Иди пока,спи! А мы будем думать, что с тобой делать. Дело, брат, серьезное. Нельзя без последствий оставлять. Я бы рад... Да сам знаешь, если замолчу, по головке меня не погладят. Иди, спи пока!

ЭПИЛОГ

Утро. Светит ослепительное, но холодное солнце. Под ногами серебрится и хрустит снег. Двое караульных конвоируют Студента в Особый отдел дивизии. Студент без ремня. Воротник шинели поднят. Вид у него жалкий. Не лучше выглядят и конвоиры. Им тоже холодно. Группу обгоняет полковая штабная машина. В ней - особняк Егоров. Он спокоен и уверен. Жаль, конечно, парня. Совсем

еще мальчишка. И из нашего брата, из рабочих и крестьян. А что поделаешь?! Интересы партии и государства превыше всего!

ГИМН ПРЕДАТЕЛЬСТВУ

Воздвигнув коммунизма зданье,
Давно распавшись в тлен и прах,
Мы шлем потомкам назиданье
В таких возвышенных строках.
Чтобы был от жизни прок,
Чти отцов своих урок.
Поминутно, ежечасно,
Не терзаяся напрасно,
Кому надо, доложи,
Кого надо, заложи,
Осторожно намекни,
Откровенно критикни,
Потихоньку настучи,
С воем-криком обличи,
Донеси, дай знать, продай,
Одним словом - всех предай.
В эпоху сложную такую
Живя, промашки не давай.
Открыто - тех, а тех - втихую,
Но непременно предавай.
Доверьем свыше дорожи.
Отца родного заложи.
Во имя высшего прогресса,
Во имя правды или лжи,
От скуки, так, для интереса,
Кто подвернулся - заложи.
Не бойся и родную мать
За грош за ломаный продать.
Что б ни вопили моралисты,
Своих позиций не сдавай.
Не им судить, чист иль не чист ты.
Знай свое дело: предавай!
Знай, нету в прошлое возврата.
Предай, пока не поздно, брата.
И в каждом слове, в каждой строчке
Курс на предательство держи.
Одних предай поодиночке,
А прочих скопом заложи.

Без психологии затей
Предай, коль надобно, детей.
Пускай не светится награда.
Предай их, если и не надо.
Вот разговор зашел критичный.
На власти вместе нападай.
Что дальше - знаешь сам отлично:
Друзей немедленно предай!
Плюнь на морали этажи.
Про все, где надо, расскажи.
Перепроверено стократ:
Ты не предашь, предаст собрат.
Развив тебе свою идею,
Молчать учитель попросил.
Не жди! За истину радея,
Спеши донесть, что было сил.
Свинью скорее подложи.
По долгу службы доложи.
Начальник с бабою в обнимку, -
Не торопись, повремени.
Готовь спокойно анонимку.
Про облик грязный помяни.
В себе ж не ощущай вину,
Предавши в сотый раз жену.
Поблажки прочим не давай.
Любовниц тоже предавай.
Пройдут года. И в этом деле,
Как говорится, пса сожрешь.
И будешь действовать умелей
И вид достойный обретешь.
Средств расширь ассортимент
И клиентов контингент.
Не лупи врямую в лоб,
А изящно было чтоб.
В словесах набивши руку,
Использовывай науку.
Не донос обычный сдай,
А проблемы обсуждай.
В ход пусти и это тоже:
Друг Платон, правда дороже.
Один останешься на свете,
И тут нет повода страдать.
Ты все равно за все в ответе.
Себя имеешь шанс продать.
Тебя излишне нам учить.

Сам на себя себе стучи.
Продавши всех и все предавши,
Закончишь жизнь кристально чист.
Прохвосту должное воздавши,
Был, скажут, честный коммунист.
Правдив, надежен, чуток, прям.
В борьбе с пороками упрям.
Жизнь без остатка всю отдал
За самый светлый идеал.
Когда ж предстанешь пред Всевышним,
Как быть, в испуге не гадай.
И тут сомнения излишни:
В живых оставшихся предай.
Скажи Ему как коммунист:
Народ советский - атеист.

ВВЕДЕНИЕ В ДОНОСОЛОГИЮ

Одно время я "ишачил" на сравнительно преуспевшего и, вместе с тем, либерального чиновника. Он писал обстоятельный доклад для высшего руководства, а я собирал ему "материалы" и готовил "болванки" за скромное вознаграждение. Мы довольно много разговаривали. И весь этот раздел я написал, припоминая обрывки наших разговоров.

- Мои юношеские годы прошли в условиях буйства, ликования и пиршества доносов, - говорил он. - Само собою разумеется, я относился к ним критически. Я тогда еще не понимал существа переживаемой Великой Эпохи. В студенческие годы я сочинил антисталинскую листовку. Сотрудники Органов приложили немало усилий, чтобы найти автора. Подозревали и меня. Но доказать ничего не могли. Методы современной лингвистики тогда еще не были открыты или еще не были признаны в нашей науке. И я выбрался сухим из воды. Но подозрение все же следовало за мною всю жизнь. Надо думать, оно повлияло на мою карьеру. Не будь его, я может быть стал бы академиком, министром или заведующим отделом ЦК. А может быть наоборот, зачах бы на уровне доцента, полковника, заместителя директора лаборатории или инструктора районного комитета партии. Но дело не в этом. В те годы для меня все сливалось в одно внутренне однородное явление - донос. Лишь много позднее я стал в этом деле, можно сказать, теоретиком.

Считается, что мы - советские люди - охотно сотрудничаем с властями. Это - признак полного непонимания сущности нашей власти. Мы не сотрудничаем с властями, ибо мы и есть власть. Мы

участвуем во власти.
Прежде всего хочу довести до вашего сведения, что есть две формы информирования власти, которые обычно смешивают, но которые принципиально различны. Первая форма - отчеты официальных сотрудников Органов и штатных осведомителей, давших подписку быть осведомителями /"стукачами"/. Вторая форма - письма граждан, не являющихся штатными осведомителями и сотрудниками Органов. Лишь во втором случае уместно слово "донос". Я его и буду употреблять в этом втором, узком смысле. Для первого же случая буду употреблять термин "донесение". Различие этих форм существенно. Первая форма /отчет/ - принудительна, вторая - добровольна. Первая является формальной, бюрократичной, рутинной; вторая - существенной, искренней, творческой. Разница между ними похожа на разницу между тем, что и как люди делают в колхозах на государственной земле, и тем, что и как они делают на своих приусадебных участках. И связаны они подобным же образом.
Стукач! Как много в этом слове для сердца русского слилось! Кому из вас не приходилось быть стукачом?! Как, неужели вас миновала чаша сия?! Ни за что не поверю! Но если даже вы не врете... А вы скорее всего врете, надеясь на то, что списки осведомителей на самом деле были уничтожены после хрущевского доклада /такой слух ходил/ или что /в случае, если этот слух был ложным/ Органы своих не выдают, и вы свою роковую тайну унесете /если уже не унесли/ с собою в могилу. Но пусть вы не врете. Так неужели вы гордитесь этим? Напрасно! Это вы перед западными наивными младенцами можете красоваться своей непричастностью к Органам. А меня-то вы не проведете. Я-то знаю, что если уж вас Органы обошли своим вниманием, то значит вы просто были недостойны их внимания. Значит вы такое ничтожество, что даже Органы сочли нецелесообразным с вами связываться. Если бы они предложили вам сотрудничество, то вы не устояли бы, это я точно знаю, и согласились бы. Если бы вы хоть что-нибудь из себя значили, то Органы наверняка предложили бы вам сотрудничество. Я это говорю не ради красного словца.Спросите любого сотрудника Органов, и он вам скажет то же самое: все мало-мальски значительные индивиды, получившие предложение сотрудничать с Органами, дают на то свое добровольное согласие. Число предлагающих услуги по своей инициативе не поддается учету. Бывают, конечно, редкие случаи, когда индивид отказывается от такого сотрудничества. Но в таких случаях индивид удостаивается особо высокого доверия, и ему разрешается отказываться или хотя бы считать себя отказавшимся.
Я привел вышеизложенную справку вовсе не для того, чтобы унизить вас. Ничего подобного. Я не нахожу ничего унизительного как в слове "стукач", так и в самом положении индивида, обозначаемом этим словом. Более того, я считаю, что стукач есть самая трагическая

и ложно понятая фигура в истории человечества. Он выполняет в обществе самые благородные функции. Но при этом он вынужден скрывать ото всех свою социальную роль, а будучи разоблачен /что бывает очень редко/, подвергается всеобщему презрению. И человечество так никогда и не узнает имен своих самых выдающихся стукачей.

Я стукачом тоже не был. Я этим горжусь. И не говорю об этом вслух. Во-первых, я знаю, что мне все равно никто не поверит. А во-вторых, если и поверят, то подумают именно то, что я сказал выше. Тот, кто пожмет мне руку в знак признания моего мужества, будет, увы, всего-навсего наивный идиот. Я употребляю здесь выражение "наивный идиот", чтобы подчеркнуть уровень интеллекта такого потенциального доброжелателя. Каждое из выражений "наивный" и "идиот" по отдельности тут было бы достаточно, я знаю. Но наивный идиот - это есть нечто такое из ряда вон выходящее, что даже обычный идиот пожимает плечами и презрительно изрекает "Вот идиот нашелся!". Между прочим, пока еще никто мою мужественную руку не пожал за то, что я не был стукачом!

Я не был стукачом не потому, что не хотел или героически сопротивлялся, а просто за ненадобностью. Меня вызывали в Органы, и не раз. Беседовали. Я бы согласился на любое предложение, если бы мне более или менее настойчиво сделали его, хотя бы намекнули на это. Но никаких предложений не последовало. Каждый раз, когда беседа кончалась, я подписывал бумажку о неразглашении состоявшегося разговора, а сотрудник, беседовавший со мной, подписывал пропуск на выход и произносил стандартное "Вы пока свободны". Я так и не понял до сих пор, что означает это выражение "пока" - профессиональную шутку /мол, Вас пока сажать не будем/ или профессиональное доверие /мол, Вас пока оформлять в качестве осведомителя не будем/. Не усматривайте в моем поведении страха быть посаженным. Сейчас у нас людей, которые не лезут в политику, не сажают без достаточно серьезных причин. И если вы - наш человек, вам бояться нечего. А я был, есть и буду до конца нашим человеком. Я был вполне приличным комсомольцем, а потом - столь же приличным членом партии. И если бы я согласился сотрудничать с Органами формально, то не из страха наказания за отказ, а совсем по другим причинам. Моему приятелю предложили стать осведомителем в первую же беседу. Он, конечно, сразу же согласился. Но у него на это был особый рассчет, - он собирался вообще пойти по этой линии, т.е. со временем /после университета/ пристроиться работать в Органах. Я сказал ему, что Органы меня почему-то не вербуют в свои осведомители. Он счел это вполне естественным. - Мы, - сказал он с некоторой долей презрения /с первой же минуты своего функционирования в качестве стукача он ощутил свою принадлежность к великому братству, именуемому

абстрактно "Органы"/, - неохотно привлекаем таких апатичных индивидов, как ты. Ты не тянешь на роль сотрудника Органов.

Не могу сказать, что меня обрадовала эта откровенность приятеля. Меня это даже задело. - Погодите, - подумал я в тот момент, - может быть пробьет и мой час. Но это не было предчувствием или затаенной страстью моего поведения.

Донос был изобретен на Западе /вспомните Иуду!/. Потом вместе с христианством он проник в Россию. В сталинские годы достиг здесь высочайшего расцвета. Теперь на Западе его рассматривают как чисто советское явление. Но так ли это?

В свое время мне пришлось принимать участие в одном исследовании. Предмет исследования - доносы. Мы рассмотрели более двадцати тысяч доносов, которые практически охватили все сферы общества, все основные типы профессий, все слои населения, все основные иерархические ступени структуры общества. И темы доносов были вполне репрезентативны. Если бы я смог сохранить хотя бы копии этих доносов и опубликовать на Западе, эффект был бы потрясающий. Но мне тогда мысль о такой перспективе показалась бы кощунственной. А запомнить эти доносы было невозможно, да я и цели не имел такой. Содержание их я, конечно, могу восстановить. Но это было бы неинтересно: оно вошло в банальные общие выводы. Интересное в них - подлинность, сама форма их записи. Никакой писатель, будь он сверхгением, не способен выдумать ничего подобного.

В чем состояла цель нашего исследования? Выяснить мотивы доносов, степень их правдивости, их последствия для людей и для дела, их распределение по стране, по социальным слоям, по национальностям, их связь с партийными решениями и многое другое. Нам была предоставлена полная свобода исследования, нам не навязывалась никакая априорная идеологическая концепция. Просто какие-то круги в высшем руководстве Партии и КГБ захотели зачем-то получить объективную справку на эту тему.

Выводы, которые мы получили, не имеют ничего общего с ходячими представлениями о доносах. В чем дело?

А в том, что донос как индивидуальное явление и донос как массовое явление - не одно и то же. Кроме того, донос как массовое явление в различных обществах имеет различные качества. Вот некоторые результаты наших исследований. Доносы правдивы, ложь и клевета суть исключения. Они чудовищно прозрачны, свидетельствуют о полном отсутствии воображения. Доносы на морально-бытовые темы сначала смешат, а потом приводят в ужас педантичностью в описании всяких мерзостей. Но это - следствие не цинизма и развращенности, а целомудрия. Но целомудрия особого рода - целомудрия пошлого, подлого, грязного, злобного, в общем - коммунистического. Доносы не имеют почти никакого влияния на

ход дел и на судьбы людей. Это только кажется, будто доносы влияют на судьбы людей. Последние предрешены на других основаниях, доносы лишь сопутствуют им или следуют за ними. Судьбы по отношению к доносам априорны, доносы по отношению к ним - апостериорны. Точнее, они потенциально апостериорны. Люди предчувствуют и предвидят судьбы друг друга или узнают о них из других источников. Донос не есть причина судьбы человека. Он есть лишь звено в психологической ситуации, опережающей действительность. Потому он субъективно воспринимается как причина. Даже политические доносы дают мало нового в сравнении с тем, что Органы узнают из других источников, в частности, из отчетов своих сотрудников и осведомителей, из сообщений представителей власти, секретарей и членов партийных и комсомольских бюро, членов особых комиссий.

Донос - явление общечеловеческое. Это - одна из естественных форм социальных отношений и движения информации. Есть универсальные законы доносов, имеющие силу для всех эпох и всех народов. Но не всегда и не везде донос расцветает и становится существенным элементом жизни в масштабах целого государства. В Советском Союзе в сталинские времена сложилась целая культура доноса, целая империя доноса. Сейчас наступил спад. Но эта культура не исчезла. Она отчасти трансформировалась в легальные и открытые формы циркуляции информации и взаимоотношений людей, а отчасти - в профессиональную деятельность особых органов.

Роль доноса теперь стала иной, чем раньше: по доносам лица, от которых зависит твоя судьба, составляют мнение о тебе. От этого зависит, получишь ты награду или нет, будет повышена твоя зарплата или нет, будешь ты повышен в должности или нет, получишь ты квартиру или нет, выпустят тебя за границу по туристической путевке или нет. Одним словом, от этого зависят многие очень важные элементы твоей жизни. Потому определенная категория советских людей живет в постоянном страхе, что на них пишутся доносы. Потому возникает проблема: как избежать доносов и как парализовать их действие. Полностью избежать доносов нельзя. Вернее, можно, если ты ни на что не претендуешь, если ты есть такое ничтожество, что даже не заслуживаешь доноса. А если ты к чему-то стремишься, чего-то добиваешься и хоть чуточку преуспеваешь, доносов тебе не избежать. Актуальной для тебя становится лишь проблема нейтрализации доносов. Обычный и общепринятый способ такой нейтрализации - наше видимое поведение в коллективе. Когда мы всячески стараемся показать окружающим открыто, что мы - надежные советские люди, настоящие коммунисты, свои в доску, мы при этом /среди прочих функций/ осуществляем и функцию нейтрализации возможных

доносов. На втором месте стоит наше поведение в присутствии предполагаемых стукачей. Слово "предполагаемых" тут могло и не фигурировать, так как мы обычно хорошо знаем своих стукачей /не считая того, что сами таковыми часто являемся/. Мы многое говорим и делаем специально для стукачей. Мы подыгрываем им, льстим им. Мы как бы просим их написать на нас доносы, но - в нашу пользу. Мы забываем о том, что по самой сути доноса он не может быть в нашу пользу. Его или нет совсем, или он есть во вред нам. И при всех обстоятельствах донос способствует тому,что человек стремится соответствовать идеалу советского человека.

Донос вносит в нашу жизнь динамику. Насколько посерела бы и без того серая советская жизнь, если бы совсем исчезли доносы! Наш беспрецедентный антисоветский анекдот потерял бы свою прелесть. Тех, кого за границу не выпускали из-за доносов, все равно не выпустили бы и без оных. Зато тех, кто ездил за границу при доносах, теперь не выпустили бы ни под каким видом, ибо советский человек может выехать на Запад только в сопровождении стукача, если даже он сам стукач, или в качестве стукача /но все равно в сопровождении другого стукача/. И вообще, жизнь приобретает глубокое содержание, если человек чувствует, что на него может быть написан донос. Лишь существование стукачей и доносчиков придает нам чувство собственного достоинства. Мы гордимся тем, что на нас могут "настучать". Мы хвастаемся этим, если это случается на самом деле. Человек, на которого никто не сочиняет донос или донесение и который не боится стукачей и доносчиков, есть абсолютное ничтожество. Он тогда вообще не есть советский человек.

Донос утратил прежнее значение по многим причинам, среди которых не следует забывать и ту, что была нарушена мера доносов. А согласно диалектике нарушение меры ведет к качественному изменению. Доносы были написаны практически на всех. Причем, на каждого были написаны все логически мыслимые доносы: шпионаж, вредительство, подготовка покушения, антисоветская агитация, попытка создания антипартийной группы... Карательные органы просто не в силах были не то что реагировать на все доносы, но даже прочитывать их. А если лишь один процент доносов давал ощутимый результат, их роль можно было считать сыгранной еще задолго до смерти Сталина.

Тайный осведомитель и доносчик - это, повторяю, явления общечеловеческие, лишь развитые у нас до неслыханной ранее степени. Специфически советским изобретением являются публичные /"честные и открытые"/ заявления граждан, играющие роль, аналогичную роли доносов и донесений. Отмечу две формы их: сигнал и разоблачение /"срывание маски", "выведение на чистую воду"/. И в этом деле у нас произошел заметный прогресс. Раньше

это делалось грубо и примитивно. Теперь наше общество стало высокообразованным. Изобретены утонченные формы, не наносящие никакого морального ущерба тем, кто к ним прибегает, а порою даже повышающие их моральный статус.

БИТВА ГИГАНТОВ

- Был у нас в учреждении сотрудник, - рассказывал тот же самый чиновник. - Неглупый. Хороший семьянин. Не пьяница, но непрочь выпить в компании. Любитель шуток. Короче говоря, душа парень. И неплохой работник. Но эпидемия доносов коснулась и его. Начал он с пустяков. Постепенно втянулся. И отдался этому делу, как это часто и бывает с талантливым русским человеком, всей душой и телом. Не было дня, чтобы он не написал бы донос. Слухи насчет того, что он - доносчик, крепли и обретали силу полной уверенности. Да он и сам не скрывал. По пьянке он сам признавался, что "кое-кому свинью подложил". Бывало, он открыто грозился "засудить" своего оппонента. По его доносам было не одно персональное дело. Десятки людей таскали на Лубянку для допросов. И надо признать, что скоро от него просто житья не стало. Стонали все - от директора до уборщицы. Даже штатные стукачи и энтузиасты доносчики в панике разбегались при виде его.
Его пытались "умаслить" - давали премии, повышали зарплату, награждали медалями и орденами, избирали в партийные органы. Ничто не помогало. Что было делать? Собрались на тайное совещание ведущие лица учреждения - директор, заместители, секретарь партбюро, председатель месткома и прочие. Пронюхай он про это совещание, не миновать бы беды: посадили бы всех. Но выхода не было, пришлось рискнуть. Весь вечер просидели, но ничего придумать не могли. Всю ночь просидели, но ничего путного не родили. Собрались было разойтись и покорно нести свой крест, как вдруг секретаря партбюро осенило: а что, если мы сами напишем на него донос?! - Прекрасная идея, - согласился директор, - но только не групповой донос. За групповщину нам влепят по первое число. Идею секретаря поддержали остальные. Встал вопрос: кто будет писать донос? Все взоры обратились на председателя месткома - у него тоже была репутация старого и опытного доносчика. Председатель молча кивнул головой. Заговорщики разошлись по домам, не зная определенно, к чему готовиться, - к новым неприятностям или к избавлению.
Председатель месткома был действительно старым доносчиком. Появление мощного конкурента, который вскоре превзошел его в мастерстве доноса, сильно задело его самолюбие. Председатель

пытался переплюнуть конкурента, но ничего не вышло из этого: не хватило воображения и образования - у председателя за плечами был лишь заочный библиотечный институт, который оканчивали отъявленные лодыри и дебилы, а у конкурента - дневное отделение университета. Председатель пытался подкосить конкурента, сочинив на него с дюжину доносов, но и тут потерпел неудачу: в Органах вышла установка выдвигать новые кадры. Теперь председатель решил взять реванш за все прошлые неудачи и обиды. Но как? На чем подловить этого мерзавца?

По дороге домой председатель купил две поллитровки водки: он хорошо знал, что в России ни одну сложную проблему без поллитра не решишь. Осушая первую бутылку и подъедая все, что осталось со вчерашнего дня, председатель вспомнил голодное детство, работу на ударной комсомольской стройке, где он заработал язву желудка, кошмарные военные и еще более кошмарные послевоенные годы. Ему стало нестерпимо жаль себя, свои ни за что загубленные таланты. Утирая слезу, он фальшивым голосом спел обычный набор старинных народных песен. Ему подпевала супруга, пропустившая пару рюмок. Потом председатель перебрал в памяти сотни три из запомнившихся ему доносов, но ни один из них не подошел к данному случаю. Всхрапнув пару часов, председатель "распечатал" вторую поллитровку. Жена к этому времени раздобыла где-то квашеной капустки, маринованных грибочков и солененьких огурчиков.
Когда вторая бутылка была прикончена, в мозгах у председателя наступила удивительная ясность, и решение проблемы пришло само собой. Через час донос был готов вчерне. Еще через час был переписан набело каллиграфическим почерком, запечатан в конверт и отправлен по привычному адресу. Через неделю доносчик, терроризировавший учреждение, был арестован. Председатель получил к очередному празднику премию в виде месячного оклада, был включен в число первоочередников на улучшение жилищных условий и получил бесплатную путевку в санаторий. Прочие заговорщики не раз просили председателя раскрыть тайну, что он такое написал в своем "письме Туда" /как они почтительно называли донос/, но он отделывался шуточками.
Время шло к либерализму. Судьба разбросала участников дела. История эта забылась. Но вот был реабилитирован тот самый выдающийся Доносчик. Его восстановили на работе и выплатили компенсацию как невинной жертве "культа личности". В учреждении он ходил героем. Через год уже был заместителем директора /нового: старого уволили на пенсию как сталиниста/. Его любили и уважали: состав сотрудников почти полностью обновился, а оставшихся "стариков" молодежь презирала как "недобитых

культистов". Наступили мрачные времена и для Председателя. Ему тоже пришлось уйти на пенсию. Когда мы отмечали это событие, он, упившись больше обычного, открыл секрет того своего коронного доноса. Он в нем просто написал, что наш коллектив - здоровый, политически зрелый и прочее, а согласно доносам такого-то получается, что у нас все сотрудники суть антисоветчики, враги партии, морально разложившиеся подонки и прочее. Он, Председатель, считает, что гражданин такой-то нарушает меру, подрывая тем самым авторитет самих Органов. Последняя фраза и решила судьбу доносчика-конкурента. - Об одном жалею, - сказал Председатель /уже бывший, конечно/, когда мы волокли его домой, - что этого мерзавца там не расстреляли. Представляете, сколько ребят он там в лагерях заложил, подонок?!

ИСКУССТВО ПОДЛОСТИ

- Если вы скажете, что подлость в нашей стране достигла уровня науки, то считайте, что вы ровным счетом ничего не сказали о подлинной роли подлости в нашей прекрасной стране, - говорил тот самый чиновник, что и в предыдущих разделах. - Подлость всегда и везде находилась и находится на уровне науки. Она просто не может существовать на донаучном уровне. Можно смело утверждать, что первой наукой в истории человечества была именно наука подлости. Ибо совершая подлость, человек тем самым сразу возвышался до уровня науки. А человек без подлости вообще немыслим. Уже само очеловечивание наших предков было величайшей подлостью в истории Мироздания по отношению ко всему живому. И к мертвому тоже.

Если вы хотите отразить специфику нашего общества, вы должны признать, что подлость в нашем прекраснейшем из обществ достигла уровня искусства. Ис-кус-ст-ва! Искусства высочайшего, тончайшего и прекраснейшего. И, само собой разумеется, полезного. Вот ты идешь, например, со своим старым приятелем, собутыльником и единомышленником в свое учреждение. Приятель по пьянке совершил некий неосторожный /говори прямо - глупый/ поступок. Ему за это грозят неприятности. Вы, естественно, обсуждаете перспективы. Естественно, поносите секретаря партбюро /"прохвост", "подхалим", "бездарь", "кретин"/, заведующего отделом /"бездарь", "кретин", "подхалим", "прохвост"/, заместителя директора /"кретин", "прохвост", "подхалим", "бездарь"/ и прочих более или менее ответственных лиц учреждения, почему-то жаждущих причинить зло Приятелю. Ты, конечно, сочувствуешь Приятелю. Ободряешь его. Мол, мы тебя в обиду не

дадим! Не те времена! Не на тех напали!!
Вот ты вошел в свое учреждение, выполнил все должные формальности, занял положенное тебе место в пространстве, принял привычную позу, наиболее соответствующую состоянию деловитого безделья. И тут к тебе подходит сущая ведьма /как по внешности, так и по сущности/ - секретарша заместителя директора /"кретина", "подхалима" и т.д./. - Шшшшшш, - заговорщески шепчет она тебе в ухо, что в переводе на обычный язык означает: "Петр Сидорыч просют тебя зайти". Ты, разумеется, незамедлительно вскакиваешь, одергиваешь мятый пиджачишко, поддергиваешь засаленные и отвисшие на заднице и на коленях брючишки, тушишь о ладонь еще не зажженную сигарету и скользишь, опережая ведьму из дирекции, по направлению к кабинету Петра Сидоровича. Всем видно, куда ты скользишь. Всем ясно, зачем ты туда скользишь. Ты всем своим существом ощущаешь невысказанные мысли твоих друзей и сослуживцев по твоему адресу: "прохвост", "блюдолиз", "стукач", "бездарь", "карьерист"... Не буду вас утруждать перечнем эпитетов такого рода: вы сами можете продолжить их без особого труда. Возьмите первого пришедшего на ум вашего сослуживца и скажите себе честно и откровенно, что вы думаете о нем. И слова неудержимым потоком заструятся по вашим мозгам: "лицемер", "двуличный", "стяжатель", "пьяница", "нечистоплотный"...
Вот ты вошел в кабинет Петра Сидоровича. Он, конечно, не встает тебе навстречу. Он деловито передвигает бумаги, переставляет телефонные аппараты, карандаши. Не поднимая головы от важных бумаг на столе, кивает тебе: мол, присаживайся, раз пришел. Ты присаживаешься на угол стула и изображаешь всем своим существом все то, что положено в таких случаях.
- Давненько мы с тобой не беседовали, Иванов, - произносит наконец Петр Сидорович как бы между прочим. - Как делишки, как детишки? Ха-ха-ха!...
- Делишки, Петр Сидорович, как говорится, дрянь, а детишки - пьянь. Хи-хи-хи!
- Ха-ха-ха! Да ты никак шутник, Иванов! Ха-ха-ха!
- Хи-хи-хи!
- Ха-ха-ха!
- Хи-хи-хи!
- Ну, хватит! Пошутили, и хватит. Я тебя не для анекдотов позвал, Иванов. Дело серьезное. Пятно на коллективе!
- Знаю, Петр Сидорович!
- Плохо знаешь, Иванов! Дело-то хуже оборачивается. Органы заинтересовались.
- Не может быть, Петр Сидорыч!
- Все может быть, Иванов! Вы ведь с Петровым закадычные друзья?
- Да какие мы друзья?! Сослуживцы, Петр Сидорыч! Не больше.

- Ты же выпиваешь с ним.
- А с кем нам выпивать не приходится?!...
- Домами встречаешься.
- Сплетни, Петр Сидорыч. Сплетни. Было, конечно, пару раз. Да и то так, случайно. Напросились в гости. Не выгонишь же!
- Сплетничают у нас, верно, много. И про меня, небось...
- Что Вы, Петр Сидорыч! О Вас как раз не смеют.
- А что ты думаешь о Петрове, Иванов?
- А что о нем думать? Работник он, прямо скажем, не ахти какой.
- Прямо скажем - халтурщик.
- И в моральном отношении, прямо скажем, не образец.
- Прямо скажем - морально растленный тип.
- В политическом отношении... оно, конечно, того... нельзя сказать, что...
- Не финти, говори прямо! Не наш человек!
- Нашим, конечно, не назовешь...
- Будем персональное дело заводить.
- Давно пора, Петр Сидорыч.
- Придется тебе, Иванов, на собрании выступить. Расскажешь прямо, как честный коммунист все, что знаешь и думаешь. А то слухи ходят, Иванов...
- Понимаю, Петр Сидорыч!
- Скоро сюда придет товарищ из Органов. Он тебя ознакомит. Смотри, Иванов, не подкачай. А то ведь и на тебя...
- Не подведу, Петр Сидорыч!

В коридоре тебя уже ждет Петров. Повсюду группками толпятся сотрудники. Ты проходишь мимо Петрова, будто никогда не был с ним знаком, - пусть все видят, что никакие вы не друзья. А Петрову слегка моргаешь: мол, потом. Петров не дурак, сразу понимает, в чем дело. И сам делает вид, что он просто покурить выскочил, что никаких шашней у него со мной нет: зачем подводить товарища?!

Ночь, конечно, не спишь. Петров - тоже не лапоть, его голыми руками не возьмешь. Он десятерых заложит, а сам выкарабкается. Уверен, сейчас он строчит донос в Органы, все сваливает на своих собутыльников, в том числе - на меня, себя изображает неустойчивой жертвой морально и политически разложившихся мерзавцев, вроде меня, клянется в преданности, обещает исправиться. Сволочь он, этот Петров! И как я раньше не заметил, что он - не наш человек? Гнать таких из партии надо. И Органы правильно делают, что очищают общество от таких.

Настроившись таким образом и припомнив тезисы товарища из Органов, ты начинаешь обдумывать свою разоблачительную речь на партсобрании. Речь получается красноречивая и страстная. Удовлетворенный, ты засыпаешь сном праведника.

СВЕРХЧЕЛОВЕК

- Еще в школьные годы, - говорил тот чиновник, - я выработал для себя основные жизненные принципы. Мне не нужно бытового благополучия, - убедил я себя, - не нужно наслаждений, власти, славы, почестей. Я буду просто Человеком. Я себе это "быть Человеком" представлял так. Если дал слово что-то сделать, в лепешку расшибись, а делай. Защищай слабых.Не обманывай. Не подхалимничай. И так далее в том же духе. Мне казалось, что этим принципам можно сравнительно легко следовать. Лишь бы желание было. И я им следовал. Но - до поры до времени. Как только я столкнулся с более трудными, чем в школе, проблемами, я понял, что в нашем обществе мало быть Человеком: надо быть Сверхчеловеком. Надо научиться ловчить, выкручиваться, хитрить, чтобы уцелеть. Нет,я не делал подлостей и не изменил своим юношеским принципам. Я просто постиг другую истину: чтобы этим принципам следовать, надо быть находчивым, гибким, изворотливым. Постепенно у меня выработались навыки играть нужную роль вполне естественно и без усилий, автоматически. Это было разумное приспособление к условиям существования. Именно это приспособление и имело следствием нашу способность легко переходить из одного состояния в другое, ему противоположное. В конце войны и в послевоенные годы число таких людей, как я,стало огромным. Многие из тех, кого я знал, были перед этим безупречными советскими людьми с точки зрения Органов. Иначе мы не уцелели бы и не сыграли бы потом свою великую историческую роль. Это мы нанесли удар по сталинизму! Если бы не мы, то...

ЦЕНА ЖИЗНИ

В те дни крушения сталинизма настроение у меня было такое, что я серьезно подумывал о самоубийстве. Жизнь, казалось, утратила смысл. А жить без страсти и идеи, объединяющей жизненный поток в единое целое, я не привык. И в этом я не был одинок. Но никто из тех моих знакомых, кто в то время собирался покончить с собой, не реализовал свое намерение на деле. Случайно ли это? Вопрос этот оказался частью более общего вопроса об отношении человека к своей собственной жизни.

В литературе, посвященной сталинским репрессиям, иногда мелькает недоумение по поводу того, что очень немногие люди покончили с собой, хотя знали, что их все равно уничтожат.Почему? Во-первых, сейчас невозможно иметь статистические данные на этот счет, чтобы

с уверенностью ответить - многие или немногие покончили с собой. Случаи самоубийства тщательно скрывались. Я лично знал об одном случае, когда ответственный работник застрелился, но Органы изобразили дело так, будто его арестовали. Арестовали всю его семью, чтобы скрыть факт самоубийства, и кое-кого из осведомленных соседей. Слух все же возник, - сын успел рассказать о самоубийстве ребятам во дворе,а те разнесли слух по всему району. Во-вторых,не так-то просто было покончить с собой. Не успевали. Оружия не было. Я по себе знаю, что это значит. Будь у меня пистолет, я бы может быть застрелился. Но каждый раз, когда у меня назревало желание сделать это, я ехал к своему фронтовому другу за сто километров от Москвы, - он ухитрился сохранить именное оружие со времен войны /у меня тоже такое оружие было, но у меня его отобрали,когда я пересекал границу после демобилизации/. Когда я добирался до друга, мы, естественно, отмечали встречу хорошей выпивкой, и желание стреляться пропадало. А вешаться или кидаться под поезд не хотелось. Снотворные пилюли достать было трудно. И в-третьих, идея самоубийства не входила в тип самосознания людей той эпохи. Это, пожалуй, главное.

Социальный тип самосознания проявляется во многих аспектах жизни, и в том числе - в отношении к самой своей жизни. Сознание людей имеет всегда определенную ориентацию, определенную тем, что общепринято и поощряется в данном обществе и что отвергается и порицается. В обществе, где дуэль принята и поощряется, смерть на дуэли не вызывает того состояния ужаса, какое появляется в иных случаях. Там, где самоубийство как следствие бесчестья рассматривается как норма, люди относятся к нему иначе, чем в обществе, где утрачены понятия о чести, а самоубийство порицается. Тысячи советских людей той эпохи легко расставались с жизнью, если это требовалось ради интересов группы людей, партии, страны. Те же самые люди, способные на самопожертвование в общественно одобряемых случаях, оказывались неспособными расстаться с жизнью добровольно в ситуациях, когда все равно судьба их была предрешена.

Упомянутая общая ориентация играла существенную роль и в том странном на первый взгляд явлении, что так мало было попыток покушения на Сталина и других деятелей той эпохи. Люди легко совершали убийство других людей в ситуациях, общественно оправдываемых, причем - без всяких колебаний, раскаяний и угрызений совести. Порою даже с удовольствием. Но те же люди пасовали перед самыми примитивными ситуациями, которые выходили за рамки общественно принятой ориентации на этот счет. Еще до войны я обдумывал покушение на Сталина. Конечно, мои практические возможности были ничтожны. Но не они остановили меня: я запутался в моральных проблемах. Потом у меня появился

единомышленник. Он утверждал, что приблизиться к Сталину на расстояние, достаточное для выстрела или бросания бомбы, можно. Но он тоже не мог преодолеть некий морально-психологический барьер. Мы выросли в условиях, в которых индивидуальный террор порицался морально и считался неэффективным политически.
Но вдруг меня осенило: месть! Надо мстить! Кому? Им! За что? За себя! За страдания близких. За все!

Отчаиваться не надо.
Выход все-таки есть.
На свете полно гадов.
А средство от них - месть.
Добровольно сдаваться не надо.
Вспомни мужскую честь.
Сто раз повторяй кряду:
Месть!
Месть!
Месть!
Никогда сдаваться не надо.
Всегда оружие есть!
Любая падет преграда,
Когда закипает месть.
С жизнью сквитаться надо -
Советую всем учесть:
Пусть гада ждет не пощада.
А месть,
Месть,
Месть!

Я изложил свое замечательное открытие своему сообщнику. - У меня нет к Ним ненависти, - сказал он. - Я Их презираю, а из презрения мстить невозможно. Они по отдельности слишком ничтожны для мести. А все вместе Они воплощают в жизнь самые светлые идеалы человечества. Мстить некому!

Оставь дурацкие затеи.
Мир не изменишь все равно.
Нелепо драться за идеи,
Осуществленные давно.

ДОЛГ

- Так ты тоже был пилотяга? - спросил я, уловив в речи моего компаньона выражения из авиационного жаргона.

- Нет, - сказал он, - я всего лишь воздушный стрелок.
Мы стали вспоминать войну. Я рассказал, как погиб мой воздушный стрелок, а он - как погиб его командир.
- Мы штурмовали железнодорожный узел, - говорил он. - Уже кончили работу, как шальной снаряд залепил нам в мотор. Машина загорелась. Но высота была небольшая, и командир успел посадить ее в мелколесье. Едва я успел вытащить из кабины потерявшего сознание командира /ему раздробило ноги/ и оттащить в сторону, как машина взорвалась. Из соседней деревни пришли немцы, покачали головами и ушли: они, очевидно, решили, что мы взорвались вместе с машиной.
Командир пришел в себя. Хотел застрелиться, но я отобрал у него пистолет. До линии фронта было совсем недалеко. Я решил попытаться выйти к своим и вытащить командира. Сделал нечто вроде саней. Впрягся в них. И поволок свою тяжелую ношу. Целых семь дней волок. Что это были за дни, лучше не вспоминать. Когда мы все-таки чудом выбрались, смотреть на нас приходили со всей дивизии.
Но дело не в этом. Командир не думал, что выживет. И перед смертью решил раскрыть мне свою душу, исповедаться. И начал говорить такое, что в первую минуту я сам хотел пристрелить его как предателя. Я ведь был комсомольским активистом. Был комсоргом полка. Рано вступил в партию. Сталин был для меня богом. Все,что касалось нашей истории, идеологии, генеральной линии партии, было для меня святыней. Я никогда не был доносчиком. Когда при мне заводились сомнительные разговоры, я честно и открыто пресекал их. А командир рассказывал о том, что потом, после хрущевского доклада стало восприниматься как преступления "периода культа личности". Я сам знал о многом из того, что говорил командир. Но я считал это все справедливым и исторически необходимым. И помалкивал, как все. Преступлением тогда был сам тот факт, что об этом говорилось вслух и что это интерпретировалось как преступление.
Когда появилась надежда, что мы выберемся, командир спросил меня, донесу я о его речах или нет. Я сказал, что я не доносчик, а честный коммунист, что я напишу рапорт командованию обо всем, что было. Он сказал, что это все равно донос. Потом он попросил меня не делать этого: у него жена, дети, родители, они ни при чем. Еще раз попросил дать ему пистолет - застрелиться. Я отказался. Он попросил меня пристрелить его. Я тоже отказался. Он спросил, зачем же я спасаю его. Я сказал, что это - мой долг как коммуниста. -Ясно, - сказал он, - долг коммуниста, а не человека и солдата. Действуй!
Я дотащил командира до госпиталя. Привел себя в человеческий вид. Отоспался. И, само собой разумеется, меня вызвали в Особый отдел. Я доложил обо всем. Командира судил военный трибунал. Меня

наградили орденом. Не за то, что спас командира, а за то, что проявил бдительность.
- Ну, а дальше что?
- Ничего особенного. Как видишь, живу.

Нельзя из прошлого вернуть
Те смерть несущие полеты.
Правдивых песен про войну
Не сочинят уж рифмоплеты.

ТОСКА О ПРОШЛОМ

Я сижу на бульваре в центре Москвы. Пригревает солнце. Лениво прохаживаются сварливые голуби. Бесятся бесшабашные воробьи. Слева от меня обнимаются молодые люди. Эта манера обниматься и целоваться на виду у прохожих в последнее время стала распространяться среди молодежи, - по мнению западных наблюдателей, признак либерализации нашего общества и невозвратимости сталинизма. Справа от меня пенсионеры говорят о распущенности нынешней молодежи и о необходимости суровых мер, - по мнению тех же западных наблюдателей, такие настроения в среде старших поколений представляют собою угрозу реставрации сталинизма. Но мне одинаково чужды как те, так и другие. Я думаю свою навязчивую думу.

Сталинский период - один из самых интересных в истории человечества. А точное и полное научное описание его практически невозможно. Документы тех времен уничтожены или сфальсифицированы. Многое важное делалось вообше без документов. То немногое, что сохранилось, недоступно ученым и писателям. Мемуаров тогда не писали. Боялись. Не надеялись на их будущность. Да и записывать-то было нечего. Те воспоминания, которые пишутся сейчас, есть фальсификация прошлого задним числом. А задним числом можно любую концепцию примыслить к любому поведению людей. Можно утверждать, например, что мы знали и понимали все, и потому были преступниками или соучастниками преступлений. Но можно с теми же основаниями утверждать, что мы не знали и не понимали ничего, и потому были ни при чем или не ведали, что творили. И то и другое одинаково бессмысленно. Мы знали и не знали, понимали и не понимали, но - в духе и в меру своего времени. Если хочешь придать смысл этим категориям, перенесись в те годы и живи в тех условиях. А если перенесешься в те годы, немедленно испарится сама проблема

знания и понимания. Эта проблема есть проблема лишь для исследователя прошедшей эпохи, но не для ее участников.
Но почему тебя эта проклятая сталинская эпоха волнует? Плюнь на нее! Она заслуживает забвения. Никаких уроков на будущее из нее все равно не извлечешь. Ты уцелел, и этого с тебя достаточно. Живи себе на здоровье. Наслаждайся солнцем. Наблюдай этих прожорливых голубей и озорных воробьев. И жди, когда судьба пошлет тебе маленькую радость. А она милостива к таким, как ты. Непременно что-нибудь пошлет, как это она уже делала много раз ранее. Посчитай, сколько раз тебя должны были убить! А ты все еще жив.

Нам в спину целился в упор
Башкир заградотряд.
А перед нами - косогор.
Колючей проволоки ряд.
Один. Другой. Четвертый. Пятый.
Вот лейтенант вскочил: Ребята!
Вперед, ваш мать! За Родину!
За Сталина - уродину!
Пускай устроит он, вампир,
Из потрохов из наших пир.

Соседи слева, не прерывая основного занятия, шутят и хихикают. Он рассказывает "самые свежие" анекдоты про Ленина.Анекдоты действительно смешные, и мне стоит усилий, чтобы не рассмеяться. Интересно получается, с пьедестала сбросили Сталина, а смеются над Лениным. Почему?

И рассыпается все в прах.
Становится напрасным страх.
И историческая веха
Становится предметом смеха.

Соседи справа не выдержали такого богохульства, сложили шахматы, ругаясь, ушли искать другую свободную скамейку. Слова и движения соседей слева утратили смысл социального протеста. Им стало скучно. Они тоже ушли. Я для них никакого интереса не представлял. Стоит ли выпендриваться перед каким-то неопрятным бухариком?

Хочу в ушедшие года.
Пусть будет нестерпимо плохо.
Твоим я буду навсегда,
Меня родившая эпоха.

Это "пусть будет" я произнес для красного словца, ибо мне сейчас плохо. Зверски болит голова со вчерашнего перепоя. Нужно во что бы то ни стало похмелиться. А денег нет. Их всегда нет. Но сейчас их нет в высшей степени. Никогда раньше не думал, что отсутствие чего-то может тоже различаться по степени, может уменьшаться или возрастать. Неужели все-таки та, моя эпоха навечно ушла в прошлое? Ушла серьезно, а не из каких-то коварных тактических соображений? А ведь это все было совсем недавно. Настолько недавно, что это вроде бы можно потрогать руками.

Разбиты в клочья "прохари"*/.
От пота гимнастерки стлели.
Натерли плечи "винтари"**/.
А мы упорно песню пели,
Какую знал тогда любой:
Идем в последний, смертный бой.

Вот сейчас я отчетливо вижу изрытую ухабами грязную дорогу,серое унылое небо, серые, окаменевшие лица товарищей с раскрытыми ртами. Слышу хрипы той безобразной песни, которая должна была вдохновлять нас на подвиги.

Теперь уж позабылось, что
Для нас "последний" означало
Пути в Грядущее начало,
А не конец пути в Ничто.
И велено последний бой
Нам выиграть ценой любой.

- Разобраться в нашей прошлой жизни трудно, - говорит случайно подвернувшийся собутыльник. - Может быть вообще невозможно. Моя жизнь, например, до ужаса банальна с точки зрения событийности. Но стоит задуматься, как какой-нибудь пустяк обретает грандиозный исторический смысл, а то что вроде бы должно быть важным, испаряется в ничто. В сорок первом мы с боями отступали от самой границы до Москвы, попадали в окружение, выходили из него... Вроде бы богатое событиями время. Но я о нем не могу наскрести воспоминаний даже на страничку. А вот об одной лишь ночи, в которой вроде бы не произошло почти ничего, могу думать и говорить часами. Вроде бы! У нас все

*/ Сапоги.
**/ Винтовки.

превращается во "вроде бы" и в "как будто бы",поскольку у нас нет критериев различения важного и неважного. В ту ночь мы не обратили внимания на то, что пятьдесят человек сбежало к немцам. Зато пришли в дикое возбуждение, когда один парень сообщил, что у него кто-то украл сухарь. Особенно распинался по сему поводу Политрук. Он заклеймил этот поступок как пережиток капитализма в нашем сознании.

Смешной был этот Политрук. Совсем еще мальчишка. Бывший студент. Окончил шестимесячные курсы политруков. Попросился на фронт, причем - на самый трудный участок и в самую трудную часть. Его и сунули к нам, к штрафникам. И сразу в бой, причем - в самый нелепый, какой только можно было придумать. Когда нас немцы отрезали от своих и окружили, он спорол свои политруковские нашивки. Спорол, потому что немцы политруков в плен не брали: на месте расстреливали. А ведь он призывал нас драться до последней капли крови.

Эти сведения о Политруке мы узнали с его слов. И что здесь правда, а что - вранье, различить невозможно. Люди о себе вообще всегда врут, а в таких случаях - особенно. Но люди всегда врут на основе некоторой правды и в ее окружении. Майор, например, говорил о себе, что он - бывший майор, бывший командир полка, пожалел своих людей и не погнал их в бессмысленную атаку, был приговорен трибуналом к расстрелу, но расстрел заменили на десять лет штрафбата. Один парень из соседней роты говорил, однако, что Майор было всего лишь капитаном, что командовал лишь батальоном, что людей своих он не жалел, он просто не смог их поднять в атаку. Попробуй, установи, чей рассказ тут ближе к истине. А парень по прозвищу Кулак был образцовым комсомольцем, был отличником боевой и политической подготовки. Погорел он вроде бы на пустяке: дал ребятам почитать письмо от матери, в котором она описывала безобразия в колхозе. Кто-то донес в Особый отдел, и ему дали пять лет штрафного за антисоветскую агитацию, причем - как "затаившемуся кулаку". И он уже стал воспринимать себя как критически настроенного по отношению к советскому строю, в особенности - к колхозам. Что тут правда и что плод воображения? Когда он попал в плен, ему просто в голову не пришло использовать этот факт своей биографии. Зато другой парень из нашего взвода по прозвищу Летчик сразу заявил о себе как о принципиальном противнике советской власти, особенно - колхозов.

Этот Летчик присвоил себе то, что по праву должен был бы использовать Кулак. Что же получается? Если взять их двоих, то вранье Летчика уже не будет враньем. А если вообще взять большую массу людей и сумму того, что они рассказывают о себе, сравнить с суммой того, что они на самом деле творили, то будет иметь место

точное соответствие сказанного и сделанного. Вот тебе и ключ к раскрытию "секрета" сталинизма. Никакого секрета нет и не было. "Секрет" - это теперь выдумали. Вот почему я не принимаю всю эту комедию разоблачительства и реабилитации.

Реабилитация! Словечко-то какое придумали. Не наше словечко, не русское. У нас если человека осудили, значит он виноват. У нас невинно осужденных не бывает. Если человека осудили, то он виноват уже тем, что его осудили. А под какиим соусом, т.е. с какой формулировкой, дело второстепенное. Возможно, невинно осужденные и были где-то. Я лично за всю свою жизнь не встретил ни одного. Кулак, например, считал, что попал за дело: то письмо не надо было никому показывать. Его вина - разглашение общеизвестной тайны о положении в колхозах. Согласно генеральной линии партии, в колхозах все должно быть прекрасно. Не имело значения то, что письмо было правдиво. Оно не соответствовало этой генеральной линии. А то, что он дал его читать другим, истолковывалось как подрыв этой линии. А то, что ему пришили кулацкую агитацию, роли не играло. Он даже не обратил на это внимания. И вообще никто не придавал этому значения. Имело значение одно: влип, получил пять лет, дешево отделался, если уцелеешь в бою и получишь ранение, то вернешься в училище героем, возможно - с "железкой". Обидно было только то, что он подвел мать. Ей тоже дали срок. Но учли чистосердечное раскаяние и многодетность, так что свой срок ей разрешили отбывать по месту жительства. Была такая форма - "принудиловка".

Как видишь, событий вроде с гулькин нос, а рассуждений - на целую книгу хватило бы. Если бы аналогичный поступок совершил я сам, я бы переживал его так же, как Кулак, и осудил бы его как преступление. У нас не было одной мерки для себя и другой для других. Мерки были универсальные.

Интересное это дело - сознание вины и невиновности. Это сейчас можно позволить себе иронизировать над тем, что кто-то был осужден, например, как японский шпион, хотя даже толком не знал, где находится Япония и ни разу в жизни не видал живого японца. С какой бы формулировкой человек ни был осужден, он не чувствовал себя невиновным и подыскивал для себя подходящую вину. Сознание и чувство невиновности появились лишь теперь, когда началась официальная реабилитация. Они появились как новая партийная установка, - вот в чем дело! Это не есть какое-то общечеловеческое качество. Это есть лишь исторический зигзаг в генеральной линии партии. А раз такая установка вышла, все перевернулось: после этого я не встречал уже ни одного человека, осужденного за дело. Все стали невинно осужденными. И мне теперь уже кажется, что я тогда ни за что пострадал. А почему так кажется? Да потому, что то время ушло, и новая установка констатировала этот факт. Когда даже виновные

стали ощущать себя невинно пострадавшими, это означало, что эпоха сталинизма окончилась.

Кулак действительно дешево отделался. За то, что сотворил он, положено было минимум десять лет. Он получил пять только благодаря тому, что чистосердечно раскаялся, признал правильной формулировку трибунала и попросил отправить на фронт искупить свою вину кровью. Он был правильный преступник. И все остальные в нашей части были точно также правильные. Был у нас во взводе парень по прозвищу Тихоня. Настоящий летчик, в отличие от того самозванного Летчика, о котором я упомянул выше. Он оказался принципиальным антисталинистом, засыпался на провокаторе, получил "вышку". Но даже он оказался правильным - покаялся и попросился на фронт. А неправильных преступников на фронт не посылали: их расстреливали в тылу.

И еще обратите внимание на то, что я без всяких эмоций вспомнил о доносчике, который донес о Кулаке, и о провокаторе, который разоблачил Тихоню. Не думайте, что мы их любили, - мы их презирали. Были случаи, мы им устраивали "темную". А если в штрафной части обнаруживали таких, так их просто убивали. Но мы никогда не возвышали проблему доносчиков и провокаторов до уровня морализаторства, как это делают теперь, и не впадали в состояние священного ужаса по поводу явлений такого рода. Мы принимали это как факт, причем - как факт естественный и неотвратимый. И не видели в нем причины наших злоключений.Повторяю, причиной своего несчастья Кулак считал свою собственную глупость, а Тихоня - неосторожность, а не социальный строй и его неотъемлемый атрибут - систему доносов.Многим из нас и самим приходилось выполнять /вольно или невольно/ функции доносчиков. Был в нашем взводе парень по прозвищу Стукач. Так он на самом деле был стукачом. Погорел он на ограблении хлеборезки. Получил, как и я, "пятерку". Был рад, что благодаря этому он перестал быть стукачом. Поскольку все знают, что он был стукачом, его теперь уже никто не будет использовать в этой роли. Не берусь судить, насколько это верно. Эта психологическая проблема мне не по зубам.

Мы рассматривали свое нынешнее положение как временное, рассчитывали "искупить кровью" свою вину, т.е. уцелеть в бою и вернуться в прежнее положение. Стоит ли говорить о том, как мы питались, как были одеты, как выматывались, как с нами обращались, как были вооружены. И стоит ли говорить, что мы были озлоблены на все это. Но я не помню ни одного случая, чтобы наше недовольство перерастало в протест против нашего строя и нашей власти. Даже Тихоня ни разу даже намеком не выразил намерения бороться против нашего строя и помогать в этом немцам. Потом многие из нас убежали к немцам, но не из принципиальных

соображений, а из желания просто спасти свою шкуру. Майор командовал частью, расположенной на самой границе. Так что он пережил панику первых недель войны. Тогда число наших пленных перевалило за два миллиона. - Но люди сдавались в плен, - уверял Майор, - не из идейных соображений, а в силу военной ситуации, в силу невозможности воевать, по приказу командиров. Были, конечно, идейные враги нового строя. И не мало. Однако и они в большинстве случаев лишь прикрывали трусость и шкурничество некоей враждой к советской власти. Это не означает, что мы любили наш новый строй. Дело в том, что наше сознание и поведение просто находилось совсем в иной плоскости. Перед нами просто не стояла такая проблема - отношение к советскому строю. Эту проблему уже решило предшествовавшее поколение. Для нас эта война уже не была проблемой выбора исторического пути. У нас были свои проблемы - проблемы нашего положения в новом обществе и нашего пути в нем. Изо всех врагов нашего строя, каких мне приходилось встречать в жизни, самым яростным и непримиримым был Тихоня. Но его позиция была такова: против коммунизма, но на основе коммунизма и в рамках коммунизма. Тогда эта позиция казалась мне словесными выкрутасами. Сейчас я понимаю, насколько мудр был этот человек. Он вовсе не хотел этим сказать,что он - за коммунизм. Он этим хотел сказать лишь то, что теперь надо вести борьбу против таких явлений жизни, которые порождаются самим новым общественным строем с необходимостью и будут порождаться, как бы мы против них ни боролись. Но это не делает борьбу бессмысленной. Это делает ее неизбежной, т.е. просто заурядным фактом жизни коммунистического общества.

Но хватит теории. Нам, штрафникам, было приказано взять такой-то укрепленный пункт противника. Никто не верил в то, что мы этот пункт возьмем. Наше начальство, отдававшее приказание, тоже в это не верило. Но произошло чудо: мы этот пункт все-таки взяли. Наше начальство растерялось от нашего успеха и не знало, что делать с ним. И когда оно решило отвести нас назад, было уже поздно. Немцы очухались и отрезали нас от своих. Вернее, большую часть нашего брата немцы перебили, небольшая часть пробилась обратно, а человек сто пятьдесят оказалось в ловушке. Человек пятьдесят сразу же сбежало к немцам. Они рассказали, кто мы такие. Если бы не наступила темнота, то может быть и остальные сбежали бы, вернее - сдались бы. И никаких теоретических проблем тогда не возникло бы. Но немцы решили отложить это хлопотное дело до утра. Это было подло с их стороны, так как они тем самым задали нам одну непосильную задачу: сумеем мы образовать некое социальное целое, обладающее общими качествами нашего общества и представляющее его, или нет? Конечно, мы сами не осознавали эту проблему буквально в такой форме. И немцам в голову не приходило

то, что они эту проблему поставили перед нами. Это получилось случайно, само собой, в силу стечения обстоятельств. Но получилось именно так.

Когда мы поняли, что отрезаны от своих и окружены и что имеем какое-то время пожить "спокойно", перед нами первым делом возникла проблема организации, - разделения на группы и командования. Так получилось, что все мы были штрафниками, за исключением Политрука. Он не успел добежать до группы, которая прорывалась обратно, и застрял с нами. Он же оказался единственным офицером среди нас. Среди нас было много бывших офицеров и сержантов. Но они все были разжалованы. А Политрук - молодой мальчишка, только что попавший на фронт и не способный командовать даже отделением. Мы все, естественно, с надеждой взглянули на Майора: человек полком... ну, пусть батальоном командовал, ему и карты в руки. Но Майор сказал, что мы пока еще граждане Советского Союза, и в соответствии с советскими законами командование должен взять на себя Политрук. Он - старший по званию среди нас и единственный, кто имеет право представлять здесь советскую власть. Речь Майора решила дело. Политрук тут же назначил Майора своим заместителем. И тот фактически стал командиром, к чему мы и стремились. Майор быстро распределил нас по взводам и отделениям и назначил командиров. Но Политрук все же сохранил за собой верховную власть, вернее - ее ему навязали. Проблема власти вообще не есть проблема военная. Это - проблема социальная. Не случайно власть в стране в то время сохраняли за собой безграмотные и бездарные в военном отношении люди во главе с самим Сталиным. И это было нормально. Если бы власть захватили военные специалисты и гении, мы проиграли бы войну. И во-вторых, власть не столько захватывается, сколько навязывается. Захват лишь завершает или оформляет навязывание.

Признание Политрука в качестве верховной власти было социально правильной акцией, - тут сработал некий социальный инстинкт. Военная проблема даже в нашем положении была не главной. Главной была проблема целевой установки, т.е. проблема "что будем делать дальше?". Продовольствия нет. Воды нет.Патронов - на десять минут жиденькой стрельбы. Все наше оружие - винтовки со штыками. Сопротивление бессмысленно. И тут Политрук сработал так, будто он прошел большую школу партийного руководства. Он объявил от имени советской власти всеобщую амнистию. Объявил, что все, исключенные из комсомола и из партии, считаются членами комсомола и партии. Назначил комсорга и парторга. Велел парторгу собрать членов партии на чрезвычайное собрание. Это было, наверно, самое удивительное партийное собрание в истории партии, - партийное собрание людей, исключенных из партии. Эти мероприятия произвели на нас магическое действие. Люди стали

спокойнее. Появилась вера в некое чудо. Если хочешь понять, что такое партия в нашей жизни, приглядись хотя бы к этому маленькому примерчику. Это - необходимый элемент управления массами людей и объединения этих масс в целое. Партийное собрание - явление удивительное при всей его кажущейся обыденности и серости. Я уже говорил, что положение наше было отчаянное, что сопротивление бесполезно. По отдельности это понимал каждый. Но собравшись вместе, мы не могли принять такое решение, не могли даже высказать вслух эту мысль. Вместе мы приняли бессмысленное решение сражаться до последней капли крови. Но это решение было вполне в духе нашего общества в целом. Разве не так выглядело решение нашего народа и руководства воевать во что бы то ни стало, несмотря на жуткие потери в начале войны? Потом комсорг собрал комсомольцев, сообщил им решение партийного собрания. И мы единогласно приняли решение сражаться до последней капли крови.

И выиграть тот смертный бой
Решили мы ценой любой.

Но это был лишь спектакль. Разбившись на мелкие группки, люди стали шептаться о безнадежности положения, о том, что мы тут все - антисоветчики, что немцы ничего плохого нам не сделают. Еще человек двадцать сбежало к немцам. Мы слышали, как их остановили, велели лечь на землю и ждать утра. Немцы явно забавлялись.

Начало светать. Мы отчетливо увидели немцев. Это была уже не воображаемая, а олицетворенная смерть. Вот поднялись с земли ночные перебежчики и с поднятыми руками пошли в сторону немцев.Игра окончилась. Начиналась реальная жизнь. Политрук сжег документы. От немцев к нам направился один из перебежчиков и передал приказание сложить оружие и выходить по одному в указанное место.

Все вроде бы /опять это "вроде"/ было прозрачно ясно и просто. Но произошло то, к чему мы готовились целую жизнь, но что оказалось для нас совершенно неожиданным. - Ребята! - крикнул Майор. - Разве мы не русские люди?! Умрем, как подобает русским солдатам! Не помню, как я оказался рядом с Майором. К нам присоединился Тихоня и еще двое ребят. Остальные с остервенением набросились... на нас! Политрук тоненьким голоском пищал, что мы "подводим своих товарищей". Нас били ногами и прикладами.

Политруки, увы, не врали.
Мы ради жизни умирали.

НЕДОБИТЫЙ КУЛЬТИСТ

В один из наших саморазрушительных "загулов" к нам присоединился закоренелый сталинист. От нас он отличался лишь тем, что мог пить в два раза больше нас и при этом всегда на своих двоих добирался до дома. Когда на нас нападала милиция, к нему почему-то обращались на "Вы" и никогда не забирали. Если он говорил, что он берет нас на свою ответственность, милиция и нас не забирала: она была уверена, что этот человек нас не бросит валяться на виду, а утащит куда-нибудь в укромное местечко. Этот нераскаявшийся сталинист рассказал нам такую историю.

Опишет ли кто-нибудь серьезно то, как проходило разоблачение "культа личности"? Сомневаюсь. Почему-то никто не заинтересован в истине. Все лгут. Лгут сами себе и друг другу. Лгут враги и друзья. Лгут палачи и жертвы. По моим наблюдениям, основная масса отнеслась к этому индифферентно, ибо поворот к новому для них уже фактически произошел независимо от разоблачения. Разговоры были. Но разговоры суть разговоры. В нашем районе по поводу одного уголовного убийцы, убившего больше двадцати человек, говорили много больше, чем о сталинистах, убивших двадцать миллионов. Разоблачение "культа" само по себе лично коснулось сравнительно небольшой части населения. Хотите, я вам расскажу, как это произошло в нашем учреждении?

Был у нас в учреждении самый что ни на есть заурядный прохиндей. Но у него была особая роль в нашем коллективе: с молчаливого согласия членов коллектива и высшего начальства он был как бы выделен или предназначен в качестве объекта критики и насмешек со стороны самой прогрессивной, талантливой и остроумной части коллектива. В каждом номере стенгазеты на него непременно появлялась карикатура, сатирические стихи, фельетон. Трогать прохиндеев похуже острякам было запрещено. Да и они сами побаивались. Эти худшие прохиндеи даже за самую малую насмешку над ними кого угодно со света сживут. Заставят партийное бюро заниматься разбором "этих вопиющих безобразий". Всякую насмешкку над собою они рассматривают как клевету на весь наш строй, как происки западных разведок, как тлетворное влияние Запада, как..., как..., как... У вас волосы от ужаса зашевелятся, если я перечислю эти "как". Все учреждение будет лихорадить от склок, сплетен, интриг, доносов. В районном комитете партии назначат особую комиссию расследовать факт "безобразного поведения безответственных антисоветских элементов" /цитирую одно заявление на эту тему/. О, нет! Избави Боже от такой напасти! Это понимали даже безответственные остряки из стенгазеты: самых гнусных прохиндеев трогать нельзя! Но кого-то надо критиковать и

высмеивать, ибо критика и самокритика есть движущая сила нашего общества! Кого-то из прохиндеев критиковать обязательно нужно, иначе всем нам тоже плохо будет. Те же самые гнусные прохиндеи будут писать анонимки в высшие инстанции и выступать с гневными речами на собраниях по поводу снижения "партийной боевитости" в учреждении и недооценки критики и самокритики, которая, как неопровержимо установлено марксизмом, есть движущая сила развития нашего общества... Кого? Вот для выполнения этой благородной задачи и для осуществления этого закона развития нашего общества с молчаливого согласия самых гнусных прохиндеев учреждения и был предназначен прохиндей, о коем я говорю. Критиковать его было можно, так как он - прохиндей особый, самою природою вещей для насмешки предназначенный. Его можно, ибо он где-то в середине, а временами даже чуточку ближе к самим острякам. И он чрезвычайно удобен для насмешек. Один нос чего стоит! А лысина, ха-ха-ха! Умереть от смеха можно! А послушайте, как он говорит! И должность у него!... Ха-ха-ха! Сдохнуть от хохота можно!... Сам он относился к карикатурам спокойно. Он сам знал, что ему самой судьбой предназначено это. Ему даже бывало немного обидно, когда номер стенгазеты выходил без его портрета. - Что же это вы меня не изобразили? - говорил он шутливо в таких случаях острякам. - Нехорошо, дорогие товарищи! В следующий раз постарайтесь исправиться. - Исправимся! - хихикали они. И действительно исправлялись, выдавали двойную порцию насмешек. В учреждении привыкли к тому, что его "изображали". Повесят стенгазету, все кидаются смотреть, где, за что и в каком виде он изображен. - Ну, что, брат, опять тебя прохватили, - говорили ему, один - с сочувствием, другие - с удовлетворением, третьи - просто со смехом. А когда газета выходила без его изображения, народ разочарованно расходился. - Ну, что, брат, на сей раз пронесло, - говорили ему, одни - с сочувствием, другие - с удовлетворением, третьи - просто со смехом. - Ну, не горюй, - добавляли они, - в следующем номере...

А ведь стоило ему только заикнуться об "искажении личности", как это делали самые гнусные прохиндеи учреждения, его портрет немедленно исчез бы со страниц стенгазеты. И уважение к нему сразу возросло бы. И следующий шаг в служебном продвижении он наконец-то сделал бы. Но именно на такой сущий пустяк /написать заявление в райком партии, например/ он оказался не способен, - вот в чем загвоздка. На что угодно был способен, только не на это. Как и всякий нормальный советский человек и средний прохиндей, любую пакость совершить мог, только не мог защитить себя от навязанной ему роли - быть предметом насмешек в своем учреждении. И теперь невозможно установить, где истина: не мог отказаться от этой роли, потому что не хотел от нее отказываться, или не хотел отказаться от

этой роли, потому что не мог это сделать?
И вот зачитан на закрытом партийном собрании доклад Хрущева, предназначенный фактически для широкой огласки. И в соответствии с новой генеральной линией партии перед нашим учреждением тоже встала задача преодоления вредных последствий отдельных ошибок периода "культа личности". А значит, потребовались новые жертвы, на которых наше учреждение должно было продемонстрировать свою верность новой установке и готовность ее выполнять. Не директора же и его заместителей! Не секретаря же партбюро! Не нас же, честных старых коммунистов, выполнявших свой долг. И даже не эту стерву, которую перевели к нам из Органов после расстрела Берии! Кого? И как-то само собой получилось так, что этот заурядный прохиндей и был возведен в ранг недобитых "культистов", стал козлом отпущения всех грехов сталинского времени. С молчаливого согласия начальства его выбрали в качестве конкретного воплощения вины и угрозы сталинизма. Начальство как бы указало прогрессивным силам на него: вот он, сталинист, бейте его!
А зачислили его в сталинисты при следующих обстоятельствах. После доклада Хрущева директор приказал завхозу и уборщицам убрать бюст Сталина из актового зала в подвал. Женщины обратились к нему за помощью, так как он считался физически сильным мужчиной. Он помогать им отказался, заявив, что относится к Сталину с уважением и не считает доклад Хрущева достаточным основанием для того, чтобы убирать бюст Сталина в подвал. Женщины немедленно пожаловались на него в партбюро. Прибежал зеленый от ужаса секретарь. - Ты что! - закричал он на него. - Против генеральной линии партии выступаешь?! - Ничего подобного, - сказал он, - я полностью поддерживаю генеральную линию партии. Только в документах съезда нигде не усмотрел указаний насчет бюста. - Но это же само собой разумеется, - сказал успокоенный секретарь. - Указание райкома партии...
Но слух о нем как о "недобитом культисте" все же распространился по учреждению. Он его не опровергал. Он время от времени добавлял по глупости или из иных соображений кое-что новое, так что за ним прочно укрепилась репутация сталиниста. Один молодой сотрудник публично назвал его "нераскаявшимся и циничным культистом". Была даже идея создать особую комиссию по расследованию его деятельности в сталинские времена. В стенгазете дали сообщение с намеком на него, будто скоро выходит полное собрание доносов некоего сталиниста в десяти томах. Ему было обидно, так как ни одного доноса ему в жизни написать не пришлось. А в сталинские времена он был школьником, потом - солдатом, сержантом. После войны - институт, затем - наша контора. Вот и все. В учреждении и в райкоме партии об этом прекрасно знали. Но это

не избавляло его от навязанной роли. Так было удобно всем. Борьба с мнимым сталинистом оказалась предпочтительнее борьбы со сталинистами реальными. С реальными сталинистами и бороться-то было нечего: мы без колебаний приняли новую партийную установку и стали неуклонно проводить ее в жизнь. Вот и все!

Из-за "сталинистской" репутации его не пропустили на более высокий уровень прохиндейства. Его иногда выбирали в партийное бюро, но не делали секретарем, хотя сам секретарь райкома считал, что он был бы идеальным секретарем. И отделом заведовать по этой причине не пускали, хотя директор считал, что лучшего заведующего невозможно вообразить. Его "сталинистское" положение давало повод для бесчисленных анонимок во все инстанции, вплоть до ЦК. Им никто не придавал особого значения, но на всякий случай как-то "реагировали".

В конце концов вожди прогрессивных сил /"либералы"/ решили на свой страх и риск провести расследование преступного прошлого "недобитого культиста", собрать разоблачающие материалы и вывести его на чистую воду, устроить публичный суд над "сталинским преступником" в назидание прочим и из чувства справедливости. Но для решения столь благородной задачи они решили воспользоваться методами сталинского времени. Кстати сказать, многие из этих методов вошли в золотой фонд методов нашей власти. Прогрессивные силы поручили одной особе с репутацией "потаскухи" вступить в контакт с "недобитым культистом" и выведать все, что требуется.

Женщина! У нас до сих пор еще есть строгости и ограничения, касающиеся сексуальных отношений. Если вы, например, не предъявите паспорта, удостоверяющие, что вы - муж и жена, вам не дадут совместный номер в бане или в гостинице. На страже нашей нравственности стоит партийная и комсомольская организация, бдительный коллектив, соседи по дому или квартире, милиция, идеология, литература, пресса. Но что в этом отношении творилось в сталинские времена! Ужасающий разврат для сравнительно небольшой части населения сочетался с не менее ужасающим пуританизмом и даже аскетизмом для остальной. Несмотря на хамство, грубость, грязь и прочие явления нашего убогого быта, женщина где-то в глубинах души имела для нас возвышенное, романтическое значение. Теперь она это значение для мужчин утратила. Потерял смысл период ухаживания, вздохов, мечтаний. Теперь это кажется примитивным и допотопным. Женщина стала для нас заурядным делом. Я теперь с грустью вспоминаю наших школьных девчонок, наши непорочные встречи, то отношение к женщине, какое нам прививали в школе сталинского периода, - в самой гуманистичной и чистой школе за всю историю человечества. После войны эта школа исчезла.

Сказал я этакое сейчас, чуть было слезу не проронил от умиления, а ведь наша самая чистая, гуманная и непорочная школа породила не только таких, кто бросался грудью на пулеметы противника, но и неисчислимые полчища доносчиков, активистов, при одном воспоминании о которых волосы начинают шевелиться. А ведь большинство активистов на низшем уровне, т.е. самые гнусные и страшные, были женщины. Встретил я недавно свою первую любовь, свою юношескую богиню. Теперь она - председатель месткома в своем учреждении. Представляете, богиня - и председатель месткома! Ее сослуживцы говорят, что большей сволочи, чем моя богиня, они в жизни не видали.

И все-таки наши непорочные девочки, выраставшие в доносчиков, активистов и председателей месткомов, быстро терявшие соблазнительные формы и обретавшие гнусные морды, были богинями. Женщина-мечта и сказка, с которой мы формировались в сталинское время, испарилась вместе с породившей эту сказку эпохой. Но сказка эта так глубоко была вбита в наши души, что несмотря ни на что она давала о себе знать, порою - в комических, а порою - в трагических формах. Так случилось и с нашим Культистом. Стоило Потаскушке сделать ему глазки, как он сразу потерял голову. И они "закрутили любовь".

Каким образом люди узнают, кто и с кем "спит", - это есть и будет великая тайна человеческой души. Конечно, иногда вы сами под большим секретом сообщаете своим ближайшим друзьям о ваших отношениях, и друзья спешат нарушить обещание хранить вашу тайну. Иногда люди случайно замечают, как вы с кем-то в ресторане сидите, в дом к кому-то входите вечером или к себе кого-то приводите. Но все же не по этим каналам ваша личная жизнь становится предметом злословия, сплетен и насмешек коллектива. Скорее всего тут действуют те самые явления парапсихологии, которые стали предметом пристального внимания оппозиционно настроенных интеллектуалов и Органов государственной безопасности. Когда Культист мимоходом взглянул на Нее, и Она ответила на его взгляд улыбкой согласия, многим членам нашего политически зрелого коллектива сразу стало ясно, чем это пахнет. И их роман стал злобой дня для сотрудников учреждения от уборщиц до директора и секретаря партбюро. Директор при встрече понимающе прошил его взглядом, сказал, что ему не мешало бы нормализовать свою личную жизнь. Секретарь взял его под локоть и по-дружески посоветовал прекратить предосудительные отношения, а то люди болтают всякое. Пример дурной для молодежи...

При встрече он рассказал Ей о намеках директора и секретаря. - Не обращай внимания, - сказала Она спокойно. - У нас всегда обо всех что-нибудь болтают. Посплетничают неделю, привыкнут и на других переключатся. - Вряд ли, - сказал он. - Люди не любят, когда другие

счастливы. Они сами несчастны и хотят, чтобы все были несчастными. А ты знаешь, что ты у меня - вторая женщина в жизни? Я никогда не изменял жене. - Не может быть! - удивилась Она. - А она? - Тоже, - сказал он. - О боже, что за идиоты! - воскликнула Она. - Что за жизнь! Что за кошмарное время!
Об этом разговоре Потаскушка сама разболтала в учреждении под дружный хохот слушателей. Все, кому не лень, пытались "воспитывать" Культиста.
Но остановить его было невозможно. Он бросил все и ушел из дому. Жена весь город подняла на ноги, требуя спасти здоровую социалистическую семью. Она бегала из партбюро нашего учреждения в райком партии, оттуда - в горком. Даже в КГБ. И проявила при этом качества такой выдающейся стервы, произросшей в сталинские времена, что мы даже стали сочувствовать Культисту. Бедняга! Да за один год жизни с такой стервой можно простить все прошлые прегрешения.
Роман их, конечно, скоро кончился. Райком запретил прогрессивным силам разоблачать преступное прошлое Культиста. Да, как выяснилось, у него никакого такого прошлого и не было. Но за аморальное поведение в быту Культисту все же объявили выговор по партийной линии и понизили в должности, - этим самым начальство дало понять прогрессивным силам, что оно неуклонно проводит в жизнь решения съезда. Прогрессивные силы расценили это как свою выдающуюся победу. В стенгазете дали убийственный фельетон о моральном облике Культиста и уничтожающую карикатуру. Он скользнул равнодушным взглядом по стенгазете. - Ну что, брат, тебя опять прохватили, - сказали ему, одни - с сочувствием, другие - с удовлетворением, третьи - просто со смехом. Сотрудница, спущенная к нам из Органов после расстрела Берии, зажала его в темном углу и прошептала зловещим шепотом: "Потерпи немного, мы этим мерзавцам еще покажем, где раки зимуют!". Потом он куда-то исчез. К нему все настолько привыкли, что не заметили его отсутствия. Его как будто бы не было совсем. Он был величиной мнимой.

ТОСКА
О ПРОШЛОМ

Итак, рассеялся истории туман.
И с грустью замечаю, что теперя я
На прошедший пламенный обман
Променять готов холодное неверие.

РОЛЬ

История с "недобитым культистом" навела меня на такую мысль. Общественная жизнь есть гигантский спектакль на гигантской сцене истории, причем - в этом спектакле люди одновременно суть зрители и актеры. Люди социально не просто живут, а играют определенные роли в этом спектакле. Люди при этом лишь иногда и лишь в ничтожной мере избирают свои роли сами и исполняют их по своему усмотрению. В подавляющем же большинстве случаев и в подавляющей мере общество навязывает людям их роли помимо их воли. Иногда это совпадает с желаниями людей. Иногда люди капитулируют перед неизбежностью. Но как социальные актеры они обычно делают вид, будто действуют в силу своих имманентных желаний и намерений.

"Недобитому культисту" маленький коллектив навязал роль, не соответствующую его натуре. Будучи неспособен уклониться от нее, он убедил себя в том, что исполняет ее добровольно и в силу неких внутренних принципов. А что, если по сути дела такова и жизнь самого могущественного человека той эпохи - Сталина? И я пришел к такому выводу. Сталин был вытолкнут на роль вождя самими обстоятельствами. Ему не надо было прилагать особых усилий к тому, чтобы выбиться на первую роль. Ему достаточно было лишь соглашаться и иногда использовать обстоятельства. Властолюбие Сталина - не причина, а следствие того, что его выталкивали на роль властителя. Лишь обретая власть, он ощутил ее вкус и соблазны. Лишь став властелином, он стал выполнять функции режиссера спектакля, да и то лишь иногда и в ничтожной мере. Он все равно оставался послушным исполнителем воли и помощником Великого Режиссера разыгрывавшейся трагедии - могучего потока истории.

Все, пишущие о Сталине, единодушно отмечают его жестокость, коварство, необузданность, грубость, самоуправство, лицемерие, злопамятность, самомнение, тщеславие и прочие отрицательные качества, сыгравшие якобы важную /если не главную/ роль в его удивительной карьере. Эти качества якобы были общеизвестны. Но как же сотни и тысячи влиятельных людей, знавших об этих качествах Сталина, допустили то, что произошло?

Вот один историк пишет, что, вернувшись из ссылки после Февральской революции в Петербург, Сталин захватил руководство газетой "Правда". Как он это сделал - явился и захватил? Ведь были же там люди, которые согласились на это, позволили ему "захватить". А может быть они были заинтересованы в том, чтобы он "захватил"? Так какой же это захват? Какое же это самоуправство? Попробуйте, сами зайдите даже в самое захудалое учреждение и захватите там власть!

Почти все историки того периода отмечают следующий факт. На

заседании ЦК партии накануне октябрьского восстания Сталина подвергли резкой критике за всяческие прегрешения. Сталин в ответ заявил о своей отставке. Но ЦК его отставку не принял. Как так?! Значит товарищам, критиковавшим Сталина, было нужно, чтобы он оставался на своем посту и делал то же дело и теми же методами?
Те же историки, разоблачающие Сталина, пишут следующее о его поведении в Царицыне в 1918 году. Прибыв в Царицын, Сталин "подмял под себя" местные советские и партийные органы" и взял всю власть в свои руки. Опять-таки встает вопрос: как?? Просто потому, что прибыл "сверху"? Но тогда и в высших слоях власти не было такой дисциплины, как сейчас, а на местах тем более. И все равно: чтобы захватить такую власть, нужны сообщники, нужно подчинение масс людей. И далее те же историки пишут, что Сталин самовольно сместил весь штаб военного округа и расстрелял. Расстрелял десятки /вернее - сотни/ всякого рода военных специалистов. Как? Ходил и стрелял? Да он и стрелять-то не умел. Он вообще оружие в руках не держал. Попробуйте, поезжайте в какой-либо район сейчас, сместите хотя бы одного чиновника и расстреляйте для примера хотя бы одного! Не выйдет? Конечно.Тогда время другое было? Верно! Время другое. И так, как поступал Сталин, поступали все представители высшей власти. И добивались успеха, поскольку вовлекали в это дело массу людей, имели поддержку в массах и сообщников. Историки также отмечают, что высшие власти /вплоть до Ленина/ потребовали от Сталина исправить свое поведение и даже отстраняли его от каких-то должностей. Но он отказался подчиниться их распоряжениям, не принял во внимание их /включая Ленина/ указаний. И они это проглотили! Так что если бы Сталин обладал силой лишь как представитель центральной власти, он исчез бы после такой атаки со стороны этой власти и при условии недовольства многих руководителей на местах. А он хоть бы что. Даже укрепил свои позиции еще более. В чем дело? Дело в реальной ситуации в стране и на месте действий Сталина. А в писаниях историков выпадает реальность, вырывается из сети событий лишь то, что выглядит криминально с сегодняшней точки зрения. Между прочим,когда эпизод завершился, Ленин одобрил сталинские расстрелы в Царицыне, причем - опираясь на документы и показания других. Сталин подделал все эти документы и своих людей Ленину подсунул? Боже, какая это наивность! Он, став даже всесильным, не всегда был в состоянии это делать. А тогда!...
Правда, один из историков, отметив, что Сталин отказался подчиниться в каком-то вопросе решению самого Политбюро, причем - безнаказанно, отмечает мимоходом, что у Сталина тогда было много сторонников и что прочие руководители действовали /включая Троцкого/ так же, как и Сталин, т.е. "с излишней

суровостью". С излишней! Кто установил меру? Это сейчас легко проявлять "либерализм". А ты перенесись в те времена и в те условия и попробуй не быть "излишне жестоким"!

Предложение Ленина сместить Сталина с поста генерального секретаря стало предметом неофициального обсуждения. Узнав о предложении Ленина, Сталин демонстративно подал в отставку. Но Зиновьев и Каменев, игравшие тогда ведущую роль в ЦК, уговорили Сталина взять заявление об отставке обратно. Подавляющее большинство ЦК высказалось за то, чтобы Сталин остался на посту генсека. Значит, им нужно было, чтобы Сталин сохранил свои позиции и укрепил их.

Между прочим, в 1924 году ни о какой личной диктатуре Сталина не могло быть и речи. Тогда Сталин был защитником "коллегиального руководства" в борьбе против стремления Троцкого к единоличному руководству.

В начале войны с Германией в 1941 году Сталин устранился от руководства, спрятался, впал в панику. Однако прочие руководители партии и государства ждут, когда он придет в норму, и вновь навязывают ему роль вождя.

Факты, факты, факты... Им нет счета. Роль вождя в такой же мере навязывается, в какой завоевывается. Иногда это происходит вопреки психологическим характеристикам человека. Каждый человек в потенции обладает всеми возможными психологическими свойствами. Какие получают преимущественное развитие, зависит от обстоятельств. Сталин не был выдающимся злодеем /сравнительно с прочими/ от природы. Он был дитя своей эпохи. В начале пути в первые годы после революции он мало чем выделялся из общей массы "злодеев". Зиновьев раньше Сталина начал практиковать террор. Его характеризуют как человека честолюбивого и неразборчивого в средствах, как паникера и демагога. Троцкий позер, тщеславен, высокомерен, делал все то, что делали Сталин и Зиновьев. Они были не лучше Сталина с точки зрения злодейств. Сталин превратился в выдающегося злодея, поскольку принял навязанную ему роль и сыграл ее блестяще, поскольку он добился успеха. Если бы он потерпел крах, и кто-то другой "захватил" власть, выдающимся злодеем и тираном стал бы тот "счастливчик". Это - историческая роль, которую так или иначе сыграл бы любой другой, включая Ленина. Может быть несколько иначе. Немного хуже. Немного лучше. Но роль по сути дела была лишь одна.

В условиях социализма борьба за власть, за сохранение статуса власти, за единство власти с необходимостью требует уничтожения противников. А сама эта борьба есть необходимое условие самосохранения общества. Сталин был исполнителем этой социальной необходимости, а не злодеем, навязывающим свою волю обществу вопреки природе последнего.

Противники Сталина играли другие роли. Они были вынуждены играть эти другие роли, порою - обличать злодейства Сталина. Это было их оружие в их борьбе. Слабое, но оружие, а не некая природная добродетель.
В массовом процессе революционного переворота в самих основах исторического процесса роли личностей распределяются в общем и целом справедливо, - поток истории избирает наиболее вероятное и доступное русло. Сталин был наилучшим кандидатом на занятую им в результате длительной борьбы роль.
Сам факт навязывания определенной личности исторической роли огромной важности делает бессмысленными всякие разговоры о мотивах ее деятельности. Все, пишущие о Сталине, приписывают ему жажду власти как определяющий мотив всей его деятельности. Это - чушь несусветная, хотя жажда власти - широко распространенное явление. Что побудило семинариста Джугашвили вступить в марксистский кружок? Жажда власти? Что, он заранее предвидел, что станет во главе государства? Жажда власти может появиться лишь как следствие приобретенной власти или осознания ее реальной возможности. Лишь обретя большую власть и осознав это, Сталин начал борьбу за власть, - за ее удержание и упрочение. Да и то это было вынужденное средство удержаться у власти. Любой человек в таком положении вынуждается объективными законами человеческих отношений на борьбу за власть и на уничтожение своих противников и конкурентов. Есть объективные законы социальных ролей. Сталин был избран Генсеком в силу предшествующей роли. Роль его в будущем предвидеть было невозможно. Ленин хотел использовать Сталина как своего технического секретаря. Троцкому такая роль казалась унизительной. Он метил на большее. Дело не в жажде власти. Дело в формировании и структуре власти в данных условиях и в данной системе. Повторяю, эта форма борьбы за власть и организацию власти - объективная необходимость истории, а не субъективная черта. Сталин обладал жаждой власти не больше других. Любой другой на этом месте выглядел бы так же.
Почти все, пишущие и писавшие о сталинском периоде, употребляют понятие "ошибка" при оценке поступков деятелей той эпохи. Утверждают, например, что Сталин неправильно оценивал двоевластие после Февральской революции, допустил ряд ошибок в своем докладе на шестом съезде партии, немало совершил ошибок в первые месяцы после Октябрьской революции, в 1922 году допустил крупнейшую ошибку в национальном вопросе, - короче говоря, ошибки, ошибки, ошибки... Конечно, в отдельных простых ситуациях понятие ошибки уместно. Но в рассмотрении сложного и грандиозного исторического процесса оно лишено смысла. Исторический процесс и деятельность его выдающихся участников оценивается в иных понятиях. Возьмем, например, тот факт, что

Троцкий не приехал на похороны Ленина. Ошибка это или нет? А что изменилось бы в ходе истории и в судьбе Троцкого и Сталина, если бы Троцкий приехал с юга на похороны Ленина? Логически ничего не докажешь, а опытное повторение ситуации с изменением поведения Троцкого невозможно. Все остальное - пустые гадания.

Сталин был вытолкнут на роль политического деятеля, а не академического мыслителя. Актер не несет ответственности за то, что сочинил автор пьесы и что навязал ему режиссер. Актер несет ответственность лишь за то, насколько хорошо он сыграл свою роль в навязанных ему рамках. Сталин сыграл свою роль актера в спектакле, поставленном ему Великим Автором и Режиссером - историей. Теперь, глядя назад, мы можем приписать ему любые скверные мотивы и любые роковые ошибки. Но что с того? Роль-то все равно уже сыграна. И сыграна навечно. Сталин был величиной реальной.

ТОСКА
О ПРШЛОМ

Как ты ушел, товарищ Сталин,
Худые времена для нас настали.
Ворует пуще прежнего и пьянствует народ.
В идеологии - шатанье и разброд.
Теряют нюх и навык стукачи.
Успехи без восторга славят трепачи.
В самом ЦеКа творится кавардак.
И если дальше будет продолжаться так...
....
....

СТАЛИН-
АНТИСТАЛИНИСТ

- Этот хрущевский доклад мы готовили еще для самого Сталина после войны, - говорит мой собеседник.

- Не может быть, - говорю я. - Зачем это нужно было Сталину? Слух был, что доклад готовился для Берии.

- Верно. Но Берия действовал по поручению Сталина. Сталин хотел провести всеобщую амнистию. Причем, он хотел использовать антисемитские настроения времен войны и свалить вину за массовые репрессии тридцатых годов на евреев.

- А почему же он не осуществил этот замысел?

- Не успел. К тому же он допустил ошибку. Он считал русских

неспособными на большие политические операции и хотел реализовать свой замысел силами самих евреев. Но они на сей раз его подвели.
- Если это так, то...
- Именно так. Сталин на самом деле был величайший политический гений. Как мастер управления многомиллионными массами людей он не имеет себе равных в истории. Наполеон? Наполеон в основном был вождем массовых армий. И он потерпел поражение. А Сталин победил. И проживи он еще десяток лет, он вошел бы в историю как величайший освободитель. Ему простили бы все его прегрешения.
- А в чем заключалась Ваша роль?
- Отбор подходящих лиц. Подготовка их к показательным процессам.
- Что?! К каким процессам?!
- Сталин хотел провести по всем городам страны открытые показательные процессы. К ним надо было подготовить сотни тысяч свидетелей и обвиняемых.
- Но почему мы ничего не слыхали об этом?
- Потому что это делалось почти открыто, и никто не придал этому должного значения. Почти все реабилитированные говорят о слухах, какие ходили в лагерях по поводу предстоящей амнистии. А кто серьезно исследовал тот огонь, который производил этот дым? А возьми идею, будто сам Сталин ничего не знал о массовых репрессиях! Мы всегда ее внедряли в сознание народа, но особенно активно это стали делать в период подготовки "амнистии". Кто исследовал массу обращений заключенных лично к Сталину в то время? Думаешь, что это все - случайно? Хрущев и его сообщники присвоили себе все то, что Сталин и его сообщники собирались делать и готовили. Если бы Сталин не был изолирован в последние годы, мы провели бы кампанию по освобождению так,что мир содрогнулся бы от ужаса и, одновременно, от восторга. И не было бы этого ублюдочного либерализма. И жизнь в стране была бы куда лучше, чем теперь. И вера в идеалы сохранилась бы. А теперь нужны десятки лет, чтобы залечить раны, нанесенные стране Хрущевым и либералами.

ВЕРШИНА МАРКСИЗМА

Мы ходили в ресторан,
Да были в кафетерии.
В мире нету ничего,
Акромя материи.

Такие частушки мы сочиняли еще в студенческие годы, задолго до смерти Сталина. Работа Сталина /или приписываемая ему/ "О диалектическом и историческом материализме" всегда служила для нас предметом насмешек.

Шел вечор по переулку,
Дали мне по темени.
Мир в пространстве существует
И еще во времени.

Даже самые тупые студенты чувствовали себя утонченными интеллектуалами в сравнении с интеллектуальным уровнем этого своего рода шедевра марксизма. Правда, после того, как сдавали экзамен по меньшей мере на "хорошо" /"посредственно" по философии получать было запрещено/.

Но я очень рано стал подозревать, что эта работа есть не "своего рода шедевр", а подлинный шедевр без иронических слов "своего рода". Дело в том, что я стал рассматривать марксистские произведения как явления не в рамках науки, а в рамках идеологии. А критерии оценки научных и идеологических текстов различны. Если принять работу Сталина "О диалектическом и историческом материализме" как сочинение идеологическое, то она будет выглядеть уже не как банальная чепуха, а как выдающееся произведение идеологии, - как вершина марксизма без иронии и холуйского преувеличения. С этой точки зрения эта работа сыграла в истории нашей страны роль, сопоставимую с ролью Нового Завета, а может быть еще более значительную. Именно она позволила осуществить в стране беспрецедентную идеологическую революцию, впервые в истории создать нерелигиозное, а чисто идеологическое общество. Но это - предмет особого разговора. Сейчас меня интересует другое: кто был подлинным автором этого идеологического шедевра?

Я изобрел свои собственные методы анализа языка, которые позволили мне путем сравнения этой работы и многочисленных текстов того же рода, предшествовавших ей, придти к следующему выводу. Эта работа есть либо результат коллективного творчества, либо компиляция из различных источников. Но в ней был один главный автор, определивший общую ее композицию, ее направленность, ее стиль, ее дух, - ее целостность как явления идеологии. Я без особого труда установил источники, из которых были заимствованы компилятором все идеи работы, или возможных ее авторов, коллективно создававших ее. Я затруднялся только идентифицировать главного автора, режиссера или дирижера группы, или самого компилятора, создавшего идеологический шедевр из жуткого дерьма марксистских текстов. Кто он - сам

Сталин или неизвестный человек, уничтоженный затем по приказу Сталина?

Взвесив все обстоятельства в пользу и против первой гипотезы, я решительно отверг авторство Сталина. Конечно, эта работа похожа внешне на собственные работы Сталина. Но я нашел достаточно много признаков того, что это была подделка под сталинский стиль или лишь окончательная стилистическая редактура Сталина. Но если принять во внимание сущность и масштабы идеологической революции в стране, интеллектуальное и психологическое состояние масс, характер аппарата идеологии и прочее, то нужен был интеллектуальный гений, во много раз превосходящий самого Сталина.

Я предпринял титанические усилия напасть на след этого безвестного гения идеологии. Но безуспешно. Прошли годы. Умер Сталин. Во время своих пьяных странствий по московским забегаловкам я встретил человека, который сказал мне, что это он написал интересующую меня работу. Я рассказал этому человеку о моих безуспешных поисках. Сказал, что я дорого отдал бы, если бы напал на след автора. Он сказал, что автор - он, и что дорого ему не надо, достаточно поллитра на двоих.

Я, разумеется, не поверил этому человеку, но поллитра "поставил". - Ты мне, конечно, не веришь, - сказал он, когда мы выпили по первой стопке. - Мне никто не верил и не верит. А мне на это наплевать. Знаешь, как я написал эту галиматью? Очень просто. Я готовился к экзаменам по марксизму. Сам знаешь, какая это муть. Чтобы сэкономить время и силы, я собрал шпаргалки, которые ребята заготовили, и по этим шпаргалкам составил свою, максимально краткую и примитивную. Экзаменатор меня "засек", закатил мне "двойку" и прогнал с экзамена. Шпаргалку, разумеется, отобрал. Где она потом гуляла, одному Богу известно. Только однажды я раскрыл сталинскую работу и глазам своим не поверил: моя шпаргалка! Конечно, стиль немного изменен. Кое-что подпорчено. Но в общем и целом - моя шпаргалка!

Услыхав это, я хохотал до слез. И я поверил этому человеку. Я сам сдавал десятки экзаменов. Сам делал шпаргалки.Видел такие шпаргалки, что, будь они опубликованы, они подняли бы нашу идеологию на еще более высокую ступень. Но такое возможно только раз в истории: нужен был Сталин, чтобы шпаргалка ленивого и посредственного студента какой-то партийной школы приобрела функцию шедевра идеологии.

ЭПИТАФИЯ ЭПОХЕ

Чем завершился этот бой,
Уж не узреть и не услышать
И тем, кем жертвовали свыше,
И тем, кто жертвовал собой.

СУДИТЕ

Он представился мне как сталинист, причем - как нераскаявшийся сталинист. - Впрочем, - добавил он, - слово "нераскаявшийся" тут излишне, так как раскаявшихся сталинистов в природе нет и не бывает. Бывают такие, которые прикидываются раскаявшимися. Но только намекни им на возможность возврата прошлого, как они сразу же обнаружат свою натуру. Если уж ты однажды стал сталинистом, то ты им будешь до гроба. А я не скрываю того, что я - сталинист. Поэтому, между прочим, я и влачу теперь жалкое существование. При Сталине я занимал высокий пост. Не буду называть тебе своего имени, - это не имеет значения. Незадолго до смерти Сталина был арестован, как и многие другие его верные соратники. При Хрущеве меня реабилитировали. Я мог занять прежний пост, а то и повыше. Но я заявил о своем категорическом несогласии с политикой разоблачения "культа личности", а точнее - с отказом от сталинизма. И меня вытурили на пенсию. А ведь я мог неплохо спекульнуть на том, что я - жертва сталинизма. Я на самом деле был жертвой. А я остался верен Ему в ущерб себе. Зачтется это мне перед судом Всевышнего?
- Когда мы в лагере узнали о смерти Сталина, мы плакали, - говорит он. - Были случаи самоубийства из-за этого. Хотя с минуты на минуту ждали освобождения и реабилитации, но, узнав о разоблачительном докладе Хрущева, мы срочно устроили собрание и приняли резолюцию, осуждающую доклад и вообще весь курс на преодоление ошибок сталинизма. Если бы мне в это время предложили выбирать - освобождение и восстановление моего общественного положения, но ликвидацию сталинизма, или сохранение сталинизма в прежнем виде, но продолжение моего заключения и даже гибель в лагере, - я без колебаний выбрал бы второе. Моя жизнь фактически прекратилась не с арестом, а с освобождением и реабилитацией, ибо это означало конец Великой Эпохи, а значит и меня самого как ее частички. Что это - плюс или минус в моем отчете перед Судом Истории?
Он боится, что не так уж много осталось жить, и пишет воспоминания. Не взялся бы я обработать их литературно?

Обратиться ко мне ему рекомендовал наш общий знакомый такой-то, с которым мне приходилось выпивать. Кроме того, ему хотелось бы знать мое мнение о его прожитой жизни, - хочется суда. Я сказал, что не ощущаю в себе права и способности быть судьей чужой жизни. - Суди, не бойся, - сказал он. - Суд истории есть всегда суд молодых. Интересно получается: суда истории над нами боимся не мы, настоящие сталинисты, а те, кто нас осуждают.Почему?
Я начал читать его "Записки" и думать по поводу излагаемых в ней фактов.

ЗАПИСКИ

Я все время думаю о Нем. Я не могу не думать о Нем. И это меня раздражает. Кто Он такой, в конце концов, чтобы я постоянно думал о Нем?! Такой же человечишко, как и все мы. И не самый лучший из нас. Многие из нас лучше его, а о нас никто не думает. В чем дело?! Почему?! Хватит! С этой минуты я не буду думать о Нем!
Я рву Его портрет. - Что ты там делаешь? - подозрительно спрашивает мой старший брат. Он сидит на постели, разложив учебники. За столом ему места не хватает. Стол у нас маленький, к тому же - наполовину заставлен посудой. Брат уже студент. Он кандидат в члены партии, член комсомольского бюро курса. Мы сидим спина в спину, и каждое мое неосторожное движение беспокоит его. - Что ты дергаешься? - сердится Брат. Он оборачивается и заглядывает через плечо на мои бумажки. Я от ужаса покрываюсь холодным потом. Поспешно закрываю обрывки портрета тетрадкой по математике. - Задачка, - говорю, - трудная попалась. Помог бы? - просьба моя явно провокационная: Брат в математике не силен. - Некогда, - говорит он, утратив интерес к моему дерганью. - У меня же завтра экзамен!
Осторожно собрав клочки портрета, я пробираюсь в туалет. Это не так-то просто. Комнатушка наша - всего десять квадратных метров, а живём мы в ней по крайней мере вшестером. "По крайней мере" это означает, что у нас сверх того часто ночует муж сестры /он - сверхсрочник старшина в воинской части в ста километрах от города/ и деревенские родственники. Сестра, конечно, могла бы жить с мужем в его части, - там у него есть комнатушка. Но жаль бросать хорошую работу в городе - она работает продавщицей в продуктовом магазине, а по нынешним временам это важнее, чем быть профессором. От родственников тоже избавиться нельзя. Они нам привозят кое-какие продукты из деревни, а на каникулы и в отпуск мы все ездим к ним. Правда, мы им там помогаем в работе, но все-таки на воздухе, и какой-то отдых получается.
Я бросаю обрывки портрета в унитаз и дергаю за цепочку, чтобы

спустить воду. Но ничего не выходит - как всегда, сломался спускной механизм. Тоже мне "механизм"! Пара примитивных деталей, а механизм! И ломается чаще, чем часы. Часы наши тоже ломаются, но реже. Я дергаю за цепочку опять, но безрезультатно. - Что ты там раздергался? - слышу я злобный голос соседки, с которой у нас сейчас вражда /у нас постоянно с кем-нибудь вражда, так как в квартире семь семей/. - Грамотные, а в нужнике вести себя не умеют! Безобразие! Я от ужаса почти теряю сознание, встаю на унитаз и пытаюсь исправить механизм спускного бачка. - Открой, - стучит в дверь туалета сосед, с которым у нас сейчас дружба, - я мигом поправлю. - Я сам, - говорю я, чуть не плача. Запускаю руку на дно бачка и открываю клапан пальцем. Вода с ревом устремляется в унитаз, смывая следы моего преступления. Я вздыхаю с облегчением, собираюсь покинуть это грязное и вонючее заведение, но в последний миг замечаю, что один клочок портрета прилип к стенке унитаза.Причем, какой клочок! С частью носа и усов. Любой обитатель квартиры сразу же узнает, кому они принадлежат. А установить,кто устроил это подлое безобразие, после моих шумных приключений со спускным механизмом - задачка на пять минут для работников Органов государственной безопасности. Я поспешно сдираю клочок портрета со стенки унитаза, комкаю его и сую в карман, - ждать, когда в бачок снова набежит вода, нельзя, так как в дверь туалета с нетерпением барабанят другие жильцы. Не забыть бы выбросить этот комочек бумаги где-нибудь по дороге в школу! Иначе мой Брат, регулярно обшаривающий мои карманы, непременно найдет его. И кто знает, чем это может кончиться? В этот момент я Его ненавижу каждой клеточкой своего тела.

Но избавиться от этого проклятого комочка мокрой бумаги с кусочком носа и уса не так-то просто. Мне кажется, что сотни глаз наблюдают за каждым моим шагом и движением. И именно поэтому мое поведенине кажется подозрительным, и за мной действительно начинают наблюдать все, кому не лень. Особенно - старухи. От их пытливого взгляда не скроется ничто. Я уже наметил было помойку в пустом дворе и направился к ней, как передо мною словно из-под земли выросло такое существо, источающее злобу и подозрение. - А чего тебе тут надо? - зашипело существо. - Ничего, - сказал я, - я просто так. - Шляются тут всякие, - прошипело существо мне вслед. А ведь это существо наверняка чья-нибудь мать!

Когда я наконец избавился от криминального комочка бумаги, мир для меня снова обрел краски. Выглянуло солнце. Вспорхнула стайка воробьев. Мурлыча, прошествовала кошка. Детишки выбежали с мячом. Ах, какая благодать! Как прекрасна жизнь! В это мгновение я обожал Его. Я поклялся занять у "богатых" одноклассников рубль и купить новый портрет Его, еще лучше прежнего.

Я думаю о Нем.

РАЗГАДКА СТАЛИНИЗМА

Прочитав этот кусок "Записок", я был потрясен мыслью, которая молнией вспыхнула в моем мозгу: сталинизм в основе своей не был заговором кучки злодеев и преступлением, он был стремлением миллионов глубоко несчастных людей заиметь хотя бы малюсенькую крупицу Света!! Вот в чем была его несокрушимая сила! Вот в чем был его непреходящий ужас! Он кончился, как только эти несчастные вылезли из своих трущоб, получили свой жалкий кусок хлеба, приобрели унитазы, о которых они раньше не смели и мечтать. Я так и сказал об этом своему Сталинисту при первой же встрече. Он вытаращил на меня глаза, - было очевидно, что он не понял моей мудрой мысли. Потом он рассмеялся. Тщательно собрал коркой хлеба отвратный соус с тарелки. - Привычка, - сказал он. - С детства приучен ценить каждую крошку хлеба. Это теперь люди зажрались. А мы цену хлебу знали. Веришь или нет, а иногда, оставшись один в комнате, часами искал завалявшуюся где-нибудь корочку черного хлеба. Родители запирали шкафчик с продуктами на замок. Сестра имела свой шкафчик. А замочек у него был - ломом не сломаешь. Но дело не в этом. Совсем не в этом. Ты думаешь, сталинизм был делом рук голодных людей? Нет! Он был все-таки делом сытых. Но суть дела, повторяю, не в этом. В чем? Не знаю. Ты читай дальше. Может быть догадаешься. А я сам не знаю, я жду, когда ты мне скажешь. То, что ты подумал, - верно. Но мне этого мало.

- Считается, что мы - злодеи, - продолжает мой собеседник. - А злодеи не имеют переживаний, не имеют психологии. Нагляделся я на эту психологию у других. Психология! Переживания! Вот в нашем доме, в соседней квартире живет супружеская пара. Она сразу завела любовника. И не одного. И он баб таскает к себе в дом при удобном случае. И вся их психология состоит в одном: выкроить удобный момент, чтобы совершить очередную банальную измену. А все их переживания - как бы не забеременеть и не подцепить венерическую болезнь. Этажом выше живет профессор. Есть и у него переживания: вырвать новую квартиру в своем институте, в старой ему уже недостойно жить. Вся его психология - бросить старую работу и устроиться в новый институт, где ему пообещали квартиру. Я наблюдал его, я видел, как он стал профессором. Во всей его прошлой жизни психологии этой не наскребешь и на одну страничку. А нынешних критиканов возьми. Жалуются, что их сажают в сумасшедшие дома и лечат принудительным порядком. А знаешь ты, сколько нашего брата в этих "психушках" перебывало? А как нас лечили? Нас "лечили" так, что я до сих пор слово "мама" с трудом пишу. А критиканы после психушек книжку за книжкой сочиняют.

Прожили бы они хотя бы с год в тех условиях, в каких я семь лет отмучился, посмотрел бы я на них. Их за дело сажают. А за что меня? За то,что я верой и правдой служил Партии? Думаешь, мне легко было? А известно ли тебе, что сначала собирались устроить образцово-показательные разоблачительные антисталинские процессы над такими, как я? Хотели из нас козлов отпущения сделать. Нас и в психушки-то посадили, чтобы подготовить к этим процессам. Только ничего из этого не вышло. Представь себе, среди нас не нашлось ни одного, кто согласился подыгрывать Им в этой затее. Ни одного!! Наши жертвы наперебой соглашались делать все, что мы их просили. А мы не захотели. Что это? Мы сыграли бы любую роль, если бы это было нужно для нас же, для таких же как мы. И мы играли такие роли. Но в разоблачительных антисталинских процессах - это не для нас! Случайно ли это? Почему? Объясни! Вы, молодые, все понимаете.

- Но помни, - говорит мой Сталинист, - все то, что теперь говорят критики о нашем времени, есть отношение к нему с позиций сегодняшней, а не прошлой жизни. И потому это все есть ложь. Знай, в истории нашей страны наше время было самым ужасным, но оно было и самым прекрасным. Пройдут года, и о нем будут мечтать лучшие люди. О нем легенды будут сочинять. Однажды /это было в тридцать восьмом году/ пришлось мне целый месяц просидеть в одной камере с молодым парнем - "врагом народа" /так было надо для Дела/. Мы говорили с ним обо всем с полной откровенностью с его стороны. Он ненавидел Сталина и "всю его банду". Я его как-то спросил, кем бы он хотел стать. Он сказал, что в глубине души у него таится, как это ни странно, одно желание: стать чекистом, а в крайнем случае - партийным руководителем. Он был смелый парень, держался с достоинством, ни в чем не покаялся. Он знал, что его расстреляют. Он ненавидел тех, кто его расстреляет. Но он мечтал быть в числе расстреливающих. Что это? Эпоха, молодой человек! Э-по-ха! И правду о ней надо искать в ней самой, а не в сочинениях уцелевших жертв. Жертвы... Кто был на самом деле тут жертвой?...

Признаюсь откровенно, я был буквально раздавлен этой речью Сталиниста. Я почувствовал себя жалким червяком, неспособным не то что судить, но хотя бы в ничтожной мере понять. - Самонадеянный кретин, - сказал я себе, оставшись один. - И ты смеешь присваивать себе функции судьи, не будучи способным справиться с самыми примитивными функциями самого примитивного человечка!

- Как вы представляете приход сталинизма? - говорил он.- Думаете, была хорошая "ленинская гвардия", умная, с добрыми намерениями, благородная. И вот появился малоизвестный проходимец, жестокий, коварный, глупый. Всех растолкал, всех оттолкнул, все себе забрал. Чушь все это! Сталин был из тех, кто в глубине исторического

процесса работал на революцию. Это не он, а Троцкий и ему подобные примазались к революции. Троцкий потерпел поражение и был выброшен именно как спекулянт за счет революции. И другие тоже. Сталин был настоящим преемником и продолжателем дела Ленина. Потому Ленин в конце и взбунтовался против него. Я был со Сталиным. И нисколечко не раскаиваюсь в этом. Знаешь, сколько народу я к стенке поставил? Жалею, что мало.

- Сталин, между прочим, любил шутить и ценил шутку. Был я однажды на приеме у него с другими делегатами съезда. - Как у вас с приближением коммунизма? - спросил он у одного делегата из отдаленного района страны. - Товарищ Ленин нас учил, - ответил делегат, - что коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны. Мы, товарищ Сталин, еще только на полпути, так как у нас еще пятьдесят процентов населения неназлектризировано. Ты бы посмотрел, как смеялся Сталин. Он несколько раз вспоминал про эти пятьдесят процентов неназлектризированных граждан. И смеялся. И мы, конечно. Это был самый счастливый день в моей жизни.

- А санкцию на репрессии и я давал. И не вижу ничего в этом плохого. Я сам не раз исправлял списки. Кое-кого вычеркивал. Кое-кого вписывал от себя. Ну и что? А ты попробовал бы обойтись без этого! Долго бы ты протянул? Много бы ты сделал? Иначе было нельзя. Не ты его, так он тебя. И людей надо было держать в страхе и в напряжении. Подъем нужен был. Без подъема мы ничего не сделали бы. Погибли бы. А подъем без страха не бывает. Сейчас не сажают. А много ли ты видишь подъема? То-то!

УРОКИ ЖИЗНИ

- Этот период, - говорит Сталинист, - психологически был самым трудным в моей жизни. Потом случались события и похуже, но я к ним был внутренне готов. А к тому, что произошло в тот раз, я готов не был. Я ожидал что угодно, но только не это. И знаешь, что я переживал тяжелее всего? Не готовность моих друзей на любую подлость, а нелепость обвинений. Нелепость происходившего, - вот что для меня было совершенно неожиданно и ново. Впоследствии я был на короткий срок арестован и освобожден /такое тоже случалось довольно часто, между прочим/. Меня обвинили в том, что я - японский шпион. Трудно было придумать что-либо нелепее. Но к тому времени я уже имел жизненный опыт такого рода и воспринимал эту нелепость как естественную норму. Я и в этот раз переживал. Думаешь, приятно потерять комфорт /пусть примитивный по нынешним понятиям/, семью, любимую работу?

Но я уже не имел никаких переживаний по поводу нелепости обвинений: я знал, что это - лишь внешняя и сугубо формальная оболочка некоего существа дела. А последнее не вызывало сомнений. Мы об этом поговорим позже, когда ты дочитаешь мои записки до того периода.
Вот возьми ты эту самую нелепость происходящего! Как вы теперь реагируете на нее? Смеетесь! А ведь нам было не до смеха. Мы не видели в ней ничего смешного. Я и теперь не вижу в ней ничего смешного, ибо я понимаю ее житейский смысл и ее роль. В наше время она играла великую историческую роль. И нам надо было эту роль осваивать. А освоив ее, мы начинали ощущать грандиозность происходившего. Благодаря этой нелепой на первый взгляд форме исторических событий мы возносились на вершины исторической трагедии, воспринимали даже свои маленькие рольки как роли богов в античной трагедии. Боюсь, что ты не понимаешь этого. Попробую растолковать.
Вот, допустим, тебя арестовали. Ни у тебя самого тогда, ни у твоих родственников и сослуживцев не возникал вопрос о твоей виновности или невиновности. Раз "взяли", значит надо. Это потом сложилось некое понятие о справедливости и несправедливости наказания. А сначала этого не было. Не было даже самого понятия наказания. Было просто "взяли". И лишь как крайне второстепенный возникал вопрос о том, под каким соусом это было сделано. Было одно: есть некое высшее соображение /некая высшая целесообразность/, согласно которому с тобой решено поступить именно таким образом. А расправятся с тобой как с японским или английским шпионом, как с замаскировавшимся белым офицером или кулаком, как с троцкистом или как-то еще, - существенной роли не играло. Это лишь извне обращали внимание на форму. Теперь стали обращать внимание. А тогда и изнутри важна была лишь суть дела, и мы именно в ней и жили. Например, в таком-то районе положение из рук вон плохо. Годы идут, мирные годы, а положение плохо. Почему? Не скажешь же, что причина - сама новая организация общества. Нужны виновные. Кто виноват? Не народ же, а местные руководители. Почему руководители оказались плохими? Ясно, они - враги народа, шпионы, вредители, замаскировавшиеся кулаки и белогвардейцы. Поверь,это был единственно возможный и наиболее целесообразный в тех условиях способ сохранить порядок в стране и обеспечить прогресс. Этот способ был найден опытным путем и проверен в тысячах экспериментов. Таким вот путем в том самом городе было расстреляно высшее руководство, а я был направлен туда с приказанием в кратчайший срок "выправить положение", "поднять","обеспечить" и все такое прочее. Прежнее руководство - жертвы. А знаешь, сколько они загубили народа, прежде чем их самих "шлепнули"? Когда я ехал туда, я заранее знал,

что и я буду "выправлять положение" любой ценой, что и меня почти наверняка через какое-то время тоже "шлепнут" как врага народа. И все-таки ехал. И все-таки делал. Не думай, что это был страх или безвыходность. Вместо меня рвались ехать многие другие. Я заранее знал, что если меня захотят убрать, то предъявят самые нелепые обвинения. Я был к этому уже подготовлен. Для меня, повторяю, был важен сам тот факт, что уберут, а не форма, в какой это сделают. Нелепость формы была как раз самым разумным в данной ситуации, ибо вина была не в людях. Вины вообще не было, были причины, а они не зависели от людей. Суть дела была не в наказании, а в том, что требовалось это "выправить", "поднять" и прочее, причем - любой ценой. Нелепость формы означала то, что объяснения невозможны и излишни. Понял?

Смотри, что получается. Если нужно описать события нашей жизни, то и говорить вроде нечего. Несколько строк достаточно. А если нужно понять их, то нужно часами говорить, целые книги писать. Откуда такая диспропорция? Почему ничтожные события требуют грандиозных теоретических построений? Компенсация за ничтожность? Или на самом деле события не так уж ничтожны?

ЗАПИСКИ

После уроков комсорг класса повел меня в комнату комитета комсомола. Здесь сидел симпатичный парень лет двадцати пяти. Я сразу догадался, что он из Органов. Я испугался: неужели все-таки моя проделка с портретом Его стала известна Им? Такая возможность казалась мне вполне реальной, мы все считали, что от Органов нельзя ничего скрыть, что им все становится известно. И это было действительно так. Мы лишь не знали механизма этого всевидения Органов - того, что мы сами суть детали этого механизма. Мы остались вдвоем с чекистом.

Через несколько минут я без всяких колебаний подписал согласие быть осведомителем Органов. Мое первое задание как чекиста /ты теперь чекист, сказал мне парень из Органов/ заключалось в следующем: чаще встречаться с девушкой, с которой я давно дружил и бывал у нее дома, чаще бывать у нее, приглядываться и прислушиваться ко всему, что происходит у нее дома, в особенности - к разговорам отца, занимавшего крупный пост где-то, и к знакомым его, бывающим в городской квартире и на даче. Я с удовольствием согласился выполнить это задание не столько потому, что частенько подкармливался в этой семье, сколько из какого-то необъяснимого энтузиазма, вспыхнувшего во мне. Я почувствовал себя приобщенным к некоему Великому Делу, участником Великой Истории... И я думал о Нем. Я любил Его. Я любил только Его.

ОДИНОЧЕСТВО

- Я прочитал Вашу тетрадь о первом предательстве, - сказал я Сталинисту. - Вы о нем писали с большей подробностью и с большим чувством, чем о первой любви. Кстати, Вы первую любовь и дружбу предали. Ради чего? - Верно, - согласился он, - предал, потому что сам факт первого предательства был для меня явлением гораздо более серьезным, глубоким и возвышенным, чем первая любовь. Первая любовь всегда бывает неудачной. Первое предательство - никогда. Первая любовь оставляет в самом лучшем случае едва заметную царапину в душе, первое предательство прокладывает глубочайшую колею, по которой затем катится вся ваша жизнь. Но я бы хотел обратить Ваше /он иногда обращается ко мне на "Вы", когда пускается в глубокомысленные рассуждения/ внимание на один аспект предательства, который Вы наверняка не заметили в моих записках. Это и понятно. Я сам стал осознавать его только много лет спустя, когда предательство утратило прежний смысл и значимость.

Вы знаете, что такое Бог? Бог есть Одиночество, Абсолютное и Вечное Одиночество. Если ты - Бог, к кому ты заглянешь в гости, с кем прошвырнешься часок-другой по улице, с кем посидишь в забегаловке, с кем поговоришь по душам, с кем поделишься своей радостью или печалью?... А если ты - Бог немощный и непризнанный, ты одинок вдвойне, ибо у тебя нет такой компенсации за твое одиночество, как всевидение и всемогущество. Тогда ты есть самое жалкое существо на свете.Став доносчиком и предав свою первую любовь и дружбу, я почувствовал себя Богом. Этого теперь никто понять не может. Но не думай, что это было легко. Расплатой за это приобщение к Богу было одиночество. Оно преследовало меня всю жизнь. Всегда и везде. Дома. На службе. В компании друзей и родных. Среди сослуживцев. Я не могу тебе этого объяснить, но чувство одиночества ослабевало во мне только тогда, когда я оставался один, а главным образом - когда я оставался наедине со своими жертвами и обрекал кого-то на жертву. Мы же были палачами. А палач немыслим без жертвы. Безработный палач - это тоска сплошная. Слыхал ты о чем-либо подобном? А я вот уже много лет - безработный палач.

- Ты не поверишь, - продолжает он /я молчу, мои функции с ним сводятся к молчанию/, - но я горд тем, что сумел предать свою первую любовь и дружбу, преодолеть в себе человека в этих человеческих слабостях. Сочиняя свои подробнейшие отчеты для Органов, я ощущал в себе демоническую силу и власть. Моим начальникам приходилось даже слегка сдерживать мое рвение, снижать литературную возвышенность моих доносов и ориентировать меня в более трезвом и практическом направлении.

Они сами /как и я/ не понимали моего состояния божественной возвышенности и приобщенности, рассматривая его как "революционную романтику" и считая необходимым подкрепить ее столь же революционной "деловитостью". - Из тебя отличный чекист выйдет, - говорили они мне, похлопывая меня по плечу. - только для этого, парень, надо учиться, учиться и учиться. Знаешь, чьи это слова? Знаешь, конечно. Языки иностранные учить надо. Книги читать. Музыку слушать. На выставки ходить. Надо все знать. Это нам пришлось от церковно-приходской школы сразу прыгать на вершины премудрости. А вам советская власть все условия создала. Только учитесь! Овладевайте знаниями! Без этого мы не сможем удержать завоевания Октября и продолжить их до победы коммунизма во всем мире. Понял? Я понимал все и без этих слов. Но слушать эти слова мне было бесконечно приятно. Они для меня звучали как гимны божественной красоты.

- Ты думаешь, я верил в марксистские сказки о светлом будущем? - продолжает свою исповедь Сталинист. - Нет, никогда. И из моих сверстников никто в это не верил. Нам не надо было верить в это будущее, ибо оно уже было в нас самих. Думаешь, мы чего-то боялись? Нет. Зачем нам бояться, если все вокруг было наше. Это был наш мир. Думаешь, мы из корысти были такими? Нет. Мы имели все, ибо мы хотели малого. А тот, кто хочет мало, имеет тем самым много. Одно было плохо: одиночество. Но странное дело, именно этим я дорожил больше всего на свете. Почувствовав себя одиноким, я почувствовал себя Богом. Почему так?!

СТУКАЧ

- Роль стукача, - говорит Сталинист, - была почти открытой . Обычно ею гордились. Окружающие какими-то непостижимыми путями сразу распознавали, что ты - стукач. Я тоже мог с первого взгляда распознать стукача. Но объяснить, как это происходило в моем сознании, я не могу. Уже через несколько дней мои соученики догадались о том, что я стал стукачом.Возможно, комсорг класса догадался, кто был тот парень, с которым он оставил меня наедине в комитете комсомола, и разболтал об этом. Между прочим, я на него не донес. Вообще, в мои функции не входило писать обычные доносы. Я выполнял всегда "особые" задания.

- Считается, что сочинять доносы - дело нехитрое, - говорит Сталинист., - и что никаких особых эмоций доносчик не имеет, если не считать мелкого злорадства /что бывает редко/. Это неправда. Мне мой первый донос стоил больших трудов и сильных переживаний. Я был приобщен к Великому Делу и наделен Великим

Доверием. Мне хотелось написать не просто донос, но донос выдающийся, можно сказать - Донос с большой буквы, донос всех доносов. Я мечтал о том, какой эффект мой Донос произведет в Органах, как его будут изучать высокие начальники, как он дойдет до Него самого, и он даст указание сразу присвоить мне высокое офицерское звание и назначить на высокий пост. Я мечтал о том, какую кипучую деятельность я разовью по борьбе с врагами народа. Такую кипучую, что все предшествующее ей померкнет. И враги народа меня убьют за это /в этом месте я даже прослезился/, а Он велит поставить мне памятник на Красной Площади и похоронить меня рядом с Мавзолеем. Но чтобы сочинить такой эпохально выдающийся Донос, нужен был хоть какой-то материал. А у меня его не было совсем! Отец моей подружки и его друзья говорили одну чепуху, а выдумать что-нибудь самому - мне для этого еще не хватало жизненного опыта. Я мог выдумать все что угодно о своих школьных товарищах или родных, - я знал этих людей и их жизнь. Но жизнь взрослых такого рода и ранга, как отец моей подружки, я не знал совсем. Инстинкт удерживал меня от вымысла. Потому я с педантичной точностью фиксировал все встречи порученных моему наблюдению людей и их передвижения, с нетерпением ожидая, когда мне представится случай подслушать что-то серьезное в их разговорах. Но такой случай не приходил.Спасло меня другое - мой собственный спад в моем отношении к Нему. Период моей безмерной любви к Нему сменился периодом ненависти. Я, голодный и продрогший, мотался вечером по городу, проклиная Его. И тут меня осенило: а что если я эти мои собственные слова ненависти к Нему припишу отцу моей девушки и его друзьям?! Если уж я додумался до таких слов,- думал я, - то они до этого додумались наверняка. Они же умные люди! Так я и поступил. Поздно ночью я позвонил по телефону /этот телефонный номер мне было велено запомнить "навечно"/, назвал пароль и свою кличку и в условленном месте передал свое "чрезвычайное сообщение".
Я спросил, какими были последствия доноса. Он сказал, что его очень похвалили, но не за его "чрезвычайное сообщение", а за точность и детальность в фиксировании имен, встреч, передвижений. И это его сильно разочаровало. Я сказал, что я имею в виду последствия для тех, на кого он написал донос. Он посмотрел на меня с недоумением. - А какое это имеет значение? - сказал он сердито. - Речь ведь идет обо мне, а не о них. Деньги тебе плачу я, обедами тебя кормлю я, а не они. Но если уж это тебя так волнует, могу утешить: их арестовали, но гораздо позже, и мой донос, судя по всему, не сыграл в этом деле никакой роли. А жаль! Такой хороший был донос! - Какова же в таком случае была цель Вашего "особого задания"? - спросил я. - Этого никто не знает, - сказал он. - Может быть проверка, может быть тренировка, может быть просто на

всякий случай. Но это - не наше дело. Важно - как мы сами относились к таким "особым заданиям". Это теперь научились доносы облекать в благопристойную форму и делать их так, что не придерешься. А для нас они имели первозданный великий смысл: Донос! И в их незамутненной чистоте и непорочности было куда больше нравственности, чем теперь. Жизнь - сложная штука. Мы думали,что строим рай, живя в аду, а на самом деле мы строили ад, живя в раю. Рай был! И донос был свидетельством нашего пребывания в нем и правом на это. Не один донос, конечно. И многое другое, что теперь тоже порицается. Рай был, и больше уже никогда не повторится. Дело в том, что такое бывает в истории каждого общества только один раз, - в его юности. У нас все было впервые. Мы во всем были первыми. И в доносах тоже. И в предательстве тоже. Точнее говоря, это теперь воспринимается как донос и предательство, уже в сформировавшемся виде. А когда это возникало /когда мы это изобретали впервые/, это не воспринималось как донос, как предательство. У этого была другая цель, другие мотивы, другие названия. Пусть мы творили злодейство. Но это была юность злодейства, а юность - это прекрасно.

ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

- Нет, - сказал я. - Меня не интересуют законы истории, историческая целесообразность и прочие объективные, не зависящие от воли людей явления. Меня интересуют мотивы поступков людей и их отношение к своим поступкам. Если Вы хотите, чтобы я был Судьей, дайте мне возможность лицезреть отдельного человека, а не некую безликую историю. - А отдельного человека не было, - сказал он. - Была история, и больше ничего не было, - вот в чем загвоздка. - Но были же палачи и были же жертвы, - говорю я, - а они персонифицированы. - Мир не делится строго на добродетельные жертвы и греховных палачей, - говорит он. - Я был палачом, но в качестве палача я был одновременно и жертвой. Я постоянно жил под угрозой ареста, как и многие другие. Я в любую минуту был готов потерять приобретенное благополучие и ехать в нищую, грязную, страшную глушь "поднимать", "выправлять" и всегда "любой ценой". Однажды меня арестовали. Но вскоре почему-то выпустили, - и такое в наше время случалось. Хотя меня выпустили, сам факт ареста означал, что меня рано или поздно арестуют вторично, и тогда меня не выпустят ни в коем случае. Я знал, что меня ждет. Ну и что? Я работал с еще большим остервенением. Моя преданность Партии и лично Ему от этого еще более окрепла. Хотя я был под арестом всего несколько недель, за этот короткий срок в

моем учреждении прошли собрания, на которых мои коллеги и друзья выступали с гневными разоблачительными речами и приводили многочисленные примеры моей вредительской деятельности. И что самое забавное, многие мои действия действительно легко было истолковать так. Ничего особенного в поведении моих друзей и сослуживцев не было, - я сам не раз принимал участие в таких операциях. Мои родные тоже успели предать меня. Дети написали заявления в комсомольскую организацию, в которых отрекались от меня, клеймили меня как врага народа, просили оставить их в комсомоле, просили дать им любое опасное поручение, чтобы они "искупили свою вину". Жена настрочила в Органы чудовищное письмо о моей враждебной деятельности. Когда меня выпускали на свободу, следователь дал мне почитать эти "документики". Мы повеселились наславу. Дома меня встретили с распростертыми объятиями, - признаюсь, у меня была хорошая семья, хорошая преданная жена и любящие дети. И я никогда не напоминал им об этих "документиках", - я был сыном своего времени и прекрасно понимал ях. Я их не осуждаю. На работу я вернулся с повышением - и такое бывало. А кое-кто из моих бывших "разоблачителей" был в свою очередь арестован как враг народа. И я сам принимал участие в собраниях по их разоблачению. Все это было в порядке вещей. Эмоции, конечно, возникали. Но совсем не по поводу несправедливости происходящего. Происходящее было справедливостью, высшей справедливостью. Сколько перед моими глазами прошло жертв, сосчитать невозможно. И палачей тоже.Скажу Вам не в порядке самооправдания, а как человек, переживший все это: теперь судить поздно, а тогда судить было в принципе нельзя. Суд - это все-таки признак некоторого благополучия, устроенности. А в то время просто не было условий для суда, - мы до него еще не доросли тогда. Теперь мы доросли до этого уровня, а судить уже некого: поздно. История уж вынесла свой приговор. Люди умерли или доживают жизнь, опустошенные. Судить вам надо самих себя, своих современников. А вы боитесь этого и судите прошлое: это теперь безопасно. Больше мужества теперь нужно для защиты прошлого, а не для осуждения его.

ПАЛАЧИ-ЖЕРТВЫ

Когда срок жизни истечет,
Пускай подымут всех из тленья
И за былые преступленья
Прикажут полный дать отчет.
И палачи заговорят,

Что за идею жизнь отдали,
Что сами тоже пострадали
Или не знали, что творят.

Я ж смело выступлю вперед
И так скажу: прости их, Боже!
Мы, жертвы, виноваты тоже
Уж тем, что были мы - народ.
А что касаемо наград,
Не посчитай за злую шутку,
Хотя бы на одну минутку
Верни меня в тот прошлый ад.

НАСТОЯЩИЙ КОММУНИСТ

- Бытовые условия тогда были ужасные, - говорит он. - Мы не раз обращались в органы местной власти с просьбой помочь в каком-то пустяковом деле. Нам каждый раз отказывали. Я высказал откровенно все то, что думал по этому поводу, агитатору. Я был уверен, что он сообщит о моих настроениях в Органы, и меня сразу арестуют как врага народа. И не только меня. И отца заберут. И старшего брата тоже. Не может быть, чтобы он сам додумался до всего этого, - так рассудили бы в Органах, - его наверняка подучили старшие. В мыслях я уже видел себя на допросе, высказывающим всю правду.

Но агитатор на меня не донес. Он выслушал меня. Сказал, что у меня - здоровое пролетарское нутро, но что я многого еще не понимаю. И пригласил меня к себе домой.

- Почему он не донес?

- Потому что он был настоящий коммунист.

- Что это значит?

- Трудно пояснить. В общем - член партии с дореволюционным стажем. Сидел в тюрьмах. Участник Гражданской войны. Орден за Перекоп. Занимал пост в каком-то министерстве, а жил с семьей в небольшой комнатушке в коммунальной квартире. Ходил в старой шинели. Помогал людям "правду" искать. Он целый год возился с нашим делом, пока не добился своего. В тридцать восьмом его расстреляли как врага народа. Нам объяснили: мол, прикидывался,чтобы скрыть нутро.

- И вы поверили?

- У нас не было проблемы веры или недоверия. Нам достаточно было объяснения. Оно было нам понятно. Потом кто-то пустил слух, будто те наши письма не дошли до Самого из-за Агитатора. И мы

возненавидели его.
- А почему его расстреляли?
- Потому что он был настоящий коммунист. Тут действует общий закон: те, кто делает революцию, уничтожаются после революции, ибо реальные результаты революции никогда не соответствуют их целям и их поведение не соответствует реальным условиям после революции.
- О чем же вы с Агитатором разговаривали?
- Обо всем. Он помог мне преодолеть мой душевный кризис. Знаете, в то время существовала негласно система опеки отдельных молодых людей со стороны старых членов партии. Иногда им поручали "поработать" с неустойчивым молодым человеком. А чаще они это делали по своему почину, какими-то необъяснимыми путями догадываясь о том, кто именно нуждался в их помощи. Эта форма идеологического воспитания исчезла, оставшись совершенно незамеченной и неоцененной писателями и теоретиками. А между тем ее роль огромна. Я того Агитатора до смерти не забуду. Он спас меня, направив на верный путь.
- В Ваших записках нет ничего по поводу ваших встреч и разговоров. Не могли бы Вы сейчас припомнить что-то?
- Это невозможно было записать и тем более запомнить. Часто это были просто молчаливые прогулки и чаепития. Один разговор все-таки вспоминаю в связи с этим. - Если мне сейчас скажут,что сейчас тебя расстреляем, - говорил он, - и если бы я еще до революции знал, что меня ожидает именно это, я все равно жил бы и действовал так же. Пойми, дело не в последствиях и результатах революции. Дело в самой революции. Это была наша, народная революция. И наша с тобой задача - во что бы то ни стало продолжить ее, жить так, будто и сейчас происходит эта наша, единственная и неповторимая революция. Люби Его! Он - символ революции. Когда Он умрет, умрет и революция.

ЛЮБОВЬ К НЕМУ

В "Записках" внезапно прекратились упоминания имени Сталина. После предшествующих пылких проявлений исступленной страсти к Нему это показалось мне странным. Но мой собеседник уверил меня, что ничего странного в этом нет. Любовь к Нему в нем никогда не ослабевала. Он до сих пор бесконечно любит Его и абсолютно предан Ему. Но любовь не есть нечто такое, что вечно переживается в том же виде, как в самом начале. Любовь к Нему определила направление его жизни, установила рамки его личности, дала исходные стимулы. На этом ее роль кончилась. Она не исчезла,

подобно тому, как начало жизни сохраняется в ее зрелом состоянии. И потом, что такое была любовь к Нему? Ведь Он - не женщина, не еда, не вино, не одежда. И не друг. И вовсе не Отец. Он был символом. А любовь к символу - это есть лишь определенная ориентация на Возможное, ожидание этого Возможного и желание его. Это было предчувствие неотвратимого хода жизни и принятие его. Это приняло форму любви. А когда началась сама жизнь в этом направлении, т.е. когда он добровольно ринулся в поток жизни, любовь к Нему утратила смысл. Гораздо больший смысл стало приобретать обычное человеческое чувство: ненависть. Но оно было человеческое. И потому оно не играло роли движущей силы их жизни. Движущей силой оставалась любовь, ибо она была в самом начале и в берегах их бурного потока. Иначе говоря, ее не было никогда в обычном человеческом смысле,и потому она не могла исчезнуть. Ты меня понимаешь? - сказал он. - Я знаю, что это слишком мудрено для людей. Но поверь, я все это надумал сам. С той минуты, как меня арестовали, я только тем и занимался, что думал. Я кое-что еще похитрее этого надумал. При случае расскажу.

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Перед самым окончанием института /я уже сдал государственные экзамены и приготовился к защите дипломной работы/, я написал письмо Ему, - говорит Сталинист. - Жаль, оно не сохранилось. Сейчас воспроизвести его невозможно. Суть письма такова. Я заверял Его в безусловной моей преданности Партии и лично Ему, в том, что любовь лично к Нему определила всю мою жизнь, что я прошу дать мне самое трудное задание, использовать на самом трудном и опасном участке борьбы за коммунизм. Это теперь рассматривают подобные письма как хитрый карьеристический прием. Но я писал это письмо совершенно искренне. Я хотел быть настоящим коммунистом и сгореть на самоотверженной работе ради идеалов Партии. Ни о какой карьере я не думал. Самое большее, о чем я мечтал, это - хорошая работа, койка с простынями в общежитии, в крайнем случае - отдельная комнатушка, чистая одежда без заплат, еда досыта, дружный коллектив, совместный культурный отдых, бурные партийные собрания, героический труд,бессонные ночи над изобретениями... В общем, моя мечта не шла дальше того, что показывали в фильмах и писали в книжках того времени. И то, что мое письмо Ему могло сыграть решающую роль в моей карьере, не принималось в рассчет заранее. Мне даже хотели сначала дать взыскание за это письмо. Но присутствовавший на собрании представитель Городского комитета партии похвалил

письмо за искренность и хороший порыв. Потом что-то случилось "в верхах", моему письму решили придать форму "почина снизу" /тогда это было обычное дело - всякие начинания/ - стремления выпускников институтов ехать на работу в отдаленные места страны. Весь наш выпуск разбросали по самым глухим местам Сибири. Ребята меня возненавидели за это. Один мой близкий друг обозвал меня за это шкурой и сволочью. От меня отказалась девушка, на которой я собирался жениться. Я выступил на общем партийно-комсомольском собрании с критикой "нездоровых настроений" у отдельных представителей нашего здорового и политически зрелого коллектива. И открыто, честно, по-партийному назвал своего бывшего друга. Его не допустили до защиты диплома, исключили из комсомола. Вскоре он исчез и никогда не встречался на моем пути. Я не мстил ему. Я был искренне возмущен его оценкой моего порыва. Он стал моим врагом. А враг в то страшное время был всегда враг смертельный.Революция не закончилась с Гражданской войной. Для нас она только еще начиналась.

ВЫДВИЖЕНЕЦ

- Я был выдвиженцем, - говорит Сталинист. - Сейчас мало кто знает, что такое выдвиженец. И явление это встречается редко. Разве что для детей высокопоставленных руководителей, да и то лишь отчасти: они сразу назначаются на высокие посты, минуя промежуточные ступени. Но это - другое явление. Это было и в наше время. Сын Сталина Василий, например, быстро стал генералом именно благодаря тому, что был сыном Сталина. Выдвиженец - специфическое явление сталинского периода. Это - человек, который из самых низов общества сразу, без всяких промежуточных ступеней возносится на его вершины. Возносится,чтобы сыграть предназначенную ему роль. Затем, сыграв эту роль, он обычно сбрасывался снова вниз, уничтожался /в качестве козла отпущения/, а если и сохранялся, то в качестве фигуры чисто символической. Выдвиженец - элемент в структуре власти сталинского периода, один из способов управления страной. Предшественниками выдвиженцев являются люди, которые в период революции и Гражданской войны из небытия возносились на вершины власти и славы. Выдвиженцы сталинского периода были инерцией революционного периода, проявлением реального народовластия. Они выражали желание чуда, стремление сделать это чудо во что бы то ни стало. Они и творили чудо. Я был выдвиженцем, но не самым ярким. Я был вознесен не с самого дна общества: я все-таки окончил институт. И был вознесен не на самые высокие, а на довольно средние вершины власти. Может быть поэтому меня выпустили в первый арест и медлили со вторым,

окончательным.
После того моего письма Сталину, которое породило движение молодых специалистов ехать на работу в отдаленные места и на трудные предприятия, меня послали в Н с чрезвычайным заданием - в кратчайший срок "выправить положение", а главное - завершить Великую Стройку. Мое назначение санкционировало одно из самых высших лиц Партии и государства. Не буду называть его имени: его все равно вскоре расстреляли. - Помни, - сказало мне лицо, - либо завершишь стройку в срок, либо к стенке.
Но быть выдвиженцем - это не просто быть назначенным сразу на высокий пост. Тут была еще одна тонкость, о которой сейчас позабыли совсем: надо было быть выдвинутым изнутри коллектива, можно сказать - из толщи трудящихся. Так что я ехал на стройку рядовым инженером. Мне еще предстояло сыграть особую роль, чтобы вознестись.

ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО

- Существенная черта сталинского периода, - говорит Сталинист, - почти все создавалось заново. Вся страна была огромной стройкой. Стройка по принципу "любой ценой" или "во что бы то ни стало", т.е. не считаясь с жертвами. Никакие законы экономики не принимались во внимание. Условия человеческого существования тоже не в счет. Стройка шла по законам военного времени, как штурм крепости, которую надо было взять во что бы то ни стало. Лозунг "Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять" был практическим правилом жизни, а не демагогией и пропагандой. В жертву приносились не только рядовые армии, штурмующей крепость, но и командиры. Командиры в первую очередь и в большей мере. В тех стройках, в которых мне приходилось принимать участие и о которых я знал, потери командного состава в процентном отношении раз в пять, а порою - в десять, превосходили потери рядовых. Например, на одной крупной стройке на Урале мы положили "рядовых" пятьдесят тысяч человек /в основном - заключенных/, что составило двадцать пять процентов от общего числа рядовых. А "командиров" потеряли две тысячи /в основном - свободных/, что составило пятьдесят процентов от общего числа командиров. Ощутимая разница? Причем, большинство из этих потерянных командиров было арестовано. Лишь немногие из них продолжали работать на стройке в качестве заключенных.
Так вот, положение с упомянутой мною стройкой сложилось катастрофическое. Причины тому были очевидны всем. Но стройка

должна была быть закончена в срок любой ценой. Потому о причинах никто не спрашивал. Нужны были виновные. Отыскание таковых - не такая уж простая процедура. Жизнь стройки - это сложное переплетение человеческих судеб и отношений. А она есть часть жизни более сложного целого, в которое входит жизнь района, области, республики, высшего руководства, данной отрасли промышленности... Масса людей вовлечена в борьбу, цена которой - жизнь. Должны быть согласованы мнения многих людей и организаций, прежде чем будет дано соответствующее указание. Причем, не всегда прямо. Часто - в виде намека, случайного замечания. Техника такого жертвоприношения была отработана до мелочей. Вариант отбирался в зависимости от ситуации. В данном случае был избран вариант стихийного возмущения рядовой массы трудящихся беспорядками на стройке. В качестве жертвы на сей раз были намечены все высшие руководители стройки, - чем крупнее наметившаяся катастрофа, тем значительнее должны быть виновные. Помимо высших руководителей в жертву должны были быть принесены еще несколько тысяч руководителей ниже и рядовых. Но это уже мелочь. Тут инициатива предоставлялась массам, а отбор жертв производился на более низком уровне и быстрее.

Мне была отведена особая роль: выступить на митинге с критикой высшего руководства, сказать вроде бы ничего не значащую фразу, что "тут пахнет вредительством", заслужить за этот "намек" бурные аплодисменты трудящихся, а после ареста "врагов народа", виновных в тяжелом положении со стройкой, быть выдвинутым на высокий руководящий пост, перескочив сразу несколько ступеней карьеры. Так все и произошло, как было задумано. Но не спешите рассматривать эту ситуацию в терминах права и морали. Война имеет свои законы. А это была особого рода война, хотя и без пушек, самолетов, танков. Такого рода сражений история еще не знала. Конечно, кое-кто сравнивает их со строительством такого рода сооружений, как египетские пирамиды. Но только поверхностным умам простительны такие аналогии.

Насколько целесообразны были такие меры? Если исходить из допущения, что стройка должна быть завершена в срок, то такие меры были в высшей степени целесообразны. Они были единственными, благодаря которым был возможен успех сражения. А в том, что стройка должна быть закончена и закончена в срок, не сомневался никто, - вот в чем суть дела. Это была аксиома для всех участников дела. А раз так, то в данных условиях выход был один: делать то, что и делали мы все общими усилиями. Все другие пути либо привели бы к срыву стройки вообще, либо оттянули бы ее окончание на много лет. Принимаемые меры означали, что масса людей должна была пойти на жертвы, дабы штурм крепости удался. Поймите: одними лозунгами такую массу людей бросить в сражение

на довольно долгий срок было невозможно. Нужны были более сильные средства. Вот они и были изобретены. Только атмосфера великой трагедии могла обеспечить успех. Никакой разумный рассчет тут не дал бы желаемого результата.
О моей роли. Не думайте, что мне силой навязали мое выступление и подсказали его форму. Я и без подсказок кипел возмущением по поводу состояния стройки. Я сам рвался в бой, как и многие другие молодые специалисты. А слово "вредительство" было у всех на уме и у многих на устах. Не думайте, что я рассчитывал на карьеру. Я никогда не был карьеристом. Я презираю карьеристов. Большинство "командиров" сталинского периода, которых я знал, не были карьеристами. Тут совсем другое. Тут была озабоченность интересами дела. Я был частичкой армии, штурмующей крепость. Я был во власти массовой психологии того периода. А главное - я вовсе не воспринимал мое выдвижение как карьеру. Я знал, что работать теперь мне придется вдвое больше, спать вдвое меньше, а степень риска быть арестованным увеличивалась минимум в десять раз. Я не мог отказаться от этой роли. Если бы я отказался, меня просто уничтожили бы. Это верно. Но дело не в этом. Я не хотел отказываться. Для меня просто не было проблемой, соглашаться или нет. Я, как командир в сражении, выполнял приказ. И даже не приказ, а нечто более глубокое и серьезное: роль в великой трагедии жизни. Если бы я точно знал, что через неделю меня тоже расстреляют как врага народа, я все равно сыграл бы свою роль. И формулировка "враг народа" меня нисколько не возмутила бы. Это не есть покорность судьбе. Это, повторяю, предусмотрено правилами игры в историческую трагедию. Теперь уже невозможно понять, почему мы поступали так, а не иначе, ибо исчезли все условия той трагедии. Теперь наше поведение можно рассматривать в терминах морали и права, вырвав его из его исторических условий.
Теперь можно поставить под сомнение фундаментальную аксиому нашего поведения "Взять крепость во что бы то ни стало!". Крепость, как оказалось, можно было и не брать. Но легко махать кулаками после драки. Легко быть умным стратегом после сражения. А вы перенеситесь в ту эпоху, в те условия, в те человеческие отношения, в те цели и замыслы! Вы сейчас не способны решать более примитивные современные задачки и делать более примитивные предсказания насчет будущего, а учите уму-разуму великий исторический процесс, в котором все было ново, все было эксперимент, все было открытие!!

СТАЛИНСКИЙ СТИЛЬ РУКОВОДСТВА

- Великая Стройка, - говорит Сталинист, - есть великое сражение. Тут есть штаб, есть командиры, есть штурм, есть погибшие... Район Н - это прежде всего и главным образом - Великая Стройка. Все остальное - для нее. И вот я во главе ее. Тут же поздно вечером я вызвал к себе исполняющего обязанности начальника, так как начальник был уже арестован. - В чем загвоздка? - спросил я, даже не поздоровавшись с ним. - Лес, бетон, потом все остальное, - сказал он, стоя передо мною навытяжку. Пожилой человек, опытный специалист, старый коммунист... Он дрожал передо мною, безусым мальчишкой, готовый ко всему и на все, ибо теперь я олицетворял для него волю, мощь и суд истории. Я приказал вызвать ко мне человека, ответственного теперь за лес. Ждать не пришлось - все командиры стройки уже были собраны в райкоме партии. Вошел "Лес". Я с места в карьер попробовал применить магическую формулу, с которой был сам направлен сюда: либо немедленно достаешь лес, либо кладешь партийный билет. "Лес" усмехнулся, пододвинул стул к моему столу, сел, скрутил самокрутку. - Партийный билет я положить не могу, - сказал он спокойно, - поскольку такового у меня уже нет. Уже положил. Более того, я уже имею "вышку", и согласно газетным сообщениям, приговор уже приведен в исполнение.

Так что меня уже нет. Что касается леса... Лес есть. И его нет. Лес будет завтра же, если... вот это "если"... Он положил передо мною измятый лист бумаги, на котором химическим карандашом были написаны каракули - условия получения леса для Великой Стройки. Я читал эти условия и диву дивился. Взятки, жульнические махинации, спекуляции, очковтирательство... - Ты это серьезно? - спросил я, подавленный. - Вполне, - спокойно сказал он. - Но мы ведь коммунисты! - воскликнул я. - Мы тут все коммунисты, - тихо сказал он. - Зачем, например, начальнику милиции десять вагонов леса? - спросил я. - Он поставлен в такие же условия, что и ты, - сказал собеседник. - Ему эти вагоны надо отдать немедленно. Остальное - завтра, послезавтра.И лес будет.

Я тут же попросил соединить меня с начальником милиции. Сказал ему, что может забрать лес хоть сейчас. Он сказал, что я - парень с головой, назвал меня "хозяином" и пригласил в гости, пообещав накормить и напоить по-царски. - Что происходит, - сказал я, положив телефонную трубку. - И это коммунисты?! - Мы все - коммунисты, - напомнил о своем присутствии "Лес". - А происходит обычная жизнь. Легко быть "настоящим коммунистом", до изнеможения копая землю или погружая дрова, как Павка Корчагин. А хочешь быть коммунистом в наших условиях - живи по законам

этого общества: мошенничай, обманывай, насилуй, доноси, выкручивайся. Иначе ничего не сделаешь. Даю тебе дружеский совет... Вижу, ты действительно парень с головой... Человек, от которого зависит бетон, имеет большую семью, а живет в тесной комнатушке в полуразвалившемся бараке. Пообещай ему квартиру, и он тебе что угодно из-под земли выроет.

Всю ночь я не спал. Командиров стройки отпустил по домам. А сам думал и думал. И надумал. Одними приказами ничего не добьешься. Быть честным - значит быть глупым. Это - прямая дорога на тот свет. И дела не будет. Чуть свет поехал к "Бетону". Я прожил сам всю жизнь в жуткой тесноте. Но то, что я увидел у "Бетона", ужаснуло даже меня. - Сначала решим твой квартирный вопрос, - сказал я ему, - а уж потом будем говорить о деле. Вся семья кинулась благодарить меня. Веришь ли, руки целовали. Я не устоял и... Поверь, это не был рассчет. Это был искренний порыв... И сказал им следующее. Я одинок. Могу пока пожить и в общежитии. А им приказываю сегодня же после работы въезжать в мою квартиру. Вот записка к коменданту. Они отказались наотрез. Тогда я сказал: выбирай, либо въезжаешь в мою квартиру, либо пойдешь под суд. И ушел, не попрощавшись. Я был уверен в том, что бетон будет. И он, как и лес, был.

Через несколько дней слух о моих действиях облетел весь район.Что начало твориться, невозможно описать. На меня смотрели, как на Бога. Будто Он сам приехал в эту чудовищную глушь и дарует им обещанную райскую жизнь. А рай земной они представляли очень просто: хлеба вдоволь, немного сахару, по праздникам - селедка, дров на зиму, крыши не протекают, мануфактура... Первым делом я велел починить бараки и по возможности улучшить снабжение. В складах завалялись дешевые конфеты. Я велел немедленно пустить их в продажу. Велел особо нуждающимся многодетным семьям выдать талоны на ситец. Сейчас все это звучит как анекдот и насмешка. А тогда!... Со всего района народ повалил в город. Стихийно возник митинг. Я выступил с речью. Я потом никогда не говорил как в тот раз. Я говорил им, что Партия и лично Он послали меня наладить здесь нормальные условия жизни, достойные человека советского общества. Я говорил им, что враги народа в заговоре с мировым империализмом пытались сорвать Великую Стройку, спровоцировав в районе невыносимо тяжелую обстановку. Я призвал их разоблачать замаскировавшихся врагов и судить их открытым народным судом. Я говорил и чувствовал, что эта народная армия будет подчиняться моей воле и что сражение за завершение Великой Стройки я выиграю.

Теперь скажи мне, в чем моя вина? Я лишь подчинился воле народа, лишь выразил ее. Волюнтаризм руководителей сталинского периода был лишь персонификацией народной воли. Пойми, другого пути не

было ни у кого. Не я, так другой все равно был бы вынужден пойти этим путем. Это на бумаге и в уютном кабинете вдали от реальной жизни легко выдумывать красивые планы. В реальном житейском болоте было не до красоты, не до справедливости, не до нравственности. Наша жестокость, безнравственность, демагогия и прочие общеизвестные отрицательные качества были максимально нравственными с исторической точки зрения, с точки зрения выживания многомиллионных масс населения.

Я спросил его, насколько важной была та Великая Стройка, оправданы ли жертвы. - Стройка была пустяковая, - сказал он, - даже бессмысленная с экономической и иной практической точки зрения. Но именно в этом был ее великий исторический смысл. Она была прежде всего формой организации жизни людей и лишь во вторую очередь явлением в экономике, в индустрии. Я спросил затем, много ли народу было репрессировано после той его замечательной речи. - Сравнительно немного, - сказал он, - всего тысяч десять. Но для самых тяжелых работ на стройке этого было достаточно. В других местах руководители поступали куда более круто. И в районе все понимали,что я добрее прочих. И любили меня. Бога молили за то, чтобы я подольше продержался.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

- Возьмем любое казалось бы бессмысленное мероприятие тех времен, - говорит он, - и я вам покажу, что оно оправдало себя, несмотря ни на какие потери. Вот мы строили завод. Экономически и технически стройка оказалась нелепой. Ее законсервировали и потом о ней забыли совсем. Но это был грандиозный опыт на преодоление трудностей, на организацию больших масс людей в целое, на руководство. Сколько людей приобрело рабочие профессии! Многие стали высококвалифицированными мастерами. Сколько инженеров и техников! А ликвидация безграмотности многих тысяч людей! И уроки, уроки, уроки. Знаете, как нам все это пригодилось в войну? Не будь такого опыта, мы может быть не выиграли бы войну. Какое руководство без такого опыта рискнуло бы эвакуировать завод, имеющий военное значение, прямо в безлюдную степь? И через несколько дней завод стал давать продукцию, важную для фронта! Буквально через несколько дней! Что же - все это не в счет?! Игнорировать это - несправедливо по отношению к людям той эпохи и исторически ложно.

ВЛАСТЬ НАРОДА

- Сталинский период, - говорит Сталинист, - был периодом подлинного народовластия, был вершиной народовластия. Если вы не поймете эту фундаментальную истину, вы ничего не поймете в этой эпохе. Это было народовластие в том смысле, что подавляющее большинство руководящих постов с самого низа до самого верха заняли выходцы из низших слоев населения. Это - общеизвестный факт, на который теперь почему-то перестали обращать внимание. А это - миллионы людей. И каким бы тяжелым не было их положение, они имели ту или иную долю власти. И эта доля власти в тех условиях окупала любые тяготы жизни. И риск. Власть стоила того, чтобы хотя бы на короткое время ощутить ее, подержать ее в руках. Вам теперь не понять, каким великим соблазном для людей была власть над своими собратьями. И сейчас это большой соблазн. Но сейчас это соблазн, поскольку власть несет улучшение материальных условий, большую защищенность, уверенность в будущем. Тогда эти спутники власти были на заднем плане, а то и вообще не имели силу. Многие, наоборот, теряли бытовые удобства и подвергались большому риску, вступая в систему власти. Но остановить их уже не могла никакая сила. Был в этом соблазне власти один элемент, который ослаб в нынешних условиях, но который играл решающую роль тогда. Он становится ясным, если сказать о другой черте народовластия.

Характерной чертой народовластия является то, что вышедший из народа руководитель обращается в своей руководящей деятельности непосредственно к самому народу, игнорируя официальный аппарат, но так, что тот остается в тени и играет подчиненную роль. Для народных масс этот аппарат представляется как нечто враждебное им и как помеха их вождю-руководителю. Отсюда волюнтаристские методы руководства. Потому высший руководитель может по своему произволу манипулировать чиновниками нижестоящего аппарата официальной власти, смещать их, арестовывать. Руководитель выглядел народным вождем, революционным трибуном. Власть над людьми ощущалась непосредственно, без всяких промежуточных звеньев и маскировок. Власть как таковая, не связанная ничем. В тот период, когда началась моя руководящая деятельность, уже шла борьба между такой формой власти /сталинской формой, народовластием/ и официальной властью, представляемой армией чиновников всех рангов в сотнях и тысячах учреждений всякого рода. Победа второй формы над первой была концом сталинизма. И я, прибыв в Н, ощутил всю мощь этой второй формы власти. Но я еще успел захватить и кусочек сталинского типа власти. Это был период компромисса, ибо без сталинских методов еще нельзя было делать

серьезные дела. Моя Великая Стройка была еще не по силам нормально /с точки зрения послесталинского руководства/ организованной системе власти. Я еще вел себя как народный вождь. И стоило мне бросить клич, как в несколько часов все районное официальное начальство было бы перебито.
Но в этом мире все несет в себе самом свою гибель. Народовластие - это помимо всего прочего есть еще и организация масс населения. Народ должен быть определенным образом организован, чтобы его вожди могли руководить им по своей воле. Воля вождя - ничто без соответствующей подготовки и организации населения. Не буду тебя мучить объяснениями на этот счет. Читай мои записки, там все это описано подробно. Я тебе сейчас расскажу в качестве примера только о двух элементах в организации народовластия. Первый из них - это всякого рода активисты, зачинатели, инициаторы, ударники, герои... Масса людей в принципе пассивна. Чтобы держать ее в напряжении и двигать в нужном направлении, в ней нужно выделить сравнительно небольшую активную часть. Эту часть следует поощрять, давать ей какие-то преимущества, передать ей фактическую власть над прочей пассивной частью населения. И во всех учреждениях образовались неофициальные группы активистов, которые фактически держали под своим наблюдением и контролем всю жизнь коллектива и его членов. Они приобрели чудовищную силу мафий. Они могли кого угодно "сожрать", включая высших руководителей учреждений. Руководить учреждением без их поддержки было практически невозможно. И руководитель невольно становился членом такой неофициальной правящей мафии, вступая тем самым в конфликт с самим собою как с народным вождем. Второй из упомянутых мною элементов народовластия - система разоблачений врагов /обычно - воображаемых/, открытых и тайных доносов, репрессий. Сейчас много критикуют тайное доносительство в наше время. Но открытое доносительство и разоблачительство было распространено еще более, приносило еще больший эффект. Причем, эти доносы и разоблачения не могли оставаться без последствий, - иначе они утратили бы силу. Эта система доносительства и разоблачительства была естественной формой проявления подлинно народной демократии. Это была самодеятельность масс, поощряемая свыше, поскольку высшая власть была властью народной и стремилась остаться ею. Эта система ослабла в теперешнее время, поскольку кончилась эпоха расцвета народовластия. Ее ослабление означало ослабление народовластия, ограничение его теперешней законной формой официальной власти.
Вот вам пример презираемой вами диалектики: взяв власть в свои руки, народ сам оказался в ловушке своего собственного народовластия, будучи вынужден передать своим собратьям неограниченную власть над самим собой. Ощутив на своей шкуре все

ужасы своего собственного народовластия, народ отрекся от него так же добровольно, как и ухватился за него добровольно ранее. И это послужило основой ослабления и падения сталинизма.Так что, молодой человек, если хотите найти и судить преступников сталинского периода, судите прежде всего жертвы преступлений, ибо преступники и палачи были рождены ими самими.

ПЕРЕЛОМ

- А как Вы себе представляете это "преодоление отдельных ошибок культа личности"? - говорит он. - Думаете, собрались партийные руководители и приняли решение отменить "культ"? Собирались. Решение принимали. Но это - результат, а не начало. Это санкционирование того, что уже произошло. И для пропаганды, конечно. Думаете, прекратились массовые репрессии, освободили и реабилитировали миллионы "политических"? Было и такое. Но - как следствие и как нечто второстепенное. Суть "преодоления культа" куда глубже, сложнее и важнее. Превращение юноши во взрослого мужчину есть перерождение всего организма, а не только изменение в голосе и появление усов. Причем это превращение происходит с первого дня рождения. Лишь однажды, когда превращение уже произошло, юноша по некоторым второстепенным признакам замечает, что он мужчина. Диалектика, молодой человек, вещь очень серьезная, а не только предмет насмешек для пошлых остряков.
Я не теоретик, а практик. Но и я могу тебе назвать кое-что посерьезнее. Я это испытал на своей шкуре, я с этим столкнулся сам лицом к лицу. Уверен, будущие теоретики откопают что-нибудь еще серьезнее. Во всяком случае, они подойдут к делу диалектически, рассмотрят все важные стороны великого процесса, причем - в единстве и взаимодействии. Я коснусь только трех аспектов процесса: 1/ системы власти и управления во всех клеточках, звеньях, тканях, районах общества; 2/ системы хозяйства, экономики, культуры, в общем - организации всей жизни страны; 3/ человеческого материала. Наша система власти и управления... Я имею в виду не только центральную власть, дальше которой ничего уже не видят критики, а всю систему власти сверху донизу... Эта система с самого рождения ее была двойственной: с одной стороны, это было народовластие с системой вождей, личной власти вождей, активистами, волюнтаризмом, призывами, насилием и прочими атрибутами; а с другой стороны, это была система партийно-государственной власти с ее бюрократизмом, рутиной, профессионализмом и прочими ее атрибутами. В сталинский период достиг высочайшего уровня первый аспект власти. Но и второй развивался и набирал силу. Шла постоянная борьба их. И даже в

сталинские времена второй аспект часто доминировал, доказывал свою в перспективе главенствующую роль. Сталинские репрессии в некоторой мере выражали стремление народа помешать превращению партийно-государственного рутинного и делового аппарата власти в нового господина общества. Я был одним из последних руководителей сталинского типа. Главное, с кем мне пришлось бороться, был не народ, - народ был еще послушен, - а именно второй аспект нашей системы власти и управления. Меня сковырнули люди из этого аппарата. Правда, они еще использовали сталинские методы сковыривания, но сделали-то это они. А я уже был бессилен применить к ним сталинские методы. Я уже не мог приказать арестовать кого-то. Я уже должен был интриговать в рамках партийно-государственного аппарата, чтобы убрать тех, кто мне мешал. По отношению к массам народа я еще был вождь сталинского периода. Но по отношению к новой системе власти я уже был подчиненный им чиновник, зависящий в своей деятельности от них. Если бы я ценой невероятных ухищрений не держался сталинских методов, стройка не была бы завершена. Если бы новый аппарат власти сумел полностью одолеть сталинизм в это время, была бы катастрофа. Всему свое время!

Возьмем теперь систему хозяйства и культуры страны. Сталинский тип власти и управления был хорош в условиях полной разрухи и бедности, когда все заводы, стройки, учреждения можно было запомнить одному человеку, когда функции управления и контроля были сравнительно примитивны. Развернув грандиозное строительство и начав великую культурную революцию, сталинизм тем самым подписал себе смертный приговор: создаваемое им детище не могло уместиться в его утробе и функционировать по его примитивным правилам. Моя стройка по степени сложности была уже такой, что лишь самые грубые и трудоемкие работы осуществлялись сталинскими методами. Главная же часть дела, связанная с машинами, приборами, технологией, делалась специалистами, которые фактически уже игнорировали сталинизм и жили в новой эпохе. Конечно, они еще ощущали сталинизм в той или иной форме. Но они уже успешно отражали его поползновения. Меня самого не раз высмеивали на всякого рода совещаниях. Я имел мощную поддержку в коллективе, но, увы, среди самых низов. Народ чувствовал грядущее разделение общества на классы и образование новых господ. Нас, представителей сталинского руководства, он новыми господами не считал. Мы все-таки были с ним в борьбе против новых господ.

Наконец - человеческий материал. Тот человеческий материал, на котором держался сталинизм и который сам держал сталинизм, в значительной мере был уничтожен, поредел, постарел, утомился, переродился. Конечно, были пополнения из молодежи. Но это уже

было не то. Все равно это были уже другие люди по психологии, образованию, условиям жизни. На моей стройке почти весь инженерно-технический состав, мастера, квалифицированные рабочие, конструктора, учетчики и прочая элита коллектива были из новых поколений. Я чувствовал себя среди них совсем чужим человеком. Мне не о чем с ними было говорить, - они были люди совсем иной культуры и иной психологической реакции на происходящее. Я чувствовал себя человеком лишь среди самых простых рабочих, да среди той полууголовной массы людей, без которых невозможно было строительство. Интересно, лишь среди них я чувствовал себя своим человеком, одновременно ощущая свое превосходство над ними. Хотя масса новых людей была послушна и делала все то, что нужно /одобряла, клеймила, разоблачала, аплодировала/, это все-таки в самой основе была другая масса. И сказалось это, в частности, в том, что был нанесен сокрушительный удар по роли самодеятельного актива, о котором я уже говорил. Над активистами стали открыто издеваться. Провалили несколько начатых ими кампаний и персональных дел. Доносы утратили былую эффективность. Многих самых заядлых и активных сталинистов стали проваливать на выборах в комсомольские и партийные бюро.

Я мог бы рассказать тебе и о многом другом, что происходило в толще нашей жизни и что означало конец сталинизма, что подготовило открытое и официальное признание этого конца. Но думаю, что и того, что я уже наговорил тебе, достаточно для размышлений.

Да и бытовая жизнь руководителя сталинского времени была не сахар. Работа до изнеможения. Бессонные ночи. Постоянное ожидание быть снятым с поста и, как правило, арестованным. Бесконечные заседания. Поездки. Порывы. Штурмы. В общем, как на фронте, причем - в самых плохих условиях. Некогда было почитать книгу, сходить в театр, посмотреть выставку. Я женился. Появились дети. Но я почти не бывал в семье. Вознаграждение за это по нынешним масштабам совершенно ничтожное. Конечно, были и пьянки, и женщины, и дачи, и квартиры, и машины. Но - как неизбежный спутник способа руководства и его необходимое условие. Конечно, были среди нас такие, кто умел использовать положение и наслаждаться жизнью. Но большинство жило как командиры в фронтовых условиях. Мы приносили в жертву миллионы людей, это верно. Но мы сами были лишь слепым механизмом грандиозного исторического жертвоприношения. И сами же были жертвами. Наградой нам было ощущение причастности к Великой Революции.

Сравни теперь положение нынешних руководителей с нашим. И материальные условия не сравнишь с нашими. Мы были просто

нищими в сравнении с ними. И условия работы не те - их условия суть курорт в сравнении с нашими. И гарантии не те - они в полной безопасности, а мы висели на волоске. Вот, молодой человек, главная причина, почему сталинизм никогда не вернется. Поражение сталинизма означает, что новые господа общества наконец-то взяли власть в свои руки открыто, обезопасили себя и устроились комфортабельно. С ликвидацией сталинизма Великая Революция кончалась. Началась вековая скука и серость.

Массовые репрессии прекратились. Концлагеря потеряли свое былое значение. В сталинских концлагерях, между прочим, был один смысл помимо всего прочего. Это был земной ад, в сравнении с которым все ужасы нормальной жизни выглядели как земной рай. Тем самым каждый, находящийся на свободе, имел что терять. А коммунизм не может долго существовать без страха потери. Сейчас в массах людей страх возможной потери ослаб. И если в той или иной форме не будет восстановлен земной ад, т.е. страх потери для всех, коммунизм разрыхлится изнутри и погибнет. Рай, молодой человек, немыслим без ада. Сталинское время было земным раем, поскольку был ад.

ИТОГИ

- Пора подвести итог прожитому, - говорит он. - Что это было? Роман с моим обществом как с живым существом, как с капризной, неверной и, вместе с тем, недоступной женщиной. Так обычно и бывает в случае настоящей любви: не поймешь, где любовь и где ненависть, где равнодушие и где страсть. Только трагический конец создает видимость подлинности. Хотя я и сталинист, я давно на опыте понял, что наше общество есть образец самого низкого уровня организации. Но именно благодаря этому оно может развить более высокий уровень цивилизации, - здесь фундамент для здания общества глубже и шире, чем когда бы то ни было. Кроме того, наше общество выводит новый, более гибкий, более адаптивный, хотя и неизмеримо более омерзительный тип человека. Мы были первыми опытными экземплярами этого нового человека. Но наше общество разовьет высочайшую цивилизацию через много столетий или даже тысячелетий. А ждать столетия и тысячелетия - это слишком скучно и утомительно. Я устал даже от нескольких десятилетий.

- А я, - подумал я о себе, - разве я не таков же, хотя я антисталинист? Есть, пожалуй, одно отличие тут: я хотел быть одиноким волком и не примыкать ни к какой стае. А главный враг одинокого волка - не охотник, а стая. Я хотел независимости, а он всегда рвался в стаю, в зависимость от стаи. Мы - противоположности, но по отношению к одной и той же стае. Я жаждал независимости от стаи, но при том условии, что я тоже вынужден оставаться в стае. Я жаждал

невозможного, как и он.
- В чем же должна быть моя роль Судьи, если судить некого и судить поздно? - спросил я. - В том, - сказал он,- чтобы понять это. - Но все-таки Вас что-то волнует, раз Вы пришли ко мне, - сказал я. - Да, - сказал он, - чувство невиновности. Груз невиновности тяжелее груза вины. Я хочу, чтобы кто-то разделил с нами нашу непосильную ношу. Я хочу Суда, любого суда, ибо суд есть акт внимания. А если уж эпоха даже суда не заслуживает, то грош ей цена. - Если бы я был Богом, - сказал я, - я открыл бы для Вас врата рая и сказал бы: входи! - О нет! - воскликнул он. - Шалишь! Я знаю, что такое рай. Я сам его строил. С меня хватит. Пусть другие испробуют, что это такое.
Он ушел, оставив мне свои записки. После этого я его никогда не встречал. Записки его я забросил под койку, а хозяйка комнаты, где я снимал койку, выбросила их на помойку. Символично! Последнее правдивое свидетельство эпохи выброшено на помойку.

ЭПИТАФИЯ ПАЛАЧАМ

Спокойно спите, палачи!
Мы ваш покой не потревожим.
Мы на могилы ваши сложим
Необнаженные мечи.

ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

Слово "забегаловка" появилось совсем недавно. Если оно и существовало ранее, оно было изобретено вновь независимо от этого прошлого употребления, подобно тому, как Органы государственной безопасности были открытием революции, а не продолжением царской охранки, как полагают западные советологи, ищущие объяснения сталинизма еще в опричнине Ивана Грозного. Оно появилось в Москве для обозначения питейных заведений, которые в большом количестве появились после войны и в которые жаждущие выпить буквально забегали на минутку проглотить какую-нибудь бурду с градусами. Тогда поголовное пьянство было единственно доступной компенсацией за материальное и духовное убожество бытия. По мере улучшения условий жизни число таких забегаловок и их посетителей сокращалось, а время пребывания в них самой устойчивой части пьющего населения увеличивалось. И словом "забегаловка" в кругах пьяниц, пропойц, бухариков, алкашей и забулдыг стали называть самые дешевые, грязные и терпимые к

нашим слабостям места выпивок. У нас сложилось своеобразное братство пьющих отбросов общества названных выше категорий. Мы знали друг друга по именам, а чаще - по кличкам. У нас были свои излюбленные места выпивок, излюбленные маршруты и компании. Они менялись в зависимости от обстоятельств. Но составные компоненты были более или менее устойчивы. Если, например, было любовно-лирическое настроение, то сама собой складывалась одна компания, пился один набор одуряющих напитков, проходился один маршрут. А если было мрачно-политическое настроение, то компания, набор напитков и маршрут передвижения были уже иными. Но при всех вариациях наиболее вероятным завершением цикла являлись вытрезвители, возникавшие тогда как грибы после дождя. Партия и правительство проявляли трогательную заботу о благе трудящихся.

В один из таких мрачно-политических запоев в нашу компанию попал палач в буквальном смысле слова - во времена Сталина он приводил в исполнение смертные приговоры. - Как же тебя не шлепнули?! - удивились мы. - А зачем? - в свою очередь удивился он. - А чтобы секреты не разбалтывал, - сказали мы. - А теперь не те времена, - сказал он. - Теперь секреты все наперебой стремятся выболтать.

У него была кличка "Гуманист", поскольку он был добрый и отзывчивый человек, склонный к гуманным методам убийства. Абсолютно ничего палаческого в его внешности не было. И пил он с достоинством, не теряя лица. - А не страшно было на такой работе, не противно? - спросили мы. - Почему же страшно? - усмехнулся он. Это тем, кого казнят, страшно. А для меня это была работа. Работа - как работа. Не хуже других. Платили хорошо. Квартира. Паек. - А родственники, - спросили мы, - родственники знали? И как они относились к этому? - Родственники знали, что я - на важной секретной работе, - сказал он. - А что за работа, знать им не положено было. - А если бы разрешили рассказать? - спросили мы. - И рассказал бы, - сказал он, - что в том особенного? Вы думаете, другие работники Органов были лучше меня? Я никого не судил. Я работал. Хорошо работал. Меня ценили. Осужденные почитали за счастье попасть ко мне. Другие пили водку, да стреляли в затылок. И все. А я людей готовил к смерти так, чтобы им умереть приятно было. Я свое дело хорошо делал, с любовью. Не то, что другие.

Нам, признаться, стало жутковато от таких слов. Но волшебная целительница водка сделала свое дело. Мы перешли в цинично веселое состояние и засыпали Гуманиста вопросами. Он отвечал охотно, кратко, четко, умно. Если бы где-то ввели специальный курс лекций на эту тему, он, я думаю, был бы первоклассным профессором.

- И сколько штук ты шлепал в день?
- Обычные стрелки обрабатывали в среднем десять пациентов. В особых случаях - до пятидесяти. Я сначала тоже был как все. Но по мере повышения квалификации... У нас, как на всякой работе, тоже были свои разряды... число пациентов сокращалось, а время на обслуживание каждого увеличивалось. Когда я стал мастером, то принимал в день не больше пяти пациентов. Чаще - один или два в день. Бывало, что целую неделю никого не было.
- А как вам платили? Поштучно?
- Был постоянный оклад в зависимости от разряда. Потом дополнительная оплата за каждого пациента.
- Сколько за штуку?
- По низшему разряду - пятерка. По высшему - пятнадцать. Мастера получали по двадцать пять за пациента, а иногда - по полсотне. В особых случаях мне выплачивали сотню.
- Ого! Профессора за лекцию и то столько не получали!
- А ты думаешь, наша работа легче профессорской? Я бы такое мог рассказать, что никакой профессор ни из каких книжек не вычитает. Думаешь, человека легко убить по-хорошему? В затылок выстрелить и дурак может. А с душой, с приятностью, с пользой для дела, - тут, брат, высшая наука нужна.
- Что значит: с пользой для дела?
- Ну, узнать что-либо от осужденного. Заставить его говорить на суде то, что требуется.
- Как так?!
- Вот чудаки! Что вы думаете, человека осудили, передали мне, и все?! С иным до пяти раз работать приходилось. Тут психология нужна. Вот, к примеру, случай. Осудили человека при закрытых дверях. Объявили приговор. Передают Живодеру. Был у нас такой мастер. Он за одну минуту мог привести пациента в состояние такого ужаса, что тот успевал умереть еще до того, как Живодер нажимал на спусковой крючок пистолета. Передают Живодеру. Тот делает свое дело, но не до самого конца. В последний момент приговор вроде бы отменяют. Если после этого пациент ведет себя как следует, после открытого суда его можно передать даже начинающим стрелкам. Но иногда в качестве награды передавали мне. Если пациент упорствует, его передавали мне. Я его готовил к смерти с приятностью. И опять в последний момент исполнение приговора приостанавливают. Предлагают: мол, выбирай, хорошее поведение, и тогда передаем исполнение приговора Гуманисту, или сейчас же передаем Живодеру. Не было ни одного случая, чтобы пациент выбрал второе.
- А что значит: с приятностью?
- Умирание есть естественный процесс. А раз так, то если он проходит правильно, он должен доставлять умирающему удовольствие. Есть разные приемы, как умирающего... вернее,

предназначенного для умирания привести в такое состояние.
- Что за приемы?
- Разные. Слова. Движения. Освещение. Запахи. Звуки. В общем, разные. Хотите, покажу? Оно понятнее будет.
- Ну, нет! Ты уж лучше объясни словами и жестами.
- Первым делом надо суметь завоевать доверие пациента, вызвать его на взаимность, заставить его сотрудничать с тобой. Причем, сделать это нужно быстро, - времени на это нам отпускали минимум. И действовать надо безошибочно. Малейшая ошибка, и все прахом пойдет. Никаких сведений о пациентах нам не давали. Мы должны были по внешнему виду сразу определять, с кем приходится иметь дело. Посмотришь в "глазок", и сразу ясно, что за птица и как с ней себя вести надо.
- Ну и как же ты завоевывал доверие пациентов?
- Вхожу в камеру, например - вот так.
- Здорово! - закричали мы в один голос. - Тебе в театре выступать надо! В кино сниматься! Артист!!
- Направляюсь к пациенту, допустим, к...
- Э-э-э! - закричали мы, отодвигаясь от него. - Только не меня!
- Чего вы боитесь? Вас же еще не осудили. Это же прошло. А когда придет снова - нас уже не будет. Ну, ладно. От того, как прикоснешься к человеку, какую позу ему придашь, какие движения по его телу совершишь, зависит и состояние самого человека. Вот сядьте так. Ножки немного шире. Ручки вот так. Плечики чуть согнуть. Головку вот так, чуть левее. Теперь дотроньтесь здесь. Подержите тут руку секунд пять. Сдвиньте вот сюда... Ну что?
- Здорово! Да ты никак гипнотизер!
- Ну нет. Гипноз - совсем другое. Тут наоборот, тут нужна полная ясность и трезвость сознания. Абсолютное бодрствование.
- Ребята! Я протрезвел!
- И я!
- И я!
- Верно, опьянение сразу должно пройти. Потом разговор. Не трепотня, как у профессоров, а всего несколько слов. Надо их суметь выбрать. Произнести определенным способом. И пациенту дать сказать слово. И еще ответить словом. Слыхали, как детские врачи с детьми разговаривают? Вот что-то в этом роде. Иногда одно слово решает дело. Слово, уважаемые, это - сила, если его использовать умеючи. Теперь потеряли уважение к слову. Слишком много слов. Сталин - тот цену слову понимал.
- Ну, скажи такое волшебное слово!
- Повторим?
- Ура, ребята! Конечно, повторим!
- Ты, старик, и впрямь волшебник!
- Вношу трешку!

После суматохи, вызванной "повторением", разговор возвращается к той же теме. Теперь нашим вниманием завладевает Сам.

- А он был хороший человек, - говорит бывший секретарь райкома партии. - Это его окружение было плохое.

- Конечно, - соглашается бывший полковник, отсидевший с десяток лет в лагерях. - Прикажет, бывало, расстрелять провинившегося руководителя. А на другой день с грустью вспоминает о нем. Даже плакал иногда. Родственникам хотел помочь. А чем поможешь? Покойника уж не вернешь. Вот и велит их тоже расстрелять: зачем зря страдать?!

- А мы, думаешь, лучше? - сказал бывший работник аппарата ЦК, отсидевший в лагерях вдвое больше, чем полковник. - Мы же сами и помогали ему насиловать самих себя. У нас, к примеру, одновременно сидели три "очереди" бывших сотрудников отдела - те, кого, мы посадили, мы сами, и те, кто нас посадил. Не помри Сам, пожалуй, и четвертая очередь последовала бы.

- Скажи, старик, кого персонально тебе пришлось шлепнуть?

- Это я не могу сказать. Я же давал подписку о неразглашении.

- Теперь такие подписки не действуют.

- Их никто не отменял и никогда не отменит.

- Поручили мне написать очерк об одном только что подохшем пенсионере, - говорит Журналист. - Родился в таком-то году. Родители - крестьяне. Окончил сельскую школу. Работа. Помощник тракториста. Тракторист. Медаль за трудовые заслуги. Армия. Финская кампания. Ранение. Орден. Опять деревня. Бригадир трактористов. Отечественная война. Партия. Бои, чины, награды, ранения... Одним словом, газетно-образцовый экземпляр. В конце - начальник цеха на заводе, депутат районного совета, пенсия. Грамоты, медали, ордена. Женитьба детей. Внуки. От скуки подохнуть можно. Совершенно не за что зацепиться. Ничего личного, индивидуального. Я жену попробовал расшевелить. То же самое: "ничего особенного", "как все", "не лучше других", "не хуже других", "всякое бывало"... Что за люди?! Неужели у них никакой своей душевной жизни не было?!

- Была. Но их душевная жизнь неотделима от их эпохи. Хотите познать их личную, индивидуальную духовную жизнь, познайте события и дух их эпохи. В истории человечества пожалуй никогда не было такого совпадения личного и общего, как в это время.

- А плохо это или хорошо?

- Ни плохо, ни хорошо. Страшно.

- Неужели и с моим поколением случится нечто подобное?

- Нет, конечно. Будет хуже.

- Но почему??

- Грандиозная, трагическая эпоха опустошает души, порождая личности, значительные своей личной пустотой. А серая эпоха, вроде

теперешней, рождает мелкие душонки. Я бы на Вашем месте не стал бы употреблять в отношении того пенсионера слово "подох". Я бы сказал: "покинул мир", "перестало биться сердце", "погиб на боевом посту"... Одним словом, что-нибудь достойное времени.
- Вы?...
- Нет, я был враг той эпохи. Но - когда она была жива. Мертвые же врагами не бывают. Я ведь тоже сын моей эпохи.
- Враг, - вмешивается в разговор Пенсионер. - Кто враг? Где враг? Это сейчас кажется все просто. А тогда это было ой как трудно. Это вы сейчас склоняете - "липовый враг народа", "так называемый враг народа", "липовый процесс"... А для нас это была реальность, и далеко не липовая... Я между прочим, принимал участие в разоблачении "монархического центра" в Н. Хотите, расскажу? Очень поучительная история.
- Давайте, только короче!
- Короче! А куда спешить? Так вот, я с отличием окончил Университет, был рекомендован в аспирантуру, профессора сулили мне блестящее будущее в области теории права. Идиоты! Какое может быть будущее у нашей теории нашего права? Но я это только теперь понял, а тогда-то я верил в это право. Смешно вспоминать: я заново переписал всю Конституцию. Жаль, не сохранилась, а то мы с вами посмеялись бы до слез. Короче говоря, мне предложили пойти на работу в Органы. Я очень хотел стать ученым с мировым именем. Но тогда я еще в большей мере верил в то, что сотрудники Органов на самом деле имеют горячее сердце, холодный ум и чистые руки. Сердце у меня было действительно горячее, а свой ум я считал холодным, как лед, и острым, как бритва. А что касается рук, то чище их и придумать было невозможно: я не написал еще ни одного доноса. И соблазн пойти работать в Органы пересилил. И меня сразу послали в Энск разоблачать этот центр. Поскольку я считался человеком образованным и талантливым, мне поручили хотя и закулисную, но практически главную роль. И я действительно проявил свою образованноствь и талант так, что все ахнули. Начальник местного отделения органов сказал, что "таких умников, как я, надо давить на месте, как клопов!". Это была высшая похвала в его устах. Не буду утомлять вас деталями. Изложу только принципы, которыми я руководствовался и которыми горжусь. Первый принцип: членов центра надо выбирать из реальных или потенциальных врагов. Раз была великая революция, значит должны быть враги. Не может быть, чтобы их всех уничтожили. Не может быть, чтобы уцелевшие примирились. Покуда будет существовать наш строй, будут и враги из прошлого. Именно из прошлого, а не из будущего. Враги почти всегда приходят из прошлого. Те, кто приходят из будущего, не враги. Второй принцип: никаких насилий и никакой лжи в деталях. Все должно быть добровольно и все должно

основываться на правде. Помните те нелепые случаи, когда один враг народа встречался с троцкистом в несуществующем отеле, а другой садился на аэродром, закрытый в это время на ремонт? Из любой правдивой информации, какую они нам дадут, мы составим любую, желаемую нам, картину целого. Нам нужна великая ложь, а ее не сложишь из маленькихх "лжей", ее можно сложить только из маленьких правд. Третий принцип: наши жертвы должны стать нашими сообщниками. Надо им самим предоставить возможность сыграть ту пьесу, которая им кажется наиболее желательной. А мы, режиссеры спектакля, поменяем затем роли и произведем перестановки в действиях и получим тот спектакль, который нужен нам, а не им. Эти принципы теперь кажутся очень простыми и естественными. А тогда приходилось их открывать заново как мудрейшие истины. А знаете, каких усилий стоило провести их в жизнь? Процесс прошел, разумеется, с блеском.Всего тогда осудили немного - человек пятьдесят. А знаете, сколько человек было занято в разоблачении "Центра" и подготовке процесса?

- Человек сто, я думаю.
- По крайней мере пятьсот.
- Так чем же Вы гордитесь? С одной стороны - горстка ничем не защищенных жертв, а с другой - огромная свора цепных псов и палачей, опирающихся на всю мощь государства!...
- К чему такие красивые выражения? Все дело в том, кого считать врагом. Наш враг был гораздо сильнее нас. Эти несчастные пятьдесят человек были лишь полем, на котором происходило сражение с реальным врагом.
- И кто же был ваш враг?
- Не знаю. Этого нам вообще не дано знать. Реальный враг всегда незрим. Знаю только одно. Сразу же после процесса все организаторы его были репрессированы. Очень немногие уцелели. Я уцелел только благодаря тому, что был за кулисами спектакля.
- А в самом деле, - сказал кто-то, - что такое враг? Палач - враг или нет? Достаточно ли сказать, что враг - тот, кто причиняет тебе зло? Я всю жизнь относился к Сталину и сталинизму как к силам природы, неподконтрольным мне и перед которыми я бессилен, а не как к врагам. Против врага все-таки можно как-то бороться. А тут?... И как бороться против самих себя? Нет, слово "враг" потеряло смысл. Выражение "враг народа" обозначало уже не врагов в обычном смысле, а некие абстрактные причины неудач и провалов...
- Послушайте, я расскажу вам короткую историю об одном умном мальчике тех времен, - говорит Пенсионер. - Она поучительна с точки зрения обсуждаемой темы. Итак...

Отряд выполнял ответственное задание в неисследованном районе страны. Район был трудный и опасный. Задание было сверхтрудное. Отряд уже сделал то, что от него требовалось, и готовился к

возвращению. Но тут вдруг произошли страшные события, и надо было думать о спасении жизни людей. По вопросу о выборе пути отряд раскололся на две группы. Одна группа выбрала путь, не ведущий к спасению. И вскоре погибла. Путь, выбранный второй группой, мог привести к спасению. О том, что случилось тут, я расскажу дальше. А сейчас - пару слов о выборе пути. Руководители обеих групп не совершали никаких ошибок. В рамках тех возможностей /включая сведения о районе и обстановке/, какими они располагали, каждый из них выбирал путь, какой ему казался наиболее разумным. Но возможности их были настолько ничтожны, что они практически действовали почти что вслепую. Слово "почти что" тут, впрочем, неуместно и звучит почти что /!/ кощунственно: все члены отряда по непонятной причине вдруг ослепли. Впоследствии специальная комиссия, расследовавшая дело и располагавшая неизмеримо большей и более точной информацией о районе и обо всем том, что в нем происходило в это время, пришла к глубокомысленному выводу, что руководитель первой группы совершил ошибку, а руководитель второй группы выбрал путь правильно. Правда, второй совершил другое - совершил преступление. Но это уже иной вопрос. Один из членов комиссии заметил, что руководители групп выбирали пути в условиях, отличных от тех, в каких делала свои выводы комиссия, и понятия ошибки и правильности к их решениям неприменимы. Надо различать ошибочность и правильность пути и решения руководителя. В первом случае путь ошибочен, если не ведет к спасению, и правилен, если ведет к спасению. Во втором случае мы должны принять во внимание информацию, которой располагал руководитель, и состояние людей. В рамках этих условий могло оказаться, что руководитель первой группы действовал разумно, а руководитель второй - наобум. Но этого человека убрали из комиссии. Председатель комиссии заметил, что комиссия решает задачу политическую, а не академическую. Заметьте это : политическую. А с этой точки зрения первая группа погибла потому, что руководитель ее совершил грубую ошибку в выборе пути спасения. Впрочем, речь шла не о спасении - комиссия не знала о том, что речь шла о спасении.

Обратимся ко второй группе. Люди брели, связавшись веревками, наощупь, падая в ямы и лужи, натыкаясь на сучья. Один за другим они падали, не будучи способными двигаться дальше. Они проклинали Руководителя, который, не считаясь ни с чем, вел их вперед. И их оставляли умирать и на съедение диким зверям, муравьям, червям. Руководитель группы шел вперед, не считаясь ни с чем. Он знал, что только движение вперед есть путь спасения. Каждый орган его тела, каждая ткань, каждая клеточка вопили об одном: довольно, мы больше не можем, лучше смерть, чем эти

нестерпимые и нескончаемые муки! Лишь несколько клеточек его мозга, хранившие волю и цель, диктовали им приказ: вперед! Вперед!! Вперед, несмотря ни на что. Только вперед. И он вышел. Все погибли, а он вышел. И к нему вернулось зрение. Он вышел, сказал, что отряд погиб, и задание не выполнено. И его сразу же арестовали и судили. И приговорили к высшей мере наказания - к расстрелу.

Суд был показательный, при большом стечении народа, с большой прессой. Его судили как предателя, который сорвал выполнение важного государственного задания, который бросил на гибель своих товарищей, спасая собственную шкуру. Возмущение народа было безмерно. Если бы его отдали людям, они разорвали бы его на части. И никто не спросил его о причинах гибели товарищей. А он решил молчать. Он проникся презрением и ненавистью к своим согражданам и ко всей своей системе общества. И решил наказать их за их подлое и несправедливое поведение по отношению к нему своим молчанием.

Потом был послан другой отряд с тем же заданием. Он исчез бесследно. Был послан второй. Третий... и они тоже исчезали. А Руководитель, осужденный на смерть, ждал исполнения приговора. Однажды к нему в камеру пришел человек и спросил, знает ли он, почему люди там погибают. Он сказал, что знает, но не скажет. Он сказал, что его первым делом должны были спросить об этом, а не судить как преступника. Он заслуживал награду как герой, а не осуждения в качестве предателя. Он оскорблен, и потому молчит. И унесет свою тайну в могилу. - Пеняй на себя, - сказал Человек, - мы и не таким языки развязывали. После этого Руководителя пытали всеми страшными пытками, какие изобрело человечество, - наш социальный строй рассматривает себя преемником и наследником всего лучшего, что было в прошлой истории. В том числе ему вырвали глаза. Ему хотели вырвать язык и проколоть уши. Но оставили, ибо он не смог бы услышать Их вопросов и ответить на них. К тому же он сам просил Их об этом. Но он молчал. Он был сильный человек. Молчание стало целью и смыслом оставшегося кусочка его жизни.

Отряд за отрядом отправлялся на задание и исчезал бесследно. Он молчал и ждал смерти. О том, что приговор приведен в исполнение, было объявлено давно. Он еще жил из Высших Соображений. Теперь начальство решило, что он безнадежен и что "пора с ним кончать волынку". Но среди них нашелся молодой "умный мальчик". - Дайте, я попробую с ним потолковать по душам, - сказал он с неким подленьким смешком. - Может быть ларчик-то просто открывается?! - Ну что же, - сказал начальник с таким же подленьким смешком, подмигнув помощнику, - попробуй! Этого нахального умника, истолковал помощник знак начальника, отправь туда же! И помощник тоже усмехнулся. И все были довольны.

Руководитель ждал смерти, когда к нему пришел Умный Мальчик. - Скоро? - спросил Руководитель. - Теперь скоро, - сказал Мальчик. - Но мне бы хотелось с Вами поговорить по душам, как коммунист с коммунистом. Честно признаюсь, я восхищен Вашей твердостью. Но у меня к Вам есть несколько чисто человеческих вопросов. Скажите, когда Вы вели группу из того проклятого района, что по Вашему адресу говорили другие члены группы и как реагировали органы, ткани и клеточки Вашего тела? - Они проклинали меня, - отвечал Руководитель. - Был ли другой путь спасения?- спросил Мальчик. - Нет, - ответил Руководитель. - Ради чего Вы шли - ради спасения жизни или ради чего-то другого? - спросил Мальчик. - У меня была Великая Цель, - ответил Руководитель. - Прекрасно, - сказал Мальчик. - Теперь вообразите себе, что весь наш край есть большой отряд, выполняющий какое-то огромное задание. И вот наш огромный отряд попал в беду. Положение в крае сложилось действительно катастрофическое. Руководство края знало, что для спасения отряда и для достижения цели нужны чрезвычайные меры. Нужно было поднять усталых людей на штурм неприступной крепости, сосредоточить их сознание в нужном направлении, на какое-то мгновение удесятерить их силы и сделать рывок. От этого рывка зависело, жить или не жить отряду. Для этого нужен был общепонятный враг и все искупающая жертва. Если бы Вы погибли, пришлось бы изобретать другую жертву. Но Вы явились нам как дар судьбы. Мы настолько были рады Вашему явлению, что забыли даже задать Вам простой вопрос "Почему?". Нас этот вопрос не интересовал тогда совсем. Он возник только теперь. Вы меня понимаете? - Понимаю, - сказал Руководитель. - Вы знаете, почему люди гибнут там? - спросил Мальчик. - Знаю, - ответил Руководитель, - сообщить об этом и было той Великой Целью, благодаря которой я вышел живым. - Вы расскажете нам об этой причине, - уверенно сказал Мальчик. - Да, - прошептал Руководитель. - Слушайте!...

После этого приговор был приведен в исполнение. Умный Мальчик был тоже приговорен к расстрелу: руководство края не могло доверить ему, живому, государственную тайну такого масштаба. Но его почему-то забыли расстрелять. Отсидев в сталинских лагерях почти двадцать лет, он был реабилитирован и получил небольшую пенсию. Недавно он получил орден "Октябрьской Революции" за те самые прошлые заслуги перед Государством и Партией. И вот он здесь, с вами.

Домой я шел с Аппаратчиком. - Не знаю, что в рассказе Гуманиста правда, а что - вранье, - сказал он. - Скорее всего он врет. Но дело не в факте вранья - мы все врем - а в том, что именно он врет и как врет. Наше вранье есть тоже продукт эпохи. В нем больше правды, чем в "правдивых" свидетельствах. Знаете, почему? Наше вранье именно

потому, что оно есть вранье, несет в себе элемент абстракции, анализа и обобщения. Одно в словах Гуманиста особенно интересно: задача сталинских палачей заключалась в том, чтобы заставить жертвы сотрудничать с ними. Вот тут действительно сложилась особая наука. Даже средний следователь умел обрабатывать жертву так, что избежать сотрудничества с ним практически было невозможно. - Почему? - спросил я. - Эффект массовости, - сказал он. - Когда жертва одиночка, с ней порою не могут справиться все сотрудники Органов, вместе взятые. А если жертв тысячи, десятки и сотни тысяч, использование каждой жертвы по отдельности становится примитивной задачей. В моем процессе, например, нужно было, чтобы кто-то побывал за границей и встретился там с А, чтобы кто-то побывал на даче у В, чтобы кто-то узнал высказывание С по такому-то вопросу. И так далее в том же духе. В одном человеке совместить все это вместе нельзя. А множество людей все это может совершить. С точки зрения массового восприятия, однако, множество разрозненных действий соединяет в одно целое. Кроме того, во всяком достаточно большом множестве всегда можно отобрать таких индивидов, которых можно легко подготовить на роль послушных помощников. Обратите внимание, все сталинские процессы были массовыми. Это объясняется среди прочих причин еще и тем эффектом массовости, о котором я говорил.

- Но во всем этом кошмаре сталинизма, - продолжал Аппаратчик, - наиболее интересно другое. Гуманист, возможно, был гением в своем деле. Но дело его было все же второстепенное. Главное дело делали не гении, а посредственности. И в этом его непреходящий ужас. Я имею в виду иррациональный и ритуальный характер сталинских репрессий и процессов. - Если так, - сказал я, - то почему бы приведению приговора в исполнение тоже не стать ритуальным жертвоприношением, а палачу - жрецом, исполняющим ритуал? Но какому богу приносились жертвы? - Никакому, - сказал он. - Бога не было и нет. Здесь смысл и цель жертвоприношения в самом жертвоприношении. Вдумайся в этот феномен! Тут есть от чего свихнуться!

СУД
ИСТОРИИ

Не только жертвы,
смертны
палачи.
Могу сказать,
наш опыт
подытожа:

Жизнь палачей -
не только
калачи,
И тумаки им
достаются
тоже.
Проблему тщетно
ставить тут
ребром.
Над прошлым суд -
занятие
пустое.
Не надо помнить
палачей
добром.
И злом их тоже
поминать
не стоит.
Страшнее нету
на Земле
суда:
Забытые,
пусть в вечность
удалятся.
А мы, живые,
будем,
как всегда,
На палачей
и жертвы
разделяться.

ПРОБЛЕМА

Человек умирал. Он прожил не очень долгую по нашим временам жизнь, но и не очень короткую - среднестатистическую. И прожил он ее средне. Многие другие прожили лучше. Но таких, кто прожил еще хуже, было не меньше. Человек знал, что жить ему осталось от силы день, а скорее всего - несколько часов, хотя врач говорил ему, что операция прошла успешно, и он проживет еще сто лет. Человек не верил врачу, ибо он знал жизнь. И сколько таких, кому врачи обещали жить еще сто лет, умерло на его глазах! Человек не боялся смерти, он знал, что она неотвратима, и готовился к ней. Он даже ощущал некоторое удовольствие от возвышенности и

торжественности предстоящего события, даже немного гордился этим. Он когда-то читал,что такое состояние иногда бывает у осужденных на казнь, и что это состояние есть лишь защитная реакция от ужаса смерти, который на самом деле овладевает каждым человеком, обреченным на смерть. Пусть защитная реакция, пусть самообман, только не ужас! Он вспомнил, как в самом начале войны их, совсем безоружных, методично убивали немцы, как в нем все стыло, цепенело, леденело, каменело /сколько есть слов для этого состояния!/ в ожидании этого мига смерти. Ему повезло, он уцелел.Потом много месяцев спустя ему вновь представился случай умереть.Вернее, таких случаев было много, но они были обычными, и всегда оставался шанс выжить. На этот раз всем было очевидно, что он с группой солдат оставался на верную смерть. Но на этот раз он уже не испытывал страха смерти, он испытывал то самое чувство важности происходящего и гордости за то, что он исчезает, а другие остаются.Он уже познал,что вид человека,обреченного на смерть, вызывает уважение у живущих. Ему и на этот раз повезло - он уцелел.И был даже немного разочарован, что уцелел. Пережитое перестало быть опасным,и стало казаться, что никакой опасности не было. Так думали потом и другие. Обидно, но что поделаешь. Так уж устроен человек.Вот выживи он сейчас, и все испытают некоторое разочарование, болезнь и операция покажется всем сущим пустяком. И даже самые близкие скажут,что он напрасно боялся,- они уверены в том, что он боится.Вернее, если бы он выжил, они были бы в этом уверены. Только смерть смывает человеческую пошлость, ибо вслед за мигом торжественности она несет забвение и безразличие.

Человек умирал. Он хотел обдумать последние, самые важные мысли, хотел сосредоточиться на приближающемся мгновении смерти. Но ему мешал сосед по палате. Соседу осталось жить тоже немного. Человек это знал точно. Но Сосед был молод, не верил в свою смерть, не хотел умирать, боялся смерти. И потому он храбрился, болтал без умолку, острил, сыпал мрачными анекдотами. Человеку хотелось, чтобы Сосед умолк. Но он понимал его состояние, ему было жаль его, и он делал вид, что слушает его. - Вот еще мощная хохма, - не унимался Сосед. - Врач спрашивает у родственников, не потел ли покойный перед смертью. - Потел, - ответили родственники. - Это хорошо, - сказал врач. Сосед хохочет /если это хохот/, Человек усмехается: он как раз основательно потеет.

После ужина Сосед успокоился /врач раз пять повторил ему, что он еще сто лет проживет/ и уснул. Человек не спал, он не хотел последние минуты жизни тратить на сон. И явился к нему Некто - тот, кого он отверг как атеист, но кого звал на помощь в трудные минуты жизни. Человек не захотел даже произнести про себя имя пришельца: он не из тех, кто отказывается от своих убеждений. Он

отнесся к появлению Некто спокойно, как к приходу дежурного врача или медсестры. - Что тебе нужно от меня, - спросил он Некто. - Тебе осталось жить два часа, - сказал Некто. - Я хочу предложить тебе выбор: либо пережить твою жизнь снова точно в таком виде, как она прошла, либо исчезнуть навечно. Не спеши с ответом, подумай! У тебя целых два часа впереди. Если будут вопросы или сомнения, я здесь всегда рядом с тобой. Но помни, ровно через два часа ты должен сделать выбор. Думай!

- Два часа, всего два часа, - думал Человек. - Завтра утром неугомонный, но все равно обреченный Сосед расскажет очередную хохму тому, кто займет его, Человека, место на койке. Что-нибудь такое: "Отчего умер покойный?" - "От простуды." - "А, это не опасно".

Врет этот Некто, что может позволить прожить жизнь сначала. Ну, а если не врет? Допустим, что не врет. Давай, обдумаем спокойно, стоит ли жизнь того, чтобы ее повторять. Два часа - срок немалый. Тогда, на фронте мы рассчитывали лишь на час.

ИДЕЯ

- Ну как? - спросил мой новый собутыльник, которого я называю Писателем, ибо он на самом деле писатель. - Здорово, - сказал я вполне искренне. - У меня есть предложение: Вы описывайте куски жизни Человека, а я... - А Вы будете исполнять функции Бога, - сказал он. - Нет, сказал я, - мне больше подходят функции Дьявола. Богом будьте Вы сами. И агитируйте Человека повторить жизнь. А я буду агитировать против. За жизнь мне агитировать трудно. Неубедительно получится. - Мне тоже, - вздохнул Писатель.

НАЧАЛО

Бог: Ну-с, молодой человек, с чего начнем?
Человек: Какой молодой! Я, как у нас говорят, ровесник Октября. Для страны немного. А для отдельного человека слишком много. Даже наши вожди считают такой возраст средним, а не молодым.
Бог: Я же пошутил!
Дьявол: Хорошенькие шутки! Человек на краю могилы, а он со своими дурацкими шутками! Хотите анекдот?
Человек: Не надо. Мне Сосед надоел со своими анекдотами.А какой анекдот? Раз уж заикнулся, давай!
Дьявол: - А что, - спрашивает врач, - покойный перед смертью потел? - Потел. - Потел - это хорошо. Ха-ха-ха!

Человек: Старо! А такой вот слышали? - Отчего умер покойный? - От гриппа. - А,это не опасно. Ха-ха-ха!
Дьявол: Старо! А вот еще...
Бог: Послушайте, зачем мы собрались - слушать анекдоты с бородой или обсуждать проблему жизни?! Начнем!
Дьявол: Определим сначала понятие начала, как требует современная наука и формальная логика.
Бог: Начало жизни есть рождение.
Дьявол: Не могу согласиться, коллега. Начало - момент, когда человек осознает себя, когда рождается "я". Более того, момент, с которого он помнит себя как "я".
Бог: Но ему жить, а рождение не подвластно ему, и весь кусок жизни до того, что Вы считаете началом, из жизни не вычеркнешь.
Дьявол: Но ему принимать решение, а не нам. Не известно, будет он жить или нет. А решение он должен принять на основе того, что вспомнит.
Бог: Но человек может помнить многое из своей жизни еще до того, как осознал свое "я". Может многое помнить с рассказов других. Ваше начало неопределенно, а Вы еще настаиваете на логике! Ему решать, будет он жить или нет. Но мне решать, с чего он начнет жить.
Дьявол: Слышишь? Прежде, чем ты осознаешь себя в качестве индивидуальности, тебе предстоит прожить большой кусок бессознательной жизни. Вот тебе первая неприятность! Кстати, когда ты начал осознавать свое "я"?
Человек: А что это такое?
Бог: Ха-ха-ха! Хорошенькое начало, если он сам вообще не знает, что это такое.
Дьявол: Ну, когда ты начал себя осознавать в качестве человека?
Человек: Никогда.
Дьявол: Не может быть!
Человек: А Вы проживите мою жизнь, тогда сами увидите, что все может быть.
Бог: Ха-ха-ха! Ох, уморили! Начать с того, чего не было вообще!
Дьявол: По Гегелю ничто есть начало всего.
Бог: Может и Маркса припомните? Начинаем с начала: с рождения! Материнская ласка...
Дьявол: Мокрые пеленки...
Человек: Мать говорила, что из-за голода у нее пропало молоко. Как я выжил, одному Богу известно...
Дьявол: Как он выжил?
Бог: Выжил - значит надо было!

Человек: Вместо молока - пережеванный черный хлеб с солью. Да и хлеб-то пополам с мякиной. Мать говорила, я весь год кричал день и ночь: животик болел. Она спала, не раздеваясь. Спала!... Дремала около люльки... Нет, не хочу повторять это!
Дьявол: Что я говорю?! Все-таки моя диалектика тут вернее, чем Ваша...
Бог: Если мне не изменяет память, это вы сами начали с логики.
Дьявол: Пусть так. Мы должны предоставить самому Человеку решать, что есть его жизнь.
Бог: Наша обязанность напомнить ему все то хорошее, что было в его жизни.
Дьявол: И плохое. А где критерии? Кто судьи? Назови мне любое хорошее явление, и я в нем найду плохую сторону. Вы уже убедились в этом на примере младенчества. А результат?
Бог: Мы должны стремиться к объективности.
Дьявол: Нонсенс! Жизнь есть по сути своей субъективность. Описать жизнь объективно - значит повторить ее. А мы как раз решаем, стоит ли ее повторять. Парадокс логически неразрешим.
Бог: Есть непреходящие, абсолютные ценности.
Дьявол: Но Человек оценивает их со своей преходящей, относительной позиции.
Бог: Ладно, пусть будет как в демократическом суде. Я буду представлять добро, Вы - зло, а Человек будет судьей и вынесет приговор.
Дьявол: А почему, собственно говоря, Вы выбрали именно этого индивида?
Бог: Он - ровесник Октября. Судя свою жизнь, он судит революцию и все то, что было после нее.
Дьявол: Скажите, когда Вы узнали об Октябрьской революции?
Человек: Почувствовал еще в пеленках. Я же сказал уже, что весь год непрерывно плакал. В избе висел портрет Ленина. Но он висел рядом с иконами. Иконы мне нравились больше, - красочные, сверкающие, лампады с огоньком. А узнал я об Октябре толком в школе. Мое обучение началось с лозунгов, с марксистских истин, с призывов и обещаний вождей.
Дьявол: Ничего не скажешь, удачный выбор. А что Вы помните от прошлой, дореволюционной жизни?
Человек: Все.

ДЕТСТВО

Человек: Все мое детство прошло в условиях, когда доживалось все лучшее из прошлого и наживалось все худшее из будущего.

Дьявол: Вот и попробуй обойтись без диалектики! Детство вроде бы для всех есть дество. А тут!...

Бог: Обратимся к детству. Что бы там ни было, это - чудная пора. Человек уже ощущает себя цельной личностью, сохраняя беззаботность, чистую совесть...

Человек: Ха-ха-ха! Да Вы были когда-нибудь сами ребенком?! О какой беззаботности Вы толкуете? О какой чистой совести?... Мы чуть становились на ноги, как должны были няньчиться с младшими и помогать в работе старшим. Между прочим, это - еще от старого строя осталось.

Бог: Не морочьте мне голову! Признайтесь честно! За грибами ходили? Ходили. Ягоды собирали? Собирали. В лапту играли? Играли. Морковку ели? Ели. В сене кувыркались? Кувыркались.В речке полоскались? Полоскались. Зайца видели? Видели. Так что же Вам еще нужно?! Это разве не счастье?!

Человек: Счастье, конечно. Но много ли его было?! Мы пололи и поливали овощи, таскали воду, пилили и носили дрова, пасли овец и коров, убирали сено... Ягоды, между прочим, мы почти не ели - их сушили на зиму. И все время хотелось есть. А грязь! Посмотрели бы вы на наши руки и ноги! И бесконечный понос: мы ели всякую травку, что казалась съедобной. А гигиена! Бог мой, я чистые простыни и отдельный матрас познал только в армии.

Дьявол: Вшивое детство, ничего не скажешь. И, небось, богу молиться заставляли, в церковь таскали?

Человек: Не очень. Молитвы - только "Отче наш", в церковь - раз в год.В церкви было занятно - нарядно, просвирку давали.

Бог: Вы помните, как начали рушить церковь?

Человек: Помню. Мы бегали смотреть. Занятно было.

Бог: А народ?

Человек: Кто плакал, кто смеялся.

Бог: Как же так?! Почему не восстали за веру?!

Человек: Не смешите меня. Кому бог был нужен, он с ним остался. А вообще он был нам ни к чему. Без него легче стало.

Дьявол: Есть все же какой-то плюс в Вашем детстве! От Бога избавились.

Человек: Это не плюс и не минус. Это - ничто. Между прочим,

Бога мы забыли быстро, но Черта помнили долго. Нас покупали не столько тем, что Боженька вознаградит, сколько тем, что Черт накажет.
Дьявол: И, между прочим, с ведома Бога!
Бог: Довольно паясничать! Мы не на богословской дискуссии собрались. Короче говоря, были в детстве у Вас светлые пятна? Стоит ради них повторить жизнь?
Человек: Светлые пятна были, но на черном фоне. Повторять свое детство все-таки я не хочу. Вот если бы детство было такое, как у нынешних детей, тогда бы я подумал. У нынешних детей сравнительно с нами - не жизнь, а сущий рай. Нельзя ли повторить, но с учетом наших достижений?
Бог: Нет, нельзя.
Человек: В таком случае я против повторения.
Дьявол: Я одобряю. Я мог бы напомнить Вам кое-какие детали из Вашего детства, которые Вы забыли. К примеру, порки, побои со стороны более взрослых детей, бесконечные сопли от промоченных ног, корь, воспаление легких, дифтерия...
Человек: Хватит! Пошли дальше!

ОТРОЧЕСТВО
Бог: Обратимся к школьным годам. К отрочеству. Хотя я и против нового строя, в особенности - за его отношение к религии и церкви, все же я должен признать, что с точки зрения образования новая Россия сделала беспрецедентный в истории скачок. Школьные годы!... Может быть лучшие в человеческой жизни. Познание! Дружба! Первая любовь! Надеюсь, тут-то положение иное. Тут были темные пятна, но на светлом фоне, я полагаю?!
Дьявол: Бог - а говорит о познании! Если мне не изменяет память, именно с этого началось грехопадение человека, и он был изгнан из рая.
Бог: Познание - соблазн, а соблазн дает сначала удовольствие. Огорчения приходят потом. Я упомянул о нем, поскольку речь идет не обо мне и не об истории, а...
Дьявол: Ясно. Я не имею ничего против.Я всего лишь удивляюсь. Но посмотрим счастливые школьные годы нашего пациента. Хочу с самого начала заметить...
Человек: Не надо. Я сам. Школьные годы я помню очень хорошо. Верно, это были лучшие годы моей жизни. Нынешняя школа ни в какое сравнение не идет с той, в которой я учился. Иначе говоря, мое отрочество прошло в такое

время, что оно мне кажется много лучше нынешнего. Мы были нищие, но надеялись получить все. Школа давала нам самые гуманные воззрения и самые светлые идеалы. Мы через школу получали все - еду, культуру /кино, театр, экскурсии, кружки/, образование. Будущее казалось гарантированным - выбирай путь по своим силам, способностям, интересам. И хотя жили различно, тенденция к равенству и справедливости казалась доминирующей. Новое расслоение общества на классы еще не обнаружило себя или казалось пережитком прошлого. Я в школу ходил как на праздник, как в храм. Здесь шла бурная и высокоидейная жизнь. Нет, нынешняя школа - ничто в сравнении с нашей. Теперь есть школы для привилегированных и школы для прочих. Дети дома имеют больше, чем от школы. В школе все стало формальностью.Практицизм. Цинизм идеологии. Ранняя осведомленность детей обо всем. В мое время я не слышал ни одного случая, чтобы девочки теряли невинность в школе. Мы, парни, впервые познавали женщин, обычно вступая в брак. Наша школа готовила нас к борьбе за светлые /пусть ложные/ идеалы. Нынешняя готовит к заурядной серой жизни.
Бог: Но вас воспитывали в духе ложной атеистической идеологии!
Дьявол: Вы присваиваете себе чужие функции, уважаемый! Это я должен в качестве дефекта школьных лет этого Человека указать нищету, демагогию властей, пропагандистские помои и прочее.Ведь так?!
Человек: Так. Но это теперь и со стороны смотрится так. Для нас это была сказочная жизнь. Одним словом, я хотел бы повторить свое отрочество. Можно это сделать, не повторяя детство?
Бог: Ни в коем случае.
Человек: Жаль. Я бы хотел снова поступить в комсомол, снова до изнеможения спорить о будущем, смотреть революционные фильмы и читать революционные книжки, пережить страдания Павки Корчагина и пронестись с саблей наголо вслед за Чапаевым, сходить на демонстрацию на Красную Площадь и хотя бы издали посмотреть на Сталина...
Бог: Стоп! Это беспочвенные мечты.
Дьявол: Да, дорогой, вождя мирового пролетариата, учителя всего прогрессивного человечества и лучшего друга школьников товарища Сталина Вам уже никогда не видать.
Человек: Я не Сталина видеть хочу - я знаю, какой это был мерзавец. Я хочу пережить свои отроческие годы,которые

немыслимы без Сталина.
Бог: Повторяю,это исключено. Хотите видеть этого кровавого палача - начинайте с рождения.
Дьявол: Повторять жизнь ради того, чтобы пройти по Красной Площади с портретом Сталина и помахать издали рукой живому Сталину - это, знаете ли, сейчас не очень модно.
Человек: Дурак!
Дьявол: Это Вы о ком?
Бог: Надеюсь, не обо мне?
Человек: Поделите между собою сами.

ЮНОСТЬ
Дьявол: Прежде чем перейти к следующему этапу - к юности, позвольте задать Вам несколько вопросов, относящихся к периоду отрочества.
Человек: Давайте!
Дьявол: Что происходило с Вашими родственниками в это время?
Человек: Всякое. Жизнь раскидала их, одних убила, других изуродовала.Кого как.Я не хочу об этом вспоминать: страшно.
Дьявол: А как же Вас жизнь пощадила?
Человек: Это не существенно.
Дьявол: Репрессировали ли кого-нибудь из Ваших родственников и знакомых?
Человек: Было всякое. Не хочу об этом думать.
Дьявол: И если бы Вам разрешили вновь пережить эти годы,Вы согласились бы, несмотря на это?
Человек: Да.
Бог: Мы установили, таким образом, что в жизни Человека был целый период, который он хотел бы пережить снова.
Дьявол: И период, который он пережить не хочет.Один - один. Ничья. Пошли дальше: юность. Что Вы включаете в период юности? В советское время произошли изменения в возрастных периодах. Вы весь школьный период,т.е. период до восемнадцати /в среднем/ лет включаете в отрочество.А юность?
Человек: Мне все равно, какой смысл Вы вкладываете в слова "отрочество" и "юность".У нас свои рубежи, свои деления: до школы, школа, учебные заведения и служба в армии /для некоторых/ до начала самостоятельной жизни в качестве человека, получающего зарплату. Значит, период, который Вы называете юностью, теперь длится с восемнадцати до двадцати пяти или двадцати восьми лет /в среднем/. Но у меня, как и у многих моих

сверстников, он был растянут /или сокращен?/ из-за войны.
Бог: Война не в счет, ибо она есть отклонение от нормы.
Человек: Для меня военные годы были может быть более значительными, чем вся остальная жизнь.
Бог: Поговорим о них особо. А пока обратимся к нормальному ходу жизни.
Дьявол: Таким образом, периодизация жизни человека имеет социальные, а не биологические основания. Итак, что Вы можете нам сообщить об этом периоде?
Человек: О, я хотел бы сказать многое. Но когда есть что сказать, говорить трудно.Трудно выбрать события и дать им оценку. К тому же этот период был очень сложен, даже запутан, подвижен,изменчив, противоречив. В этот период я отслужил в армии, хотя мог иметь отсрочку, поскольку поступил в институт. Я напросился добровольцем в пограничные войска на Дальний Восток. Потерял три года. Но я не жалею. Участвовал в конфликте на озере Хасан и на Халкинголе.Потом потерял еще два года: работал на важном строительстве в Сибири. Заработал там язву. Институт. Война. Был комсомольским активистом. Вступил в партию на фронте. После института уехал добровольно работать в глушь. Жил там с женой и ребенком в тесной комнатушке.Как жили - теперь трудно поверить. Макаронам радовались, как дети. А фрукты...Слава богу, лук был.Одним словом, хлебнул жизни по горло.
Дьявол: Следовательно...
Бог: Ничего не следовательно. В эти годы Человек повидал мир,преодолел массу трудностей, пережил радость первой любви, радость рождения ребенка. Романтика.Перспективы роста...
Человек: Верно. Я об этих годах не жалею. Было все. И любовь. И романтика. Но вот насчет того,чтобы повторить их, я колеблюсь.Романтика - да, но романтика голода,грязи, холода, работы до изнеможения,часто - бессмысленной. Одновременно это были годы встречи с суровой реальностью и прощания с романтикой.Пришлось отбросить все иллюзии и надежды отрочества.Правда, появились другие надежды, более прозаические: чуточку улучшить бытовые условия, продвинуться на работе.
Дьявол: Насчет первой любви. Вы женились на той, которая...
Человек: Что Вы! Девушка, которую я полюбил впервые, предпочла другого.Я женился случайно.
Дьявол: Вы любили жену?

Человек: Не знаю. Скорее всего - нет. Всю жизнь маялся с ней.
Дьявол: Почему не развелись?
Человек: Не до этого было.И непривычно. Да и к чему? Другие не лучше жили. Не все ли равно! И дети опять же.
Дьявол: При каких обстоятельствах Вы получили комнатушку, о которой упомянули?
Человек: Лучше не вспоминать.
Дьявол: И несмотря на это...
Человек: Нет, из-за этого и из-за много другого я не могу сказать, что хочу повторить эти годы.
Бог: Таким образом, счет остается прежним.

ВОЙНА

Дьявол: Теперь - период войны. Думаю, что Вы эти кошмарные годы не хотите повторять. Это бесспорно. Потому - короче.
Человек: Как раз наоборот, военные годы я хотел бы пережить вновь.
Бог: Но почему? Все человечество осуждает ту войну и борется за мир. Избежать войны любой ценой - это естественное желание людей, а Вы...
Человек: Вы рассуждаете как идеологический работник. Я вовсе не хочу,чтобы началась новая война.Я хотел бы пережить все то, что было со мною во время войны. Какое это имеет отношение к войне?
Бог: Никакого. Но ведь военные годы для Вас были такими трудными.Вы пошли добровольцем на фронт?
Человек: Да.
Бог: Почему?
Человек: Хотел защищать Родину.
Бог: Демагогия!
Человек: Если бы я был в силах, я бы тебе за такое слово по морде дал!
Бог: Извините, я не подумал.
Человек: А кто,по-Вашему, защитил страну? Демагогия? Обман? Страх? Я - пока еще живой пример того, что было на самом деле. Я ушел добровольно на фронт. В первом же бою был ранен, но остался в строю. Был ранен три раза, один - тяжело, полгода в госпитале лежал.
Дьявол: Чем же Вас привлекают эти годы, если Вы хотите пережить их снова? Приключения? Риск? Слава? Власть над людьми? Что?
Бог: Думаю, что я догадываюсь, в чем дело. Человеческие отношения.Фронтовая дружба. Общая опасность сближает людей.

Человек: Верно, но лишь отчасти. Не забывайте о годах отрочества. Война отбросила зародившиеся сомнения и разочарования. На карту были поставлены лучшие завоевания революции. Эта война для таких, как я, явилась как бы продолжением революции и гражданской войны. Мы выросли на романтике революционной борьбы и гражданской войны. А эта война дала нам возможность воплотить ее на практике. Именно ужасы и трудности войны отодвинули на задний план все кошмары созревающего нормального социализма и направили наше внимание на абстрактные и прекрасные в своей абстрактности идеалы его.А на это наложилось все остальное - дружба, романтика боя, сознание предстоящей опасности, сознание пережитой опасности, слава и многое другое.

Дьявол: Можно вопрос не по существу? Скажите, знали ли Вы о массовых репрессиях сталинского периода?

Человек: Не все, конечно, но в принципе знал.

Дьявол: И верили Вы в то, что сообщалось по этому поводу?

Человек: Передо мною не стояла такая проблема. Я верил в целесообразность происходящего.

Дьявол: Угрожал ли Вам арест?

Человек: Он угрожал каждому. Но я об этом не думал.

Бог: Было ли у вас чувство протеста?

Человек: Нет. В общем потоке жизни эти репрессии, о которых потом стали много говорить, занимали не такое уж большое место. Мне не приходилось сталкиваться со случаями, когда арест человека сказался бы существенным образом на интересах дела.

Бог: А тот факт, что было репрессировано восемьдесят процентов командного состава армии, разве не сказался катастрофическим образом на ходе войны? Какие поражения! Какие потери!

Человек: Эх Вы, а еще Бог! Разве можно в таком сложном процессе временную последовательность событий принимать за причинно-следственную? А противоречивые следствия одних и тех же причин? Где гарантия, что ход войны был бы более благоприятным, не будь этих репрессий? Во всяком случае, во всяком зле есть доля блага.Благодаря этим репрессиям и поражениям в начале войны вырос образовательный уровень офицерского состава. Да, да! Люди со средним и высшим образованием в огромном количестве стали командирами взводов, рот, батальонов, полков. Ими были укомплектованы все штабы крупных подразделений.Если хотите знать, именно выпускник моей

школы выиграл эту войну. Мы прошли нашу прекрасную школу, чтобы выиграть эту войну,- вот в чем суть дела. Потому период войны для меня дорог. В принципе я должен был погибнуть во время войны. Это было мое предназначение. То, что я уцелел, дело случая. Моя жизнь прошла в войне.Что было потом - было уже не мое.

ГИМН ТРУДНОСТЯМ

Самое главное в жизни народа -
Трудности. Трудности всякого рода.
С отдыхом. С тряпками. С хлебом. С жильем.
С любовью. С начальством. С соседом. С жульем.
И даже природу, и даже погоду
Нельзя без труда трудовому народу.

ЗРЕЛОСТЬ

Бог: Приступаем к оценке самого значительного и важного периода жизни Человека, - периода зрелости. Продолжительность его превосходит продолжительность всех остальных вместе взятых.
Дьявол: Предлагаю поэтому оценивать его в два очка.
Бог: Согласен.
Человек: Я против. Для меня этот период не важнее, чем несколько лет войны. И промчался он вроде бы быстрее.
Дьявол: Резонно. Итак, основные события этого периода.
Человек: Загляните в мою трудовую книжку или партийную учетную карточку, там все сказано.
Бог: Не исчерпывается же Ваша жизнь в этот период такими скудными сведениями?
Человек: Представьте себе, исчерпывается. А что сказать? Работал. Немножко повышался по службе. Немножко улучшал жилищные условия.Получал премии и награды. Растил детей. Сидел на собраниях. Избирался в партийные органы. Был депутатом районного совета. Проталкивал детей в институты. Понервничал слегка. Отделался инфарктом. Одним словом, был скромным и добросовестным тружеником, каких миллионы.
Бог: Но было же за такой большой срок что-то хорошее, ради чего Вам захотелось бы повторить жизнь?
Человек: Было, конечно, много хорошего. Премии и награды было приятно получать. Когда получили новую квартиру, были на седьмом небе от счастья. Дети в институты устроились,а потом - на работу хорошую,- тоже приятно.

В санаторий на Юг ездили. Был по туристической путевке в ГДР. Много, повторяю, было хорошего. Но разве стоит повторять жизнь ради того, чтобы пережить маленькую радость от получения медали "За трудовую доблесть" или большую радость от увеличения квартиры на одну комнату для детей?!

Дьявол: Верно, не стоит. Тем более неприятностей в этот период было больше, чем приятностей. Вы сказали, что детей удалось пристроить в институт.Как это понимать?

Человек: Теперь попасть в институт не так-то просто. Не то, что в наше время. Пришлось дать взятку за дочь, а за сына - оказать услугу. Из-за этой услуги, пропади она пропадом, я и схватил инфаркт. Этого жулика из института разоблачили. А мое имя в фельетон попало.

Дьявол: А второй инфаркт от чего был?

Человек: Большие провалы на производстве были. Нужен был "козел отпущения". Решили меня на это дело "выдвинуть". В конце концов виновных нашли, но мне все равно на пенсию пришлось из-за этого выйти.

Дьявол: Видите?! Ради этих инфарктов повторять все сначала? Надо быть круглым идиотом, чтобы на такое решиться.

Бог: Но в общем балансе жизни...

Человек: При чем тут баланс? Дело не в балансе, а в том, что жизнь пошла совсем не туда, куда она должна была бы пойти, как нас учили в свое время и как мы сами мечтали.

Бог: Хуже стало?

Человек: Нет, много лучше, чем мы думали.

Бог: Так в чем же дело? Вы противоречите себе.

Человек: Нисколько. Я говорил уже, что любил одну девушку, а женился на другой. Жена моя лучше той, которую я любил, а душа моя осталась с той, которую любил.Просто не мое общество выросло, чужое. Теперь так часто с детьми бывает. Вкладываешь в них силы, трясешься над ними,вдалбливаешь им свои принципы. И вдруг замечаешь, что ничего общего с ними не имеешь.

Бог: И что же Вам не нравится в этом обществе, которое Вы сами строили, которое есть и Ваше дитя?

Человек: Долго рассказывать. В двух словах - тот настоящий коммунист, какой был описан в нашей литературе и показан в кино,быть каким приучала моя школа, оказался совершенно нежизнеспособным и совсем неприемлемым для окружающих.А я переродиться уже не смог. Не сумел, да и не захотел приспособиться. Наступило, повторяю, чужое время.С некоторых пор я жил, не видя вокруг себя

ни одного человека, который был бы близок мне по духу.
Бог: Определите в двух словах, что такое настоящий коммунист.
Человек: Человек, который довольствуется минимумом бытового комфорта или совсем пренебрегает им и который подчиняет свои интересы интересам коллектива или жертвует собою ради интересов коллектива.
Дьявол: И Вы были таковым?
Человек: В общем и целом - да.
Бог: И много было таких в Ваше время?
Человек: Много. Может быть не так много сравнительно со всей массой людей, но достаточно для того, чтобы определить лицо эпохи. Мы задавали тон жизни и вели за собой миллионы других.
Дьявол: А теперь?
Человек: Теперь таких людей почти не осталось. Тон жизни стали задавать анти-коммунисты, т.е. карьеристы, хапуги, бюрократы, тщеславные люди и прочие, каких мы в свое время презирали и считали врагами революции и нового строя.
Бог: Врагами народа, как выражались в ваше время.
Человек: Многие из них были уничтожены как враги народа. Но больше уцелело. Они сами уничтожали настоящих коммунистов как врагов народа.Они победили.
Дьявол: Хорошо это или плохо?
Человек: Кому как.
Бог: Что было главным для Вас в жизни?
Человек: Быть уважаемым членом общества и быть нужным ему.
Бог: Так ради этого стоит повторить жизнь!
Человек: В конце я перестал быть таким для моего коллектива.
Дьявол: Как Вы приняли разоблачение сталинизма?
Человек: Как все, т.е. как своевременное изменение генеральной линии партии.
Дьявол: Вы сожалели об уходе сталинской эпохи в прошлое?
Человек: Немного сожалел. Это была все-таки юность страны. Страшная, но героическая. Было грустно с ней расставаться. Но рад был тому, что она окончилась. Вместе с тем, почувствовал себя как бы не у дел, - другие, незнакомые мне люди вышли на сцену. Нас отпихнули.
Бог: Подведем итог.
Человек: А чего его подводить? И так ясно: я не хочу переживать снова этот самый длинный и важный период жизни.
Бог: Итак, счет "три - два" в пользу отказа от повторения жизни. Нам осталось оценить последний период -

старость. Но сначала условимся, что будем делать,если счет будет ничейным?
Дьявол: Предлагаю в этом случае бросить монету.
Бог: Это несправедливо - ставить судьбу Человека в зависимость от чистой случайности.
Дьявол: А разве не так обстоит на самом деле? Этот Человек есть представитель атеистического общества, в котором судьбы людей не предопределены на Небе. Как раз это будет справедливо.
Бог: Мы судим эпоху, породившую Человека. Это несерьезно - бросать монетку.
Дьявол: Хорошо.Предлагаю тогда поступить так: предложим Человеку назвать хотя бы одно событие в его жизни,ради которого он готов повторить всю жизнь.

СТАРОСТЬ
Бог: С уходом на пенсию у Вас начался последний период жизни - старость. Когда это произошло?
Человек: Как только это произошло, вскоре я оказался здесь.Так что я не успел пережить и прочувствовать этот период. Мне бы, конечно, хотелось еще пожить.Я ведь не так стар. Мог бы еще минимум десять лет прожить и наслаждаться заслуженным отдыхом, как принято у нас выражаться. Если я соглашусь повторить жизнь, буду ли иметь возможность испытать этот последний законный отрезок жизни - старость?
Бог: Нет. Повторив жизнь, Вы доживете только до этого момента.
Человек: Жаль. Единственное, ради чего я согласился бы повторить жизнь, независимо от прошлых этапов, это - будущая жизнь, а не прошедшая.
Дьявол: Но хоть какое-то время после выхода на пенсию и до этой минуты Вы прожили?
Человек: Прожил. Но психологически это была инерция от предыдущего периода. Я не ощутил разницы.Так что мое отношение к этому кусочку такое же, как к периоду зрелости, а не как к периоду старости. Психологически последнего у меня не было.
Дьявол: Вот проблема - будем считать,что он не хочет повторять последний период или что такового у него не было? И как рассматривать желание повторить еще непрожитый период?
Бог: Не занимайтесь софистикой.Условие было вполне определенное: повторить прожитое, независимо от того, на какие периоды оно разбивается.

Дьявол: В таком случае вопрос решен.
Бог: Еще нет. Наш подсчет очков не имеет формальной силы. Теперь мы должны спросить Человека, к какому решению он пришел, припомнив прожитую жизнь.

СУД

Бог: Итак, мы закончили обсуждение образцово-показательной жизни советского человека, рожденного вместе с революцией и прожившего жизнь вместе со своей страной. Мы отметили положительные и отрицательные стороны этой жизни.
Дьявол: Отрицательные, если уж быть точным, мы сильно приуменьшили. Мы умолчали, например, о судьбе родителей. Что с ними произошло? Хорошо, молчу. А брат, где он? А...
Бог: Об этом надо было говорить в свое время.Теперь поздно. Я тоже кое о чем умолчал. Например,о том, какая была радость, когда он с семьей получил отдельную комнату.
Дьявол: Да, но какой ценой! Какие ему пришлось дать показания на своего близкого друга?! Кстати, в комнату друга он и вселился.
Бог: Замнем для ясности. Что было - то сплыло. Теперь предоставим Человеку самому вынести решение: стоит повторять жизнь или нет.Итак,Человек, напряги последний раз на мгновение память и вспомни, было ли в твоей жизни что-то такое, ради повторения чего ты хотел бы повторить свою жизнь точно в том виде, как ты ее прожил?
Человек: Я уже пережил жизнь снова в своей памяти и воображении.Чем в таком случае то,что предлагаете Вы, отличается от этого? В воображении я порою могу вносить исправления, а тут...
Бог: Реальное повторение жизни отличается от воображаемого достоверностью переживаний, в том числе - достоверностью счастья.
Дьявол: И несчастья тоже.И горя, и боли, и тоски, и отчаяния,- всего!
Человек: Я хочу жить, но в будущем, а не в прошлом!
Бог: В таком случае умри!
Дьявол: Готов! но каков же результат суда?
Бог: Плоды прошлого суть настояшее и будущее. Желание продолжать жить в настоящем и будущем и есть суд над прошлым. Это - извечно и на века.Человек мудр. Он осуществил самый справедливый суд над своей эпохой: решение проблем прошлого лежит в будущем. Человек

умер. Да здравствует Жизнь!
Дьявол: Красиво сказано. Но скажите честно, сами-то Вы хотели бы повторить свою жизнь?
Бог: Нет. А Вы?
Дьявол: Только с одной целью - выяснить, что произошло бы в стране, если бы исправили наши ошибки и пороки, т.е. не писали бы доносов, не громили бы липовых врагов, не одобряли бы подлостей вождей, короче говоря - не делали бы ничего такого,за что нас презирают и клеймят нынешние критики "режима".
Бог: Ну, это и без повторения жизни ясно. Не было бы плотин, заводов, каналов, рекордов, перелетов, военных побед, спутников и всего прочего, а главное - не было бы того, за счет чего могли бы существовать критики "режима".
Дьявол: В таком случае пусть прошлое останется таким, каким оно было. Но пусть оно не повторяется.

ИСПОВЕДЬ

Палачи, стукачи, прохиндеи,
Срок настал - отдаю вам дань я.
Это вы отстояли идеи.
Это вы воплотили их в зданье.
Ваше подлое поколение
Путь открыло земному раю.
Перед вами склоняю колени я,
Хотя вас я в душе презираю.
Хотя рай ваш страшнее ада,
Откровенно признаюся тоже:
Мне иного рая не надо.
Только жить в нем - избави Боже!

ДОБРОВОЛЬЦЫ

- В начале войны я отступал с остатками батальона, - говорит очередной случайный собутыльник. - Немцы насели на нас. Надо было во что бы то ни стало оторваться. Я вызвался добровольцем прикрыть отступление. Этот миг, когда я по команде командира батальона "Добровольцы, два шага вперед!" делал эти мои исторические два шага, был смыслом моей жизни. Я был рожден для этого мига. То, что я уцелел, дело случая. После этого я не жил в строгом смысле слова, а, как говорится, коптил небо.

Доброволец, два шага вперед!
Ну а мы пошагаем дале.
Пусть потом кто-нибудь соврет,
Что тебя, как и всех, принуждали.
Доброволец, два шага вперед!
Все равно годы в вечность канут.
Пусть потом кто-нибудь соврет,
Что ты был, как и все, обманут.
Я шагаю два шага вперед.
Жизнь - не праздник, а поле брани.
Что угодно потомок пусть врет.
Я ж предвидел все это заране.

ПЕРВЫЕ

Тогда все было первое, в том числе - и первое осмысление сущности нового коммунистического строя. Не старые революционеры, не мудрые руководители, не профессора и маститые писатели, а именно мы - безусые мальчишки первыми постигли самую глубокую и самую трагическую истину тысячелетия: все кошмарное зло нашей эпохи явилось результатом воплощения в жизнь самых светлых идеалов человечества. И от этого открытия нам стало плохо на всю жизнь.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

До "хрущевского переворота" я сочинял стихи, рассказы, анекдоты, высмеивающие сталинизм. Почти все это исчезло бесследно и глохло в узком кругу достойных доверия людей. После хрущевского доклада засветилась надежда на то, что кое-что можно сделать известным, причем - под своим именем, а не анонимно, как я делал до тех пор. И я сделал попытку написать что-то для печати. Но ничего из написанного мною не удовлетворяло меня. - Слабо, - говорил я себе, - односторонне, фрагментарно, поверхностно, надуманно, сентиментально... Ты же пережил исторический ураган, а не отрепетированный спектакль рассчетливо поступавших разумных существ. В жизни не было четкого разделения на актеров и зрителей, на сцену и кулисы, на режиссеров и исполнителей. А что делать? Что может сказать песчинка, несомая Великим Ураганом, о всем Урагане?

- Но зачем думать о прошлом, - сказал однажды я себе.- Твое время не в прошлом, а в будущем. Оно еще не пришло. Оно еще придет и само, если нужно, продиктует тебе свои книги. А если не продиктует,

то значит так и нужно, значит твоя жизнь того не стоит. А теперь живи. Просто живи, как все. И не забывай: сущность прошлой истории резюмируется в ее результате, - в настоящем. Сущность истории остается навечно. Исчезают лишь ее строительные леса и ее дорога. И я успокоился. И стал ждать, как все, - в ожидании конца. И в честь освобождения от кошмара прошлого сочинил такое пророчество.

ПОСЛЕДНЕЕ
ПРОРОЧЕСТВО

Все так и будет, господа.
Мечта в реальность воплотится.
И благодать та будет длиться
Во все грядущие года.
Но я о райской пуще той,
Сказать по-честному, не сохну.
Я даже рад, что скоро сдохну,
Не встретясь наяву с мечтой.
Я только об одном грущу:
Тот рай земной без проволочки
До самой до последней точки
По праву мертвых получу.

Мюнхен, 1982. А.Зиновьев

Achevé d'imprimer le 24 mai 1983
sur les presses des Imprimeries Delmas
à Artigues-près-Bordeaux.

Dépôt légal : mai 1983.
N° d'impression : 32986.